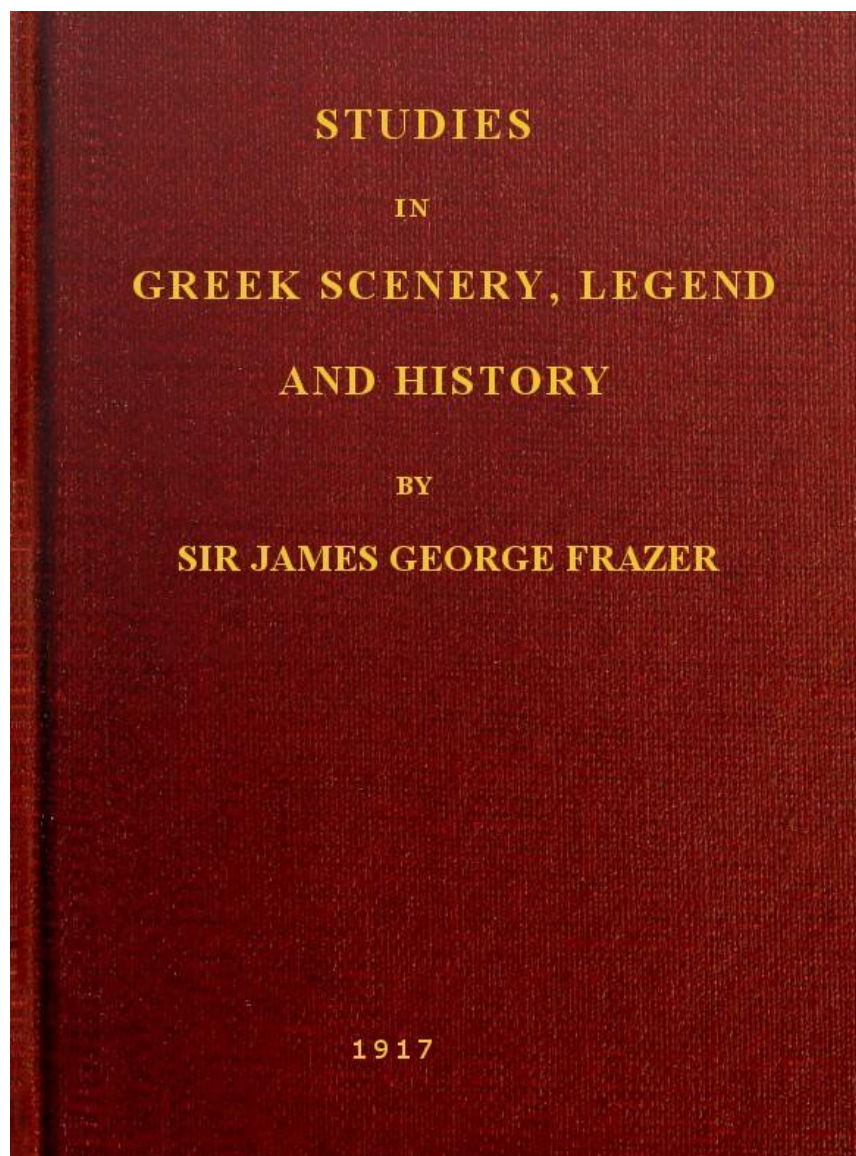

Исследование греческих пейзажей,
легенд и истории. Избранное из
комментария к "Описанию Греции"
Павсания

Джеймс Джордж Фрейзер

Электронная книга проекта "Гутенберг", посвященная изучению греческих пейзажей, легенд и истории

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Этюды о греческих пейзажах, легендах и истории

Автор: Джеймс Джордж Фрейзер

Дата выхода: 19 ноября 2017 г. [Электронная книга № 56002]

Последнее обновление: 19 марта 2025 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлено К. Д. Уиксом, Тургутом Динсером и командой <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИССЛЕДОВАНИЯ ГРЕЧЕСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ, ЛЕГЕНД И ИСТОРИИ ***

Примечание переписчика:

Примечания на полях
выглядят
вот так.

Сноски собраны в конце каждой главы и связаны для удобства использования.

Незначительные ошибки, связанные с принтером, были исправлены. Пожалуйста, ознакомьтесь с [примечанием](#) переписчика в конце этого текста для получения подробной информации об устранении любых текстовых проблем, возникших при его подготовке.

Изображение на обложке создано на основе информации с титульного листа и находится в общественном достоянии.

Любые исправления обозначаются с помощью подчеркивания highlight. Наведение курсора на исправление приведет к появлению исходного текста в небольшом всплывающем окне.

Любые исправления указаны в виде гиперссылок, которые позволят читателю перейти к соответствующей записи в таблице исправлений в примечании в конце текста.

ИЗУЧЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ, ЛЕГЕНД И ИСТОРИИ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Описание Греции Павсанием. Переведено сэром Дж. Дж. Фрейзером, Д.К.Л., дословно с комментариями, иллюстрациями и картами. Второе издание. 6 томов. 8во. 126с. нетто.

"Золотая ветвь". Исследование магии и религии. Издание третье, исправленное и дополненное. 8во.

Часть 1. **Магическое искусство и эволюция королей.** 4-е впечатление. Два тома. 20 с. нетто.

Часть 2. **Табу и опасности души.** 3-е впечатление. Один том. 10s. net.

Часть 3. **Умиравший бог.** 3-е впечатление. Один том. 10s. net.

Часть 4. **Адонис, Аттис, Осирис.** Два тома. Третье издание. 20с. нетто.

Часть 5. **Духи кукурузы и дикой природы.** 2-е впечатление. Два тома. 20 с. нетто.

Часть 6. **Козел отпущения.** Один том. 10s. net.

Часть 7. **Бальдер Прекрасный: Европейские фестивали огня и учение о внешней душе.** 2-е впечатление. Два тома. 20s. net.

Том XII. **Библиография и общий указатель.** 20s. net.

Лекции по ранней истории царствования. 8во. 8с. 6д. нет.

Тотемизм и экзогамия. Трактат о некоторых ранних формах суеверий и общества. С картами. 4 тома. 8во. 50с. нетто.

Вера в бессмертие и поклонение мертвым. Том I. Вера аборигенов Австралии, островов Торрессова пролива, Новой Гвинеи и Меланезии. 8vo10s. net.

Задача психики. Рассуждение о влиянии суеверий на рост институтов. Второе издание, исправленное и дополненное, к которому добавлена "Сфера социальной антропологии". 8vo. 5s. net.

Очерки Джозефа Аддисона. Выбрано и отредактировано с предисловием и несколькими примечаниями сэром Дж. Дж. Фрейзером. 2 тома. Гл. 8во. 10с. нетто.

Письма Уильяма Каупера. Избранное и отредактированное, с мемуарами и примечаниями, сэром Дж. Дж. Фрейзером. 2 тома. Gl. 8vo. 10s. net.

ЛОНДОН: MACMILLAN AND CO., Ltd.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРЕЧЕСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ, ЛЕГЕНД И ИСТОРИИ, ВЫБРАННЫЕ ИЗ ЕГО
КОММЕНТАРИЯ К "ОПИСАНИЮ ГРЕЦИИ" ПАВСАНИЯ

ВУ СЭР ДЖЕЙМС ДЖОРДЖ ФРЕЙЗЕР

СТИПЕНДИАТ ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА, КЕМБРИДЖ

АВТОР КНИГИ "ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ"

MACMILLAN AND CO., LIMITED

УЛИЦА СВЯТОГО МАРТИНА, ЛОНДОН

1917

Впервые опубликовано под названием "Павсаний и другие греческие очерки", 1900

Переиздано в 1917 году

ПРЕДИСЛОВИЕ

Англичанин в Греции, который обращает хоть какое-то внимание на остатки классической древности, склонен, если он не ученый, задаться вопросом, кем был некий Павсаний, авторитет которого, как он обнаруживает, часто цитируется по вопросам древних зданий и памятных мест. Первый из следующих набросков, возможно, удовлетворит его любопытство по этому поводу. Он уже служил введением к версии Описания Греции Павсанием, которую я опубликовал с комментарием два года назад. Рассказ о Перикле был включен в девятое издание Британской энциклопедии. Я хочу поблагодарить господ А. и К. Блэка за их любезное разрешение переиздать его. Остальные наброски перепечатаны, с некоторыми небольшими изменениями и корректировками деталей, из моего комментария к Павсанию. Ссылки на авторитеты были опущены за ненадобностью в книге, которая не была специально адресована ученым. Любой, кто пожелает продолжить изучение этого предмета, найдет, что мои авторитетные источники обильно цитируются в оригинальных томах. Среди работ, из которых я позаимствовал очертания и цвета для некоторых моих зарисовок греческих пейзажей, я упомяну здесь только две — "Эриннерунген и Эйндрюкке в Греции" швейцарского ученого В. Вишера и "Пелопоннес" немецкого геолога мистера А. Филипсона. Какими бы незначительными и фрагментарными ни были эти зарисовки, я не лишен надежды, что они смогут донести до читателей, никогда не видевших Греции, частичку вечного очарования ее пейзажей. Для тех, кто уже знает и любит страну, они все же будут желанными гостями, если здесь и там они оживят какую-нибудь красивую или историческую сцену на тех скрижалях разума, с которых так быстро исчезают даже самые яркие оттенки.

Дж . Г. Ф.

Кембридж, 30 марта 1900 г..

Содержание

	Страница
1. Павсаний и его описание Греции	1
2. Ороп	160
3. Рамн	163
4. Марафон	165
5. Прасии	174
6. Гора Гиметтус	178
7. Гора Пентеликус	182
8. Тип	187
9. Афинский порт	191
10. Священный Путь	209
11. Зал посвящения в Элевсине	214
12. Элеутерия	216
13. Мегара	219
14. Скиронская дорога	220
15. Коринфский перешеек	223
16. Ванна Афродиты	226
17. Перспектива из Акрокоринфа	227
18. Взятие Коринфа Аратом	228
19. Сикион	232
20. Филиазия	233
21. Немея	237
22. Перевал Третус	238
23. Микены	242
24. Конец Микенской эпохи	245
25. Гора Арахней	248
26. Эпидавр	249
27. Храм на Эгине	251

28.	Святилище Посейдона в Калаврии	252
29.	Трезен	253
30.	От Трезена до Эпидавра	255
31.	Метана	260
32.	Науплия	261
33.	Источники Эразина	263
34.	Лернейское болото	266
35.	Анигрейская дорога	269
36.	Поле битвы при Селлазии	270
37.	Спарта	271
38.	Мистра	274
39.	По дороге из Спарты в Аркадию	278
40.	Мыс Малера	279
41.	Монемвасия	281
42.	Майна	282
43.	Фары и Мессенская равнина	284
44.	Мессена	285
45.	По дороге в Олимпию	287
46.	Олимпия	290
47.	Изображение Зевса-олимпийца Фидием	292
48.	Гермес Проксителю	293
49.	Ласион	296
50.	Эримантус	299
51.	Монастырь Мегаспелеум	300
52.	Коринфский залив	301
53.	На побережье Ахайи	303
54.	Pellene	304
55.	Дорога из Аргоса в Аркадию	306
56.	Мантиней	308
57.	Дорога в Стимфал	310
58.	Озеро и долина Стимфал	312
59.	Озеро Фенеус	315
60.	От Фенея до Нонакрис	320
61.	Падение Стикса	324
62.	Долина Ароаниуса	330
63.	Источники Ладона	331
64.	Ладонское ущелье	333

65.	Алифера	336
66.	Димитсана	337
67.	Гортис	338
68.	Равнина Мегаполиса	342
69.	Пещера Черной Деметры	343
70.	Храм Аполлона в Бассах	345
71.	Храм Артемиды в Авлиде	346
72.	Прыжок Главка	347
73.	Вечер на Еврипиде	349
74.	Озеро Копайк	349
75.	Великая Катавотра	355
76.	Долина муз	357
77.	Гиппокрена	358
78.	Лебадея	359
79.	Беотийский Орхомен	361
80.	Херонейская равнина	364
81.	Панопей	364
82.	Близ Гиамполиса	365
83.	Титорея	366
84.	Из Амфиссы в Гравию	369
85.	Daulis	371
86.	Путь в расщелину	373
87.	Дельфы	374
88.	Эсхин в Дельфах	378
89.	Пифийская мелодия	379
90.	Лакедемонянин Трофей в Дельфах	380
91.	Боги в битве	382
92.	Желание Сивиллы	384
93.	Орфей в аду	386
94.	Ахерон	387
95.	Поездка по Парнасу	389
96.	Перикл	392

Греция во втором веке нашей эры

I. Павсаний и его описание Греции.— Можно считать своеобразной удачей, что среди обломков классической литературы до нас дошло целиком Описание Греции Павсания. В этой работе мы располагаем простым, без прикрас отчетом очевидца о состоянии Греции во втором веке нашей эры. Ни о какой другой части древнего мира не сохранилось столь подробного и заслуживающего доверия описания, и если бы мы были вольны выделить одну страну в одну эпоху, о которой мы хотели бы сохранить летопись, наш выбор вполне мог бы пасть на Грецию эпохи Антонинов. Ни один другой народ не оказал столь глубокого и неизменного влияния на ход современной цивилизации, как греки, и никогда еще памятники их пестрой, но славной истории не были изучены так полно, как во втором веке нашей эры. Великая эпоха нации, действительно, давно миновала, но в лучах мира и императорской милости греческое искусство и литература снова расцвели. Возникали новые храмы; высекались новые изображения; новые театры, бани и акведуки служили развлечению и роскоши народа. Среди новых писателей, чьим произведениям мир не позволит добровольно умереть, достаточно упомянуть великие имена Плутарха и Лукиана.

Именно в эту мягкую осень — возможно, скорее бабье лето — древнего мира, когда собирались последние крупинки греческого гения, Павсаний, современник Адриана, Антонинов и Лукиана, написал свое описание Греции. Он пришел вовремя, но как раз вовремя. Он смог описать величественные здания, которыми при его жизни Адриан украсил Грецию, и едва ли не менее великолепные сооружения, которые еще в то время, когда он писал, другой щедрый покровитель искусства, Ирод Аттик, возводил в некоторых из великих центров греческой жизни и религии. И все же, несмотря на все это отважное шоу, наступил упадок. Примерно столетием ранее император Нерон в речи, в которой он объявил в Коринфе об освобождении Греции, посетовал, что ему не было дано даровать это благо в другие и более счастливые дни, когда им могло бы воспользоваться больше людей. Через несколько лет после этого императорского изречения Плутарх заявил, что мир в целом и Греция в частности обезлюдели из-за гражданских беспорядков и войн; вся страна, по его словам, теперь едва ли могла выставить в поле три тысячи пехотинцев — столько, сколько раньше одна Мегара посылала против персов при Платеях; и днем одинокий пастух, пасущий свое стадо, был единственным человеком, которого можно было встретить на месте, где когда-то жил один из самых известных оракулов Беотии. Дион Хрисостом рассказывает нам, что в его время большая часть города Фивы была пустыня и что только одна статуя стояла прямо среди развалин древней рыночной площади. Тот же живописный автор нарисовал для нас провинциальный городок Эвбея, где большая часть пространства внутри стен была отведена под пастбище, где гимнастический зал представлял собой плодородное поле, на котором изображения Геркулеса и всего остального возвышались тут и там над колосающейся кукурузой, и где овцы мирно паслись около общественных учреждений на заросшей травой рыночной площади. В одном из своих "Диалогов мертвых" Лукиан представляет душу богатого человека, горько упрекающего себя за свою опрометчивость, осмелившегося пересечь Киферон всего с парой слуг, ибо на него напали и убили разбойники на большой дороге в том месте, где серые руины Элевтерии все еще смотрят вниз на перевал; во времена Лукиана местность, опустошенная, по его словам, старыми войнами, кажется, была еще более пустынной, чем сейчас. Сам Павсаний является нашим лучшим свидетелем такого положения вещей. Снова и снова он замечает сморщенные или

разрушенные города, заброшенные деревни, храмы без крыш, святилища без изображений и пьедесталы без статуй, слабые остатки мест, которые когда-то имели название и сыграли важную роль в истории. Он пришел на место одного знаменитого города и обнаружил там виноградник. В одном заброшенном храме он увидел огромное дерево плюща, цепляющееся за разрушенные стены и разрывающее камни на части. В других местах ничего, кроме высоких колонн, вздымающихся на фоне неба, не указывало на то, что здесь был храм. Более внезапные и жестокие разрушительные силы также не стремились ускорить медленный упадок, вызванный временем, пренебрежением, политическим рабством, всеми тонкими, не поддающимися определению факторами, которые подтачивают силу нации. При жизни Павсания орда северных варваров, зловещий предтеча многих других, пронесла огонь и меч в сердце Греции, и римский мир был опустошен великой эпидемией, которая проредила его население, ослабила его энергию и ускорила упадок искусства.

То немного, что мы знаем о жизни Павсания, полностью почерпнуто из его трудов. Античность, которая почти не упоминает писателя, умалчивает об этом человеке.

Дата

Павсания.

К счастью, его дата достоверна. В начале своего описания Элиды он сообщает нам, что с момента восстановления Коринфа прошло двести семнадцать лет. Поскольку Коринф был восстановлен в 44 году до нашей эры, мы видим, что Павсаний писал свою пятую книгу в 174 году нашей эры, во время правления Марка Аврелия. С этой датой согласуются все остальные хронологические указания в его книге. Таким образом, он говорит об изображениях, созданных в 125 году нашей эры, как о образцах искусства его времени. Опять же, он дает нам понять, что был современником Адриана, и говорит нам, что никогда в жизни не видел любимца Адриана, Антиноя. Итак, Адриан умер в 138 году нашей эры, а таинственная смерть Антиноя в Египте, по-видимому, прилась на 130 год нашей эры. Из слов Павсания естественно заключить, что, хотя он никогда не видел Антиноя при жизни, он был достаточно взрослым, чтобы видеть его; из чего мы заключаем, что наш автор родился за много лет до 130 года нашей эры, даты смерти Антиноя. Последним историческим событием, упомянутым им, является вторжение костобоков в Грецию, которое, по-видимому, произошло где-то между 166 и 180 годами нашей эры, возможно, в 176 году нашей эры.

Даты

выхода различных
книг.

Из этих и еще нескольких намеков мы можем сделать некоторые выводы относительно дат написания различных книг, составляющих Описание Греции. В седьмой книге Павсаний рассказывает нам, что его описание Афин было закончено до того, как Ирод Аттик построил Музыкальный зал в память о своей жене Регилле. Поскольку Регилла, по-видимому, умерла в 160 или 161 году нашей эры, а Мюзик-холл, вероятно, был построен вскоре после этого, мы можем предположить, что Павсаний закончил свою первую книгу самое позднее к 160 или 161 году нашей эры. Действительно, есть некоторые основания утверждать, что и первая, и вторая книга были написаны гораздо раньше. Ибо во второй книге Павсаний упоминает ряд зданий, которые были возведены при его жизни римским сенатором Антонином в святилище Эскулапа в Эпидавре. Если, что не кажется невероятным, римским сенатором был не кто иной, как Антонин,

который впоследствии правил как Антонин Пий, мы, естественно, должны сделать вывод, что вторая книга была опубликована в правление Адриана, то есть не позднее 138 года н.э., года, когда Адриан умер и Антонин сменил его на троне. С этим можно было бы согласиться, что ни один император позже Адриана не упоминается ни в первой, ни во второй книге, ни вообще ни в какой книге до восьмой. Однако этому обстоятельству нельзя придавать особого значения, поскольку в пятой книге Адриан упоминается последним императором, хотя эта книга была написана, как мы видели, в правление Марка Аврелия, через тридцать шесть лет после смерти Адриана. Гораздо более поздняя дата была назначена автором книги мистера У. Гурлитта в его ценной монографии о Павсании. Он указывает, что, когда Павсаний писал это, святилище Эскулапа в Смирне уже было основано, и что, если хронология жизни ритора Аристидаса Массона верна, святилище все еще было недостроено в 165 году н.э. Следовательно, г-н Гурлитт приходит к выводу, что вторая книга Павсания была написана после 165 года н.э. Даже первая книга, по его словам, должна быть датирована не ранее 143 года н. э. Его причина в том, что, когда Павсаний писал эту книгу, стадион в Афинах уже был отстроен из белого кирпича. мрамор работы Ирода Аттика и что реконструкция не могла, если прав профессор К. Ваксмут, быть начата до 143 года нашей эры или чуть раньше. Что касается других книг, то свидетельства, какими бы скудными они ни были, менее противоречивы. Пятая книга, как мы видели, была написана в 174 году н.э. Восьмая книга, в которой упоминается победа Марка Антонина над германцами, должно быть, была написана после 166 года н.э., когда началась война с Германией, и, возможно, была написана в 176 году н.э. или после него, году, в который император праздновал триумф в связи со своим успехом. В десятой книге встречается упоминание о вторжении Костобок; следовательно, книга была написана между 166 и 180 годами н.э. Далее, ссылки, которые Павсаний делает как вперед, так и назад на несколько частей своего труда, показывают, что книги были написаны в том порядке, в котором они стоят сейчас. Следовательно, книги с шестой по десятую не могли быть написаны раньше и, возможно, были написаны намного позже, чем в 174 году нашей эры, году, в котором наш автор работал над своей пятой книгой. Таким образом, композиция произведения растянулась по меньшей мере на четырнадцать лет, а возможно, и на многие другие. О том, что Павсаний потратил над этим много времени, можно заключить из отрывка, в котором он объясняет изменение своих религиозных взглядов. По его словам, когда он начинал свою работу, он считал некоторые греческие мифы немногим лучше глупости, но когда он дошел до описания Аркадии, то изменил свое мнение и пришел к убеждению, что в них содержится зерно глубокой мудрости под шелухой экстравагантности. Такое полное изменение отношения к религиозным традициям его страны, скорее всего, заняло годы, а не недели и месяцы.

То, что первая книга была не только написана, но и опубликована раньше остальных, кажется очевидным. |Первая

книга

написанная и

опубликованная

до

конца. | Среди доказательств этого самым убедительным является утверждение автора в седьмой книге о том, что, когда он писал свое описание Афин, Музыкальный зал Ирода Аттика еще не был построен. Это подразумевает, что, когда он писал седьмую книгу, первая уже была опубликована; в противном случае он легко мог бы включить в рукопись упоминание о Мюзик-холле на положенном месте. Опять же, в восьмой книге он явно исправляет точку зрения,

которой придерживался в первой; это он мог бы сделать и в рукописи первой книги, если бы она все еще была у него. В других местах он молчаливо дополняет утверждения и описания, содержащиеся в первой книге. Далее, повествование о галльском вторжении в первой книге заменено гораздо более полным повествованием, приведенным в десятой книге, и вряд ли ему позволили бы остаться, если бы во власти автора было вырезать его. Более интересными являются отрывки, в которых мы, по-видимому, обнаруживаем ссылки на критические замечания, высказанные в адрес его первой книги. Таким образом, в третьей книге он настойчиво повторяет план работы, который наметил для себя в первой, добавляя, что план был принят после зрелого обдумывания и что он не отступит от него. Это звучит как вызов критикам, которые нашли прорехи в схеме его первой книги. В других местах он, кажется, сознает, что некоторые из их замечаний были не совсем незаслуженными. Говоря о потомках Аристомена, он испытывает сильное искушение углубиться в семейную историю Диагоридов, но резко одергивает себя замечанием, что он опускает эту интересную тему, “чтобы это не показалось дерзким отступлением”. Очевидно, стрелы рецензентов попали в цель. Скучные исторические рассуждения, которыми он пытался приправить незамысловатую трапезу афинской топографии, теперь казались самому бедному автору сильно отдающими дерзкими отступлениями. И снова, старая привычка берет верх над ним, вид разрушенного лагеря короля Филиппа в уединенной аркадской долине заставляет его разглагольствовать о божественном возмездии, которое постигло этого нечестивого монарха и его потомков, а также убийц его потомков и их потомков после них, пока, мучимый угрызениями совести, он внезапно не возвращается к делу с наполовину извинениями: “Но это было отступление”. О том, что Павсаний испытывал страх перед критиками на своих глазах, он сам говорит самым простым языком. Он сообщил нам, что провел тщательные исследования в спорной теме дат Гомера и Гесиода, но воздержался от изложения результатов своих трудов, поскольку очень хорошо знал придирчивый нрав профессоров поэзии его времени. Он не мог предвидеть настроения некоторых других профессоров, которым предстояло судить его примерно семнадцать столетий спустя. Поступи он так, у него вполне могло бы возникнуть искушение вообще исключить описание Греции, и нам, возможно, пришлось бы оплакивать потерю одного из самых любопытных и ценных документов, завещанных нам древностью.

Родина
of
Павсания.

Место рождения Павсания менее точно, чем дата его рождения, но есть веские основания полагать, что он был лидийцем. Ибо, сказав, что в его стране все еще можно увидеть следы жилища Пелопса и Тантала, он упоминает некоторые памятники и природные особенности, связанные с именами этих древних князей на горе Сипил и вблизи нее. Это почти прямое подтверждение того, что регион около горы Сипил в Лидии был его родиной. То же самое проявляется, хотя и менее непосредственно, в мельчайшем знакомстве, которое он демонстрирует с этим районом, и в очевидной любви, с которой он снова и снова обращается к его пейзажам и легендам. Он видел белых орлов, кружащих над одиноким озером Тантала в сердце холмов; он видел величественную гробницу того же героя на горе Сипилус, разрушенный город на дне чистого озера, высеченный в скале трон Пелопса, венчающий головокружительную вершину, нависающую над каньоном, и мокрую скалу, которую народное воображение приняло за осиротевшую Ниобу, оплакивающую своих детей. Он говорит о тучах саранчи, которые он трижды видел исчезающими с горы Сипилус, о дикой пляске крестьян и о

святилище Матери Пластене, чье грубое изображение, вырезанное из местной скалы, до сих пор можно увидеть в нише у подножия горы. Исходя из всего этого, справедливо предположить, что Павсаний родился и вырос недалеко от гор, которые он, по-видимому, так хорошо знал и любил. Их потаенные уголки он, возможно, исследовал пешком в детстве и впитал их старые романтические легенды из уст лесных жителей и охотников. Мы не можем сказать, родился ли он, как предполагают некоторые, в Магнезии, городе у северного подножия горы Сипил, но близость города к горе говорит в пользу этого предположения. Возможно, менее вероятно, что местом его рождения был более отдаленный Пергам, хотя нет недостатка в отрывках, доказывающих, что он знал этот город и интересовался им. Как уроженец Лидии, Павсаний, естественно, был знаком с западным побережьем Малой Азии. Действительно, за пределами Греции нет ни одной части мира, о которой он так часто упоминал бы. Он пользуется случаем, чтобы рассказать нам историю колонизации Ионии, и с патриотической гордостью рассказывает о великолепном климате, несравненных храмах и чудесах природы этой прекрасной земли.

Другие
авторы с
таким
именем.

Некоторые ученые отождествляют нашего автора с софистом того же имени, который родился в Кесарии Каппадокийской, учился у Ирода Аттика и умер стариком в Риме, оставив после себя множество декламаций, написанных в стиле, демонстрирующем определенную энергию и некоторое знакомство с классическими образцами. Но, помимо свидетельств того, что наш автор был лидийцем, есть веские причины не отождествлять его с его каппадокийским тезкой. Ни Суидас, ни Филострат, которые оставили нам краткое жизнеописание каппадокийца Павсания, не упоминают Описание Греции среди своих работ; и, с другой стороны, наш Павсаний, хотя он часто упоминает Ирода Аттика, нигде не говорит о нем как о своем учителе или о каких-либо личных отношениях, которые у него были с ним. Далее, автора Описания Греции, вероятно, следует отличать от писателя с тем же именем, написавшего труд о Сирии, на который неоднократно ссылается Стефан Византийский. Это правда, что наш Павсаний, очевидно, знал Сирию и путешествовал по ней, но это само по себе не является основанием предполагать, что он был автором произведения, на которое в своих дошедших до нас трудах он не ссылается. Имя Павсаний было слишком распространенным, чтобы дать нам право идентифицировать всех авторов, носивших его, даже если у нас есть основания полагать, что они были современниками.

То, что Павсаний много путешествовал за пределами Греции и Ионии, ясно из многочисленных намеков, которые он допускает на места и объекты, представляющие интерес в чужих странах. О некоторых из них он прямо говорит, что видел; что касается других, мы можем заключить, что он видел их, исходя из особенностей его описания. В Сирии он видел, как Иордан протекает через Тивериадское озеро и впадает в Мертвое море, и смотрел на красный пруд близ Иоппии, в котором, как говорили, Персей омыл свой окровавленный меч после того, как убил морское чудовище. Он описывает гробницу в Иерусалиме, дверь которой с помощью хитроумного механического устройства открывалась сама собой раз в год в определенный час, и он часто ссылается на Антиохию, которую по своим огромным размерам и богатству он ставил в один ряд с Александрией. В Египте он видел Пирамиды, с изумлением созерцал колоссальную статую

Мемнона в Фивах и слышал музыкальную ноту, похожую на треск струны лютни, которую статуя издавала на восходе солнца. Статуя стоит до сих пор, и множество надписей на греческом и латыни, вырезанных древними посетителями на ее огромных ножках и основании, подтверждают свидетельство Павсания о таинственном звуке. Из Египта наш автор, по-видимому, отправился через пустыню в оазис Амона, поскольку он сообщает нам, что в его время гимн, который Пиндар послал Амону, все еще можно было увидеть там вырезанным на треугольной плите рядом с алтарем. Ближе к дому он восхищался великолепными укреплениями Родоса и Византии. Хотя он не описывает северную Грецию, он побывал в Фессалии и видел голубой дымящийся ручей, бегущий у подножия скалистых, поросших хохолками гор, которые стеной окружают Фермопильский проход с юга. Похоже, он посетил Македонию и, возможно, также Эпир; по крайней мере, он неоднократно упоминает Додону и ее дуб-оракул и упоминает медлительные меланхолические реки, которые петляют по унылой Феспротийской равнине и которые дали свои названия рекам в аду. Он побывал в Италии и кое-что видел о городах Кампании и чудесах Рима. Великий форум Траяна с его бронзовой крышей, Большой цирк — в то время, вероятно, самое великолепное здание в мире — и дикие звери, привезенные из далеких заморских стран, по-видимому, были достопримечательностями, которые больше всего впечатлили его в столице мира. В Императорских садах он с любопытством рассматривал бивень, который, как заверил его смотритель, принадлежал калидонскому вепрю; и он обратил внимание, несомненно, с меньшим удовольствием, на огромное изображение Афины Алеи из слоновой кости, которое Август унес из величественного храма богини в Тегее. В окрестностях Рима его внимание привлекла бурлящая молочно-белая вода Альбулы, или Сольфатары, как ее теперь называют, по дороге в Тибуры, а у покрытого лесами озера Ариция он, кажется, видел мрачного священника, расхаживающего с мечом в руке, стража "Золотой ветви". Абсурдного описания, которое он дает прекрасному и сильно оклеветанному Мессинскому проливу, было бы достаточно, чтобы доказать, что он никогда не плывал через него. Вероятно, как и большинство путешественников, прибывающих с Востока, он достиг Италии через Брундизий. О Сардинии он дал довольно полное описание, но без намека на то, что посещал ее. Сицилию, если мы можем судить по серьезной ошибке, которую он допускает, говоря о ней, он никогда не видел.

Цель

Pausanias's

Павсания.,,

Цель, которую преследовал Павсаний при написании своего Описания Греции, нигде не сформулирована им очень полно или ясно. У его книги нет ни начала, ни конца, ни предисловия, ни эпилога. В начале он погружается в описание Аттики без единого вступительного слова, а в конце с такой же резкостью обрывает свой рассказ об Озолиане Локрисе. Есть основания полагать, что работа незакончена, поскольку он, по-видимому, намеревался описать Локрис опунцианский, но это намерение так и не было выполнено. Однако из отдельных высказываний, а также из общего объема и плана книги мы можем составить довольно точное представление о цели автора. Так, посреди своего описания Афинского акрополя он внезапно вставляет замечание: "Но я должен продолжить, потому что мне нужно описать всю Грецию", как будто мысль о широком поле, которое ему предстоит пересечь, подстегнула его, как только могла, и побудила поторопиться. И снова, завершив свое описание Афин и Аттики, он добавляет: "Таковы, на мой взгляд, самые известные из афинских традиций и достопримечательностей: из массы материалов я с самого начала стремился отобрать действительно примечательные".

Позже, прежде чем перейти к описанию Спарты, он объясняет свою цель еще более определенно и выразительно: “Чтобы предотвратить ошибочные представления, я заявил в своей “Аттике”, что описал не все, а лишь подборку наиболее запоминающихся объектов. Этот принцип я сейчас повторю, прежде чем перейти к описанию Спарты. С самого начала я стремился выделить наиболее ценные традиции из массы незначительных историй, которые распространены среди каждого народа. Мой план был принят после зрелого обдумывания, и я не отступлю от него”. И снова, после краткого изложения истории Флия, он говорит: “Теперь я добавлю описание самых замечательных достопримечательностей”, и он завершает свое описание Дельф словами: “Таковы были примечательные объекты, оставленные в Дельфах в мое время”. Представляя свое объявление о почетных статуях в Олимпии, он осторожно объясняет, что не собирается составлять их полный каталог, а лишь упомянуть те, которые представляли особый интерес либо из-за своих художественных достоинств, либо из-за славы людей, которых они изображали.

Метод работы.

Из этих и еще нескольких отрывков того же рода становится ясно, что Павсаний намеревался описать все наиболее примечательные объекты и изложить все наиболее запоминающиеся традиции, которые, по его мнению, существовали или были актуальны в Греции его времени. Это было грандиозное предприятие, и нам не нужно удивляться, что с самого начала он должен был чувствовать себя подавленным его масштабом, и что, следовательно, в первой книге, посвященной Аттике, его выбор примечательных объектов должен быть более скудным, а его описание - более лаконичным, чем в более поздних книгах. Дело было не только в том, что он был сбит с толку множеством вещей, которые ему предстояло сказать, но и в том, что он не совсем представлял, как это сказать. Он искал метод на ощупь. По мере продолжения работы он, по-видимому, чувствовал себя более непринужденно; изложение материала становилось более систематичным, круг его интересов шире, описания более подробными, его подход более уверенным. Даже вторая книга демонстрирует во всех этих отношениях значительный прогресс по сравнению с первой. Говоря о двух заметных улучшениях, он теперь определенно перенял топографический порядок описания и предваряет свой отчет о каждом значительном городе кратким очерком его истории. С другой стороны, в первой книге совершенно отсутствует историческое введение, и хотя сами Афины в целом описаны в топографическом порядке, остальная часть Аттики - нет. Только с описанием Священного Пути, который вел из Афин в Элевсин, Павсаний раз и навсегда ухватывается за топографическую нить как за лучший ключ, который проведет его и его читателей по лабиринту. На протяжении всей остальной части его работы общий принцип, по которому он выстраивает свой материал, таков. Изложив в общих чертах историю района, который он собирается описать, он направляется от границы к столице по ближайшей дороге, отмечая все интересное, что попадает ему на глаза по пути. Прибыв в столицу, он направляется прямо в ее центр, обычно на рыночную площадь, описывает тамошние главные здания и памятники, а затем следует по улицам, одной за другой расходящимся от центра во всех направлениях, отмечая наиболее примечательные объекты в каждой из них. Закончив свой рассказ о столице, он описывает окружающую местность по тому же принципу. Он следует по главным дорогам, ведущим из столицы во все части территории, методично отмечая основные природные особенности и наиболее важные города, деревни и памятники, которые встречаются ему на пути. Пройдя по дороге до тех пор, пока она не приведет его к границе, он возвращается по своим следам в столицу и отправляется по другой,

которую он рассматривает таким же образом, пока таким образом не исчерпает все основные магистрали, ответвляющиеся от города. Дойдя до конца последнего из них, он не возвращается по своим следам, а пересекает границу следующего района, который затем продолжает описывать таким же образом. Грубо говоря, именно так он описывает города и территории Коринфа, Аргоса, Спарты, Мантинеи, Мегалополя, Тегеи и Фив.

Эта работа
представляет собой путеводитель.

Лучший и более ясный метод упорядочивания материи, столь сложной и разнообразной, возможно, было бы трудно изобрести. У него есть по крайней мере одно очевидное преимущество— маршруты не пересекаются друг с другом, и, таким образом, удастся избежать плодотворного источника путаницы. Читатель, однако, легко поймет, что порядок описания вряд ли был тем, в котором путешествовал Павсаний или в котором ожидали путешествовать его читатели. Самые терпеливые и систематичные топографы и туристы вряд ли согласились бы на утомительную рутину, заключающуюся в том, чтобы дважды проходить почти каждую дорогу, сначала в одном направлении, а затем в другом. Очевидно, что порядок следования был принят только ради наглядности, только потому, что никаким другим способом автор не мог бы донести до своего читателя столь ясное представление об относительном расположении описываемых мест и вещей. Почему Павсаний так старался представить все своим читателям в точном расположении? Единственный вероятный ответ заключается в том, что он хотел помочь им найти дорогу от одного интересующего объекта к другому; другими словами, он намеревался, чтобы его Описание Греции послужило путеводителем для путешественников. Если бы его целью было просто развлечь своих читателей дома, он вряд ли смог бы придумать худший способ сделать это; ибо людей, которые находят топографические указания забавными и могут извлечь развлечение из чтения о том, что “Это место находится на расстоянии стольких-то фарлонгов от того, а это другое - на столько-то больше от того другого”, должно быть, немного и они необычайно жизнерадостны. Обычный читатель, скорее всего, зевнет от таких заявлений и захлопнет книгу. Таким образом, мы можем считать, что в труде Павсания мы имеем древний эквивалент наших современных Мюрреев и Бедекеров. Потребность в таком путеводителе ощутили бы многие путешественники, посетившие Грецию и которым словоохотливый, но невежественный чичерони, как мы знаем, не всегда предоставлял желаемую информацию. И все же с невинным авторским честолюбием Павсаний вполне мог надеяться, что его книга окажется не совсем безынтесной для других, кроме путешественников. Отступления на исторические темы, от природных диковинок, от странных созданий разных стран, которыми он так часто прерывает нить своего описания, можно рассматривать как многочисленные приманки, протянутые читателю, чтобы увлечь его на его утомительном пути. Действительно, в одном отрывке он ясно намекает на свое желание не быть утомительным для своих читателей.

Античный и
религиозный
уклон
Павсания.

Когда мы начинаем изучать содержание его книги, мы быстро замечаем, что его интересы были в основном антикварными и религиозными, и что, хотя он утверждает, что описывает всю Грецию или, более буквально, все греческое, то, что он описывает, - это немногим больше, чем

древности страны, религиозные традиции и ритуалы народа. Его не интересовали ни природные красоты Греции, ни обычная жизнь его современников. Как бы он ни обращал внимания на то или иное, Греция, возможно, была почти дикой местностью, а ее города необитаемыми или лишь изредка населялись пестрой толпой, которая внезапно появлялась как по волшебству, двигалась с песнями по улицам веселой процессией с горящими факелами и размахивающими кадилъницами, окрашивала мраморные тротуары храмов кровью жертв, наполняла воздух дымом и ароматом их горячей плоти, а затем таяла так же таинственно, как и появилась, оставляя пустынные улицы и храмы отзываться эхом только от шагов какого-нибудь одинокого путешественника, который исследовал их с удивлением. внушайте благоговейный трепет и удивление памятникам исчезнувшей расы. И все же по мере того, как продолжалась его работа, Павсаний, кажется, время от времени пробуждался к смутному осознанию того, что мужчины и женщины все еще живут и трудятся вокруг него, что поля все еще вспаханы и урожай собран, что виноградная лоза и олива все еще приносят свои плоды, хотя Тесея и Агамемнона, Кимона и Перикла, Филиппа и Александра больше нет. Этому пробуждающемуся сознанию или, правильнее сказать, этому постепенному расширению его интересов мы обязаны тем немногим взглядам, которые Павсаний дает нам в своих более поздних книгах на своих современников в их повседневной жизни. Таким образом, он позволяет нам увидеть высоких и крепких горцев из Даулиса; красивых и трудолюбивых женщин из Патр, ловкими пальцами плетущих из тонкого льна с родных полей головные уборы и другие женские украшения; рыбаков из Булиса, вылавливающих пурпурные раковины в Коринфском заливе; гончаров из Авлиды, вращающих свои колеса в маленьком приморском городке, из которого Агамемнон отплыл в Трою; и аптекарей из Херонеи, изготавливающих ароматный и целебный бальзам из роз и лилий, ирисов и нарциссов. отобран в мирных садах на поле битвы, где Афины и Фивы бок о бок дали последний бой за свободу Греции.

Его
описания
религиозных
обрядов.

Контрастирует с этими немногочисленными набросками галерея картин, написанных им о религиозной жизни его современников. Упомянув лишь некоторые из них, мы видим больных людей, спящих и видящих сны на вонючих шкурах забитых баранов или бросающих в священный источник золотые и серебряные монеты в качестве благодарственного подношения за выздоровление; прокаженных, молящихся нимфам в пещере, затем переплывающих реку и оставляющих, подобно Нееману, свою нечистоту за собой в воде; святых людей, бредущих по узким тропинкам под тяжестью вырванных с корнем деревьев; процессии священников и магистратов, мальчиков в белых одеждах с гиацинтовыми гирляндами в волосах, детей увитые кукурузой и плющом, мужчины, держащие высоко над головой горящие факелы и распевające во время марша свои местные гимны; женщины, оплакивающие Ахиллеса, пока солнце низко опускается на западе; персы в высоких шапках, напевающие свою странную литанию на неизвестном языке; земледельцы, наклеивающие золотые листья на бронзового козла на рыночной площади, чтобы защитить свои виноградные лозы от гнили, или бегающие с окровавленными кусками белого петуха по виноградникам, пока черный шквал ползет над заливом. Мы видим священника, вызывающего дождь, макая дубовую ветку в источник на святой горе, или бормочущего по ночам свои таинственные заклинания над четырьмя ямами, чтобы успокоить ярость ветров, которые дуют с четырех сторон света. Мы видим, как люди

забивают животных на могиле и выливают теплую кровь в отверстие в могиле, чтобы мертвый человек мог напиться; другие бросают лепешки из муки и меда в расщелину, по которой сбежала вся вода Великого потопа; другие пытаются разбогатеть, играя в кости в пещере, или бросают ячменные лепешки в пруд и смотрят, как они тонут или плавают, или опускают зеркало в источник, чтобы узнать, выздоровеет больной друг или умрет. Мы видим бронзовые светильники, зажженные вечером перед изображением оракула, дым благовоний, поднимающийся клубами от очага, вопрошающий кладет медную монету на алтарь, шепчет свой вопрос на ухо изображению, затем крадучись выходит, зажимая уши руками, готовый принять за божественный ответ первые слова, которые он может услышать, покинув святилище. Мы видим ночное небо, окрашенное в красный цвет прерывистым сиянием большого костра на вершине горы Киферон, где множество изображений дубрав, одетых как невесты, сгорают в пламени после того, как их втащили на неуклюжих скрипящих повозках на вершину горы, рядом с каждым изображением стоит подружка невесты. Эти и многие другие подобные сцены возникают перед нами, когда мы переворачиваем страницы Павсания.

Его
рассказ о
суеверных
обычаях
и верованиях.

Сродни его пристрастию к религиозным ритуалам является его любовь к хронике причудливых обычаев, обрядов и суеверий всех видов. Так, он рассказывает нам, как трезенийские девушки перед вступлением в брак посвящали пряди своих волос в храме холостяка Ипполита; как по похожему случаю мегарские девушки клали свои остриженные локоны на могилу девицы Ифинои; как юноши в Фигалии стригли волосы в честь реки, протекающей в глубокой долине под городом; как мальчишки-жрецы крапейской Афины мылись в кадках по древнему обычаю; и как жрец и жрица Артемиды Гимнии должны были всю свою жизнь оставаться неженатыми, и как они должны были жить вместе. должны мыться и жить не так, как обычные люди, и никогда не должны входить в дом частного лица. Среди любопытных обрядов, которые он замечает в различных святилищах, есть правила, согласно которым ни рождение, ни смерть не могли происходить в священной роще Эскулапа в Эпидавре, и что все жертвоприношения должны были совершаться в пределах ее пределов; что ни одна сломанная ветка не могла быть удалена из рощи Гирнето близ Эпидавра, и ни один гранат не мог быть принесен на территорию Госпожи в Ликосуре; что в Пергаме имя Эврипила не могло произноситься в святилище Эскулапа, и никто, принеший жертву Телефу, не мог войти в святилище. это святилище до тех пор, пока он не совершит омовение; что в Олимпии ни один мужчина, вкусивший от жертвы, принесенной Пелопсу, не должен входить в храм Зевса, что женщины не могут подниматься выше первой ступени великого алтаря, что пасту из пепла, которой намазывают алтарь, нужно замешивать с водой Алфея и ни с какой другой, и что жертвы, приносимые Зевсу, должны сжигаться не из дерева, а из белого тополя. Опять же, он любит внимание, хотя он не всегда верит, местные суеверия он встречался или читал, например, вера в то, что в жертву Зевсу на горе Лусаеус человек всегда был превращен в волка, но смог вернуть себе человеческий облик, если как волк, он воздерживался на протяжении девяти лет от наживаться на человеческой плоти, что в непосредственной близости от Бога по той же горе ни люди, ни животные отбрасывают тени, и что кто бы ни вошел, он умрет в течение года; что форель в реке Агоаний пели, как птицы; что тот, кто поймал рыбу в некое озеро превратится в рыбу себе, что Тегею не

могли быть приняты, потому что он обладал локона Медузы, волосы, Гера вернула себе девственность каждый год, купание в роднике в Нафплион; что вода из одного источника лекарство от бешенства, пока вода еще водила кобылы с ума; что ни змей, ни волков, могли бы жить в Сардинию; это время, когда Солнце находилось в определенном знаке зодиака землей, взятой из могилы Амфион и Зет в Фивах и носил на Tithorea в Фокиде бы увлечь плодородия из Фиванской земли и передача ее на Tithorean, откуда в этом сезоне фиванцы продолжали смотреть и прихода, над могилой, чтобы Tithoreans должны прийти и утащить ценные земли; что в марафоне каждый вечер мертвых воинов поднялись со своих могил и воевали в великой битвы снова и снова, пока запоздалых путников, спешащих мимо, слышал, с содроганием хриплые крики воинов, топча зарядки коней, и звона оружия.

Выполняя свой план записи греческих традиций, Павсаний вплел множество повествований в свое описание Греции. Они разного рода и, несомненно, почерпнуты из разных источников. Некоторые из них являются историческими и были явно или негласно взяты из книг. Некоторые из них - легенды, возможно, имеющие под собой фактическое основание; другие - чистые и незатейливые мифы; третьи, опять же, являются популярными сказками, параллели которым можно найти в фольклоре многих стран. Повествования такого рода Павсанию не обязательно было узнавать из книг. Некоторые из них, несомненно, были общими местами, с которыми он был знаком с детства. Другие он, возможно, подхватил в своих путешествиях. Источник мифической фантазии не иссяк среди гор и островов Греции и в наши дни; мы можем быть уверены, что во времена Павсания он бил еще обильнее. Среди популярных историй, которые он рассказывает или на которые ссылается, можно упомянуть историю о спящем в пещере; о хитрых каменщиках, ограбивших построенную ими королевскую сокровищницу; о юноше, убившем льва и|Мифы.| женился на принцессе; о добром змее, который спас ребенка от волка и был убит отцом ребенка по ошибке; о короле, жизнь которого заключалась в пурпурном локоне на его голове; о ведьме, которая предложила снова сделать старика молодым, разрезав его на куски и сварив в адском бульоне, и которая таким образом превратила крепкого старого тупа в нежного молодого ягненка. Характерно для греческой народной традиции, что эти истории не остаются расплывчатыми в облачном регионе волшебной страны; они опускаются на твердую землю и получают местное обиталище и название. Спящим был Эпименид критянин; каменщиками были Трофоний и Агамед, а царем, для которого они построили сокровищницу, был Гирей Орхоменский; юношей, добившимся руки принцессы, был Алкафус Мегарский; царем с пурпурными локонами был Найс, тоже из Мегары; ведьмой была Медея, а стариком, которого она искалечила, был Пелиас; местом, где змей спас ребенка от волка, была Амфиклея в Фокиде. Среди мифов, которыми заполнены страницы Павсания, мы можем отметить странно дику историю об Аттисе и Агдистиде, едва ли не менее варварскую историю любви Посейдона и Деметры в образе коня и кобылы, а также живописные повествования о том, как пастух нашел покинутого младенца Эскулапа, и о пришествии Кастора|Легенды.| и Поллукс прибыл в Спарту под видом чужеземцев из Кирены. Из легенд, которые он рассказывает о героической эпохе — этой границе между басней и историей, — некоторые принадлежат ему самому в том смысле, что мы не находим их записанными ни одним другим древним писателем. Таковы истории о том, как Тесей еще ребенком проявил неустрашимое мужество, напав на львиную шкуру Геракла, которую он принял за живого льва; как тот же герой в юности доказал свою сверхчеловеческую силу масонам, которые насмехались над его девичьей внешностью; как обезумевший Орест, преследуемый Фуриями своей убитой матери, откусил себе один из пальцев, и как при этом облик Фурий сразу изменился с черного на белый, как бы в знак того, что они приняли жертву

как искупление. Такова также изящная история разлуки Пенелопы с ее отцом и трагическая повесть о смерти Гирнетона; в последней мы, кажется, почти улавливаем звучание романтической баллады. Среди преданий, рассказанных Павсанием об исторических персонажах, но не свойственных ему, есть легенды о сне Пиндара, о побеге Аристомена из ямы и о чудесном исцелении Леонима, кротонского полководца, который, атаковав локрийскую армию в том месте, где душа умершего героя Аякса парила в авангарде, получил ранение от призрачного копья, но впоследствии был исцелен той же рукой на Белом острове, где Аякс обитал с другими духами знаменитых умерших. К тому же классу принадлежат пара анекдотов, с помощью которых Павсаний пытался оживить скучный список атлетов в шестой книге. В одной из них рассказывается о том, как боксер Евтим победил призрак подвыпившего моряка и добился руки прекрасной девушки, которая вот-вот должна была быть отдана на милость покойного моряка. В другом рассказывается о том, как другой известный боксер по имени Теаген покинул эту долину слез после того, как собрал огромное количество призов; как, когда он больше не был злобным врагом, он пришел и изводил его, избивая бронзовую статую прославленного мертвеца, пока статуя, потеряв терпение, не остановила его дерзость, упав на него и раздавив насмерть; как сыновья этого любезного человека предъявили статуе обвинение в убийстве; как суд, вынося приговор, признал статую виновной и торжественно приговорил ее к утоплению в море; как приговор был вынесен в отношении статуи. будучи неукоснительно исполненной, земля не приносила плодов до тех пор, пока статую снова не выловили и не установили на ее место; и как с тех пор люди приносили жертвы боксеру как богу.

Его
описание
of the
страны.

Тот же антикварный и религиозный оттенок, который присутствует в рассказе Павсания о греческом народе, окрашивает его описание страны. Горы, на которые он взбирается, равнины, которые он пересекает, реки, которые он переходит вброд, озера и моря, которые он видит сияющими вдали, сами цветы, которые растут у него на пути, вряд ли существуют для него иначе, как потому, что они посвящены какому-то богу или принадлежат какому-то духу стихий, или потому, что они вызывают какие-то воспоминания о прошлом, какую-то старую романтическую историю о несчастной любви или смерти. Об одном цветке, белом с красным отливом, он рассказывает нам, что впервые он вырос на Саламине, когда погиб Аякс; о другом, что венки из него носят в волосах мальчики в белых одеждах, когда они проходят в процессии в честь Деметры. Он замечает скорбные буквы на гиацинте и рассказывает историю о прекрасном юноше, невольно убитом Аполлоном. Он указывает на старый платан, который Менелай посадил перед тем, как отправиться на войну; на огромный кедр с изображением Артемиды, висящим на его ветвях; на священные кипарисы, называемые Девами, высокие, темные и величественные, в унылой высокогорной долине Псофиса; на мирт, на проколотых листьях которого все еще виден отпечаток кожи несчастной Федры на том прекрасном побережье Трезены, где теперь зимой цветут апельсин и лимон; на гранате с его кроваво-красными плодами, растущими на могиле патриота. Менекей, проливший свою кровь за свою страну. Если он смотрит на горы, то не для того, чтобы отметить снежные вершины, сверкающие в солнечном свете на фоне синевы, или мрачные сосновые леса, окаймляющие их гребни и отражающиеся в темном озере внизу; это для того, чтобы сказать вам, что на их вершинах поклоняются Зевсу, или Аполлону, или богу Солнца, что женщины-фьяды бредят ими над

облаками, или что слышно, как Пан трубит в их одиноких кумбах. Мрачные пещеры, куда едва проникают солнечные лучи, с их фантастическими сталактитами и капающими крышами, являются для него пристанищем Пана и нимф. Ужасные пропасти Ароанских гор, в лишенных солнечного света расщелинах которых никогда не тают снежные сугробы, прошли бы мимо него в молчании, если бы вода, стекающая по их темному блестящему лику, не была водой Стикса. Если он описывает гладкий стеклянный пруд, окаймленный камышом и высокой травой, который все еще дремлет в тени дрожащих тополей на Лернейском болоте, то это потому, что путь в ад пролегает через его черную бездонную воду. Если он останавливается у журчащего ручья или полноводной реки, то для того, чтобы рассказать, как с берегов Иллисса, где она играла, Северный ветер унес Орифию, чтобы та стала его невестой; как Селемн в древности был пастухом, который полюбил морскую нимфу и умер одиноким; как влюбленный Алфей до сих пор пересекает широкую и бурную Адриатику, чтобы присоединиться к своей любви в Сиракузах. Если летом он пересечет пересохшее русло реки, где не просачивается ни капли воды, где камни горят под ногами и ослепляют глаз своим белым блеском, он скажет вам, что это наказание, которое несет река за то, что оскорбила морского бога. Отдаленные перспективы, опять же, вряд ли упоминаются им, разве что ради какой-нибудь исторической или легендарной ассоциации. Высокий холм, выступающий с неровного склона горы Менакус на мертвую равнину Мантинеи, был назван Взглядом, по его словам, потому, что здесь умирающий Эпаминонд, сильно прижимая руку к ране, из которой быстро уходила его жизнь, бросил свой долгий последний взгляд на битву. Вид на море с Афинского акрополя привлек его внимание не из-за блеска расплавленного сапфира, а потому, что с этой высоты престарелый Эгей вглядывался в голубые просторы в поисках белых парусов своего возвращающегося сына, а затем бросился очертя голову со скалы, когда увидел барк с черными парусами, направляющийся в афинский порт.

Незаинтересованные проблески, если можно так выразиться, греческих пейзажей, которые мы улавливаем на страницах Павсания, кратки и немногочисленны. Он говорит нам, что нет реки прекраснее Ладона ни в Греции, ни за границей, и, вероятно, никто из тех, кто пересек великолепное ущелье, по которому река прокладывает свой путь с высокогорий северной Аркадии к низменностям на границах Элиды, не будет склонен оспаривать его мнение. Несколько штрихами он создает для нас совершенно разные сцены — беотийский Асоп, лениво пробивающийся сквозь глубокие заросли тростника; промокшая равнина Нестане с дождевой водой, стекающей в нее с туманных гор; дорога, идущая через виноградники, по обе стороны которых возвышаются горы; источник, бьющий из полого ствола почтенного платана; летний отдых на тенистых дорожках в роще у моря; песок и сосны низкого побережья Элиды; дубовые леса Феллоу с каменистой почвой, где пасутся олени. Они бродили на свободе, и у диких кабанов было свое логово; и Беотийский лес с его гигантскими дубами, в ветвях которых вороны свили свои гнезда.

Его замечания
о
натуральных

продуктах
Греции.

Одним из признаков расширения интеллектуального кругозора является то, что по мере продолжения своей работы Павсаний все больше и больше обращает внимания на внешний вид и природные продукты страны, которую он описывает. Такие уведомления наименее часты в первой книге и наиболее распространены в последних трех. Так, он отмечает голость Циррейской равнины, плодородие долины Фокийского Кефиса, виноградники Амброса, пальмы и финики Авлиды, оливковое масло Титореи, которое отправлялось императору, дамбы, которые перекрывали воду с полей на болотистых равнинах Кафии и Фисбы. Он упоминает различные виды дубов, которые росли в аркадских лесах, кусты дикой земляники на горе Геликон, на которых паслись козы, морозник, как черный, так и белый, из Антикиры и ягоду Амброса, из которой получалась малиновая краска. Он наблюдал за стаями дроф, обитавших на берегах Фокийского Цефиса, за огромными черепахами, ползавшими по лесам Аркадии, за белыми черными дроздами на горе Киллена, за двумя видами домашней птицы в Танагре, за пурпурными раковинами, которых ловили в море в Булисе, за форелью в реке Ароаниус и за угрями в озере Копайк. Все эти примеры взяты из последних трех книг. В ранней части своего труда он снизошел до упоминания о меде Гиметта, старых серебряных рудниках Лауриума, оливках Кинурии, тонком льне Элиды, пурпурных раковинах Лаконского побережья, мраморе Пентелика, мидийском камне Мегары и зеленом порфире Кроцеи. Но о богатой Мессенской равнине, известной в древности как Счастливая земля, где в наши дни путешественник проходит, почти как в тропическом регионе, между апельсиновыми рощами и виноградниками, огороженными изгородями из огромных фантастических кактусов и похожих на мечи алоэ, Павсанию нечего сказать, кроме того, что «Памис протекает по возделанным землям».

Его
отчет о
состоянии
дорог.

О состоянии дорог он по-прежнему более сдержан, чем о состоянии страны. Ужасная скиронская дорога — *Via Мала* из Греции, — которая проходила вдоль опасного выступа мегарских морских утесов на головокружительной высоте над бурунами, недавно была расширена Адрианом. Из Тегеи в Аргос вела отличная транспортная дорога, очень оживленная. Другая дорога, по которой можно было проехать на автомобилях, проходила через перевал Трет, где сейчас проходит железная дорога из Коринфа в Аргос; и у нас есть слова Павсания о том, что через Парнас из Дельф в Титорею проходила проезжая часть. С другой стороны, дорога из Сикиона в Титану была непроходима для экипажей; неровная горная тропа вела из Херонеи в Стирис; тропа вдоль изрезанного гористого побережья между Лерной и Тиреей была тогда, как и сейчас, узкой и трудной; а подъем по лестнице через гору Артемизий из Аргоса в Мантинею был настолько крутым, что в некоторых местах приходилось вырубать ступени в скале, чтобы облегчить спуск. Описывая путь к Корисианской пещере на горе Парнас, наш автор справедливо отмечает, что пешему человеку легче, чем мулам и лошадям. Греческие мулы и лошади действительно могут творить чудеса, карабкаясь вверх и вниз по самым отвратительным горным тропам на склонах, напоминающих крышу дома; но подъем к Корисианской пещере отнял бы много сил даже у них.

Однако истинный интерес Павсания заключался не в стране и не в людях, описываемых им |Его описаниями

of

памятников.| своего возраста, но в тех памятниках прошлого, которые, хотя и были слишком часто повреждены временем или изуродованы насилием, он все еще находил в изобилии разбросанными по Греции. Именно их описанию посвящена большая часть его работы. Он не претендовал на то, чтобы каталогизировать, а тем более описывать их все. Сделать это вполне могло оказаться выше сил любого человека, какими бы великими ни были его терпение и трудолюбие. Все, на что мог разумно надеяться писатель, - это сделать выбор из наиболее интересных памятников, четко описать их и снабдить такими комментариями, которые были необходимы для их правильного понимания. Это то, что пытался сделать Павсаний и что, после того как были сделаны все выводы о упущениях и ошибках, можно с полным основанием сказать, что он сделал хорошо. Выбор памятников для описания неизбежно зависел от него самого, и если его выбор иногда отличался от того, каким могли бы быть наши, было бы неразумно винить его за это. Он писал не для нас. Ни один человек в здравом уме никогда не писал для читателей, которым предстояло родиться примерно через тысячу семьсот лет после того, как он сойдет в могилу. В своих самых смелых мечтах о славе Павсаний вряд ли мог надеяться, возможно, при всех обстоятельствах нам следовало бы, скорее, сказать, опасаться, что его книга будет прочитана спустя долгое время после того, как Римская империя пала, людьми, которых он называет самыми многочисленными и воинственными варварами в Европе, ^[1] бриттами на их далеком острове и жителями нового света по ту сторону Атлантики.

1. “Антонин Второй, ” сообщает он нам (viii. 43. 6), - наказал германцев, самых многочисленных и воинственных варваров в Европе“.

Он отдавал предпочтение

for the

older over

the later

искусству.,

Когда мы изучаем выбор памятников Павсанием, мы обнаруживаем, что, как и его рассказ о стране и людях, он в основном определялся двумя ведущими принципами: его антикварными вкусами и его религиозным любопытством. Во-первых, описанные памятники, как правило, древние, а не современные; во-вторых, они по большей части религиозные, а не мирские. Его предпочтение старинному искусству перед современным, произведениям пятого и четвертого веков до нашей эры перед произведениями более позднего периода было вполне обоснованным и разделялось лучшими ценителями как в древности, так и в наше время. Цицерон, Дионисий Галикарнасский, Квинтилиан и современник нашего автора Лукиан, возможно, самый утонченный критик искусства античности, не упоминают ни одного художника более позднего, чем четвертый век до н.э. Правда в том, что покорение Греции Македонией нанесло смертельный удар греческому искусству. Ни один скульптор или художник первого ранга не родился после завоевания. Казалось, что искусство - это цветок, который может расцвести только на свободе; в атмосфере рабства оно поникло и увяло. Таким образом, если

Павсаний предпочел вести хронику шедевров великой эпохи искусства, а не более слабых произведений декаданса, мы можем только поаплодировать его вкусу. И все же мы можем предположить, что его вкус здесь подкреплялся его патриотизмом. Ибо он был больше, чем просто антикваром и знатоком. Он был патриотом, который горячо сочувствовал древней славе своей страны и глубоко оплакивал ее упадок. Он признавал Афины представителем всего лучшего, что было в греческой жизни, и едва ли может найти достаточно сильные слова, чтобы выразить свое отвращение к людям, которые, ослабив ее в Пелопоннесской войне, непосредственно подготовили Македонию к завоеванию Греции. Битву при Херонее он неоднократно описывает как катастрофу для всей Греции, а о самом завоевателе Филиппе говорит с жесточайшим осуждением. Люди, которые дали отпор персам, свергли военный деспотизм Спарты, сражались против македонцев и отсрочили, если не смогли предотвратить, окончательное порабощение Греции Римом, были для него благодетелями своей страны. Он приводит их список, начиная с Мильтиада и заканчивая Филопоэменом, после которого, по его словам, Греция перестала быть матерью храбрецов. И поскольку он с гордостью и благодарностью упоминает людей, которые служили делу свободы, он выражает отвращение к людям, которые работали над порабощением Греции Персией, Македонией и Римом. Его стиль, обычно холодный и бесцветный, становится теплым и оживленным, когда он рассказывает о борьбе за свободу, которую вели мессенцы против спартанцев, или греки против галлов, или ахейцы против римлян. И когда он описывает последнюю катастрофу, завоевание Греции Римом, он со вздохом замечает, что теперь нация достигла самой глубокой степени слабости, и что, когда Нерон впоследствии освободил ее, благо пришло слишком поздно — греки забыли, что значит быть свободными.

Его предпочтение

религиозному
, а не светскому
искусству.

Предпочтение, которое Павсаний проявляет к искусству лучшего периода, не более заметно, чем его предпочтение священного перед мирским или просто декоративным искусством, зданий, посвященных религии, перед зданиями, предназначенными для целей гражданской или частной жизни. Он редко высказывает какие-либо общие замечания об облике и архитектурном стиле городов, которые он описывает. В Танагре он восхваляет полное отделение домов людей от святилищ богов. Амфисса, по его словам, была красиво построена, а Лебадея по стилю и великолепию могла сравниться с самыми цветущими городами Греции. С другой стороны, он с нескрываемым презрением взирает на убожество и упадок фокийского города Панопея, “если это можно назвать городом, в котором нет ни правительственных учреждений, ни гимназии, ни театра, ни рыночной площади, ни водопровода к фонтану, и где люди живут в лачугах, похожих на лачуги горцев, примостившихся на краю оврага”. В городах, которые он посетил, он действительно замечает рыночные площади, колоннады, суды, правительственные учреждения, фонтаны, бани, а также дома и статуи знаменитых людей, но количество таких зданий и памятников на его страницах невелико по сравнению с количеством храмов и прилегающих территорий, изображений и жертвоприношений по обету, которые он описывает, и то внимание, которое он обращает на них, редко превышает простое упоминание. Гражданских зданий, которые он соизволяет описать сколь-нибудь подробно, очень мало. Среди них мы можем отметить Расписную колоннаду в Афинах с ее знаменитыми картинами,

просторную и великолепную персидскую колоннаду в Спарте с ее колоннами из белого мрамора, вырезанными в форме персидских пленников, рыночную площадь в Элиде и здание фокийского парламента с его двойным рядом колонн, тянущимся по всей длине зала, и креслами, поднимающимися ярусами от колонн до стен позади.

Его
описания
религиозных
памятников.

Кажется, Павсаний чувствовал себя как дома именно тогда, когда речь заходила о религиозном искусстве и архитектуре. Если в своем описании гражданских зданий и памятников он скуп на детали, он щедро делится ими при описании храмов и святилищ с их запасом изображений, алтарей и подношений. Наиболее подробными из его описаний являются те, которые он дал о храме Зевса в Олимпии с великим изображением бога работы Фидия, сценах на груди Кипселуса в Гереуме в Олимпии, рельефах на троне Аполлона в Амиклах и картинах Полигнота в Книдском храме в Дельфах. Но, помимо этих бросающихся в глаза примеров, почти каждая страница его работы свидетельствует о его интересе к памятникам религии, особенно когда они были более чем обычно старыми и причудливыми. Среди странных изображений, которые он описывает, - тридцать квадратных камней, почитаемых как боги в Фараях; необработанные камни, которым поклонялись как изображениям Любви, Геркулеса и Граций в Теспиях, Гiette и Орхомене; пирамидальный камень, изображавший Аполлона в Мегарах; древнее деревянное изображение Зевса с тремя глазами на акрополе Аргоса; старый идол Деметры в виде женщины с головой лошади, держащей голубя в одной руке и дельфина в другой; фигура русалки, крепко связанной золотыми цепями в диком лесу в Аргосе. встреча двух долин; изображение Бога войны в Спарте в оковах, чтобы помешать ему убежать; бронзовое подобие неуспокоенного призрака, прикованного железом к скале, чтобы не дать ему уgomониться; изображение Афины с пурпурной повязкой на раненом бедре; пара деревянных идолов Диониса с сияющими позолоченными телами и красными лицами; и крошечные бронзовые фигурки Кастора и Поллукса высотой в фут на скалистом островке, над которым море зимой вспенивалось, но не могло их смыть. Некоторые изображения, которые он описывает, украшены подношениями набожных верующих. Таковы были изображение Пасифаи, увитой гирляндами; фигура Гермеса, обвитая миртовыми ветвями; раскрашенный малиновой краской идол Диониса, выходящий из кучи лавровых листьев и плюща; и статуя Здоровья, почти скрытая под прядями женских волос и полосками вавилонских одежд в тени древних кипарисов в Титане. Среди назначений святилищ он упоминает, например, алтари, сделанные из пепла или крови жертв, вечные огни, золотую лампу, которая горела день и ночь в Эрехтее, позолоченную голову Горгоны на стене Акрополя, пурпурный занавес в храме Зевса, золотого павлина, украшенного драгоценными камнями, посвященного Адрианом Гере, железную подставку чаши Алиатты, цепи освобожденных узников, свисающие с кипарисов в роще Геб, и бронзовые перила вокруг шахты, по которой спускался исследователь. , одетый в необычный костюм, спустился по лестнице, чтобы посоветоваться с оракулом Трофония.

Его
интерес к
реликвиям.

Опять же, Павсаний любит обращать внимание на вещи, которым поклонялись или нет, которые ценились как реликвии мифического или легендарного прошлого. Таковы были остатки глины, из которой Прометей вылепил первых мужчину и женщину; камень, который Кронос проглотил вместо своего малолетнего сына; остатки земляничного дерева, под которым был вскормлен Гермес; яйцо, которое отложила прекрасная Леда и из которого вылупились Кастор и Поллукс; развалины брачного чертога, где Зевс развлекался с Семелой; гниющая шкура калидонского вепря; и старая деревянная колонна, скрепленная лентами и защищенная от непогоды навесом, который был построен в XVI веке. стоял в доме Эномая. В храме Артемиды в Авлиде, ныне представленном разрушенной византийской часовней на голом каменистом поле, путешественнику показали остатки платана, под которым греки приносили жертвы перед отплытием в Трою, а на соседнем холме проводники указали на бронзовый порог хижины Агамемнона. Но самой почитаемой из всех реликвий, описанных Павсанием, по-видимому, был скипетр, который, как говорили, изготовил Гефест и которым владел Агамемнон. Его хранили и ему поклонялись в Херонее. Священник, занимавший этот пост в течение года, охранял драгоценную реликвию в своем доме и ежедневно приносил ей жертвы, в то время как рядом с ней постоянно стоял стол, уставленный мясом и лепешками. Более грубую концепцию религии, чем та, которую раскрывает эта практика поклонения посоху и кормления им прислуги, трудно найти среди самых низкопоклонных фетишистов Западной Африки. И эта практика продолжалась в родном городе и при жизни просвещенного Плутарха! Поистине, крайности человеческой природы иногда сталкиваются друг с другом на улице.

Его заметки
об исторических
памятниках.

Но его религиозные пристрастия никоим образом не настолько исказили разум Павсания, чтобы сделать его равнодушным к исторической почве, по которой он ступал, и к тем памятникам великих людей и памятным событиям, на которые его взгляд, должно быть, падал почти на каждом шагу. Как ученый, он был сведущ и как патриот гордился памятью, которую этим памятникам было суждено увековечить и которая благодаря гению греческого народа обрела более долговечный памятник, чем любой из бронзы или мрамора. Он посетил поля сражений при Марафоне и Платее и увидел победные трофеи и могилы победителей. На Саламине он видел трофеи великого морского сражения, но не упоминает могил. Несомненно, кости многих победителей и побежденных лежат вместе на глубине нескольких морских саженей в заливе. В Херонее он увидел более печальный памятник - колоссального каменного льва на могиле фиванцев, павших за дело свободы. На поле битвы при Мантинее он нашел могилу Эпаминонда, в Спарте - могилу Леонида, а среди сосновых лесов священного острова, который смотрит через голубой Саронический залив на Аттику, - могилу изгнанного Демосфена. В Фивах он увидел развалины дома Пиндара, щиты лакедемонянских военачальников, павших при Левктре, и фигуры из белого мрамора, которые Фрасибул и его товарищи по изгнанию и по оружию посвятили ему из благодарности за фиванское гостеприимство. В Роще Муз на Геликоне он увидел статуи знаменитых поэтов и музыкантов — Гесиода с его лютней, Ариона на дельфине, слепую Тамирис, Орфея, который, как зачарованный, держал зверей и пел. В Танагре он увидел портрет и могилу поэтессы Коринны, соперницы Пиндара; а в нескольких городах Аркадии он заметил портреты аркадского историка Полибия.

Однако нигде он не находил исторических памятников, расположенных так тесно друг к другу, как в Афинах, Олимпии и Дельфах. Великие святилища Олимпии и Дельф служили в некотором роде национальными музеями и архивами Греции. В них различные греческие города не только метрополии, но и Италии, Сицилии, Галлии и Востока выставляли трофеи своих побед и депонировали копии международных договоров и других важных документов. |Исторические памятники

В

Олимпии. | Они предлагали нейтральную территорию, где уроженцы ревнивых или враждебных государств могли мирно встретиться и где они могли с сердцами, переполненными различными эмоциями, ознакомиться с отчетами о триумфах и поражениях своей страны. В Олимпии наш автор упоминает табличку с надписью о союзном договоре на сто лет между Элид, Афинами, Аргосом и Мантинеей; другую табличку, на которой записан тридцатилетний мирный договор между Афинами и Спартой; и Ифитскую грамоту с условиями Божьего перемирия, которое было провозглашено на олимпийском празднике. Среди множества военных трофеев, которые он перечисляет, самым запоминающимся было изображение Зевса, совместно освященное греками, сражавшимися при Платеях, а самым заметным, если не считать фигуры Победы на колонне, освященной мессенцами в Навпакте, должна была быть колоссальная бронзовая статуя Зевса высотой не менее двадцати семи футов, которую элейцы установили в честь победы над аркадцами. Золотой щит, висевший высоко на восточном фронте храма Зевса, возвещал о триумфе лакедемонянского оружия при Танагре. Вид двадцати одного позолоченного щита, сверкавшего на восточной и южной сторонах храма, должно быть, причинил Павсанию боль, поскольку римский полководец Муммий посвятил их в ознаменование завоевания Греции. Другим памятником, который, несомненно, раздражал патристическое сердце Павсания, была элегантная ротонда с тонкими ионическими колоннами, опирающимися на мраморные ступени и поддерживающими мраморную крышу; поскольку статуи, которые она окружала, блистающие золотом и слоновой костью, были статуями Филиппа и Александра, и здание стояло как памятник битве при Херонее.

Исторические
памятники

В

Дельфах.

В Дельфах дорога, вьющаяся по крутому склону к храму Аполлона, была окаймлена с обеих сторон непрерывной чередой памятников, иллюстрирующих одни из самых ярких триумфов и самых мрачных трагедий истории Греции. история. Здесь гордый трофей лакедемонян, одержавших победу при Эгоспотамах, с ярусными рядами статуй противостоял более скромному трофею, воздвигнутому афинянами в честь победы при Марафоне. Здесь были статуи, установленные аргивянами в память о доле, которую они приняли вместе с фиванцами при основании Мессены. Здесь находилась сокровищница, выделенная афинянами из трофеев при Марафоне, и еще одна, выделенная фиванцами из трофеев при Левктре. Здесь находится еще одна сокровищница, построенная сиракузянами в память о катастрофическом поражении афинян на Сицилии. Бронзовая пальма и позолоченное изображение Афины стояли здесь как памятники афинской доблести на море и суше в Эвримедонте. Здесь, прежде всего, были памятники победам, одержанным объединенными греками над персами при Артемисии, Саламине и Платеях. Золотой треножник, действительно, ставший трофеем Платеи, исчез задолго до того, как Павсаний прошел Священным Путем, и его пустое место молчаливо

свидетельствовало о жадности фокейских вождей; но бронзовый змей, который поддерживал его, все еще стоял прямо, и на его кольцах были начертаны названия государств, принимавших участие в битве. Огромное изображение Аполлона высотой в тридцать пять локтей, возвышавшееся над другими памятниками, одновременно свидетельствовало о чудовищности преступления, совершенного фокейцами, и о величине штрафа, которым они его искупили. Высоко и на видном месте, на архитраве храма, висели щиты, повествующие об одном из последних триумфов греческого оружия - отражении натиска галлов. Все эти и многие другие исторические памятники Павсаний видел и описал в Дельфах.

Исторические памятники

в Афинах.

В Афинах среди портретов известных людей, привлечших его внимание, были статуи государственных деятелей Солона, Перикла и Ликурга, полководцев Конона, Тимофея и Ификрата, ораторов Демосфена и Исократ, философа Хрисиппа, поэтов Эсхила, Софокла, Еврипида и Менандра. В Пританее сохранились копии законов Солона. Колоннады, обрамлявшие рыночную площадь, были украшены изображениями битв при Марафоне, Эноэ и Мантинее, и в одной из них — знаменитой Расписной колоннаде — наш автор заметил бронзовые щиты, смазанные смолой для защиты от ржавчины, которые были взяты у спартанцев при Сфактерии. На Акрополе в качестве трофея персидских войн стояла огромная бронзовая статуя Афины, лезвие копья и гребень шлема которой были видны далеко в море. В Эрехтеуме путешественнику показали меч Мардония и доспехи Масистия, которые пали, когда он вел персидскую кавалерию в атаку при Платеях. В Пирее он увидел святилище Афродиты, которое Конон построил после разгрома лакедемонянского флота у Книда, а у входа в большую гавань, на виду у отплывающих кораблей, могилу Фемистокла, завоевавшего для Афин морскую империю. Но ни одно место в Греции не было богаче памятниками исторического прошлого, и, похоже, ничто так не взволновало Павсания, как то памятное место за стенами Афин, где в узких пределах одного кладбища были собраны бранные останки стольких доблестных и гениальных людей. Здесь покоилось немало прославленных людей, которые своими советами, мечами или пером сделали Афины великими и прославленными, и сюда был доставлен с далеких полей сражений прах более скромных граждан, погибших за свою страну, чтобы упокоиться в Аттической земле. Его описание этого национального захоронения в Афинах, действительно, не обладает задумчивым изяществом эссе Аддисона о гробницах в аббатстве. Это немногим больше, чем простой список имен, которые он прочитал на памятниках, но там почти каждое имя было историей, столь же полной гордых или скорбных воспоминаний, как имена, высеченные на надгробиях в Вестминстере и соборе Святого Павла или вышитые на изодранных и почерневших знаменах, которые свисают со стен наших церквей. На этих камнях были написаны анналы Афин - история ее беспокойной и устремленной деятельности, ее триумфов в искусстве, красноречии, военном деле, ее краткого полудня славы и долгих сумерек дряхлости и разложения. Неудивительно, что наш путешественник остановился среди памятников, которые, казалось, в надвигающейся ночи варварства улавливали и отражали лучи уходящего яркого дня, подобно пурпурному сиянию, которое остается на склонах Гиметта, когда солнце садится за Афины.

Его отступления
от
естественных
диковинок.

Чтобы развеять скуку топографической части своей работы, Павсаний ввел отступления о чудесах природы и чужих землях. Так, например, упомянув разрушение Хелис в результате землетрясения, он описывает зловещие признаки, которые предвещают приближение сильного землетрясения — проливные дожди или продолжительную засуху, зимой знойную погоду, летом дымку, сквозь которую вырисовывается красный и зловещий диск солнца, внезапные порывы ветра, пересыхание источников воды, грохочущие звуки под землей. Далее он анализирует различные виды толчков, определяет природу того, который разрушил Хелис, и описывает огромную волну, которая одновременно надвинулась на обреченный город с моря. Он имеет в виду приливы и отливы океана, скованное льдом море и замерзшие пустыни севера, южные земли, где солнце не отбрасывает тени в середине лета. Он рассказывает, как китайцы разводят шелкопряда, и описывает и шелк, и шелкопрядов более точно, чем любой писатель, который был до него, и те, кто последовал за ним. Было высказано предположение, что он получил свою информацию, прямо или косвенно, от члена римского посольства, которое, как явствует из свидетельств китайских историков, было отправлено императором Марком Антонином на дальний Восток и прибыло ко двору Китая в октябре 166 г. н.э. Опять же, он описывает сарматов северной Европы, ведущих кочевой образ жизни в глубине своих девственных лесов, питающихся своими кобылами, не знающих железа, одетых в доспехи из лошадиных копыт, стреляющих стрелами с костяным зазубрином из луков из кизила, стреляющих стрелами с костяным зазубрином. и опутывают своих врагов кольцами своих лассо.

Среди диковинок, которые, по-видимому, особенно заинтересовали его, были огромные кости, которые он встречал в разных местах. Обычно он принимал их за кости великанов, но одну из них он более удачно описал как кости морского чудовища. Вероятно, все это были кости мамонтов или других крупных вымерших животных, которые в наше время в изобилии находят в различных частях Греции, например, недалеко от Мегалополиса, где он видел некоторые из них. Опять же, он особенно любит описывать или намекать на странных птиц и зверей, будь то уроженцы Греции или привезенные из далеких стран. Так, он упоминает о разновидности белых дроздов на горе Киллена, которая привлекла внимание Аристотеля, и он описывает почти с точностью натуралиста маленькую ядовитую гадюку северной Аркадии, которую до сих пор боятся жители. Он упоминает о попугаях, верблюдах и огромных змеях Индии и кратко, но верно описывает страуса и носорога. Он дает полный и трезвый отчет о методе поимки бизона, а другой - о способе поимки лося, который очень выгодно контрастирует с абсурдным описанием этого у Цезаря. В Танагре он увидел фаршированного или маринованного тритона, или то, что выдавалось за таковое, чем танагрейцы так гордились, что помещали фигурку Тритона на монеты, которые чеканили при жизни Павсания. По его словам, на острове Пороселене он наслаждался зрелищем ручного дельфина, который пришел на зов мальчика и позволил ему прокатиться у него на спине.

Его рассказ об этом последнем зрелище, хотя и подтвержденный другим свидетелем, может вызвать сомнение в его достоверности. Профессор Альфред Ньютон, с которым я консультировался по этому вопросу, любезно сообщает мне, что ему неизвестно ни о каких современных свидетельствах, подтверждающих правоту Павсания, но что, учитывая широко

распространенную веру древних в близость дельфинов, он не считает невероятным, что в те дни эти существа почти не боялись людей. Мы не можем судить, говорит он, по поведению животных в наши дни о том, что они могли или делали до начала преследования. “Когда русские, - продолжает он, - открыли остров Беринга в 1741 году, они обнаружили, что его берега кишат крупными морскими животными (*Rhytina gigas* натуралистов), которые никогда раньше не видели людей и не боялись их, и русские (несмотря на то, что они потерпели кораблекрушение) обычно переходили вброд воду и *доили* ‘коров’. Доверие было неуместным, и примерно через тридцать лет все животные были уничтожены, а сам вид истреблен”. Таким образом, кажется не исключенным, что в древности дельфины могли быть более ручными, чем сейчас, и что Павсаний, возможно, действительно видел то, о чем он нам рассказывает. Но, возможно, выставка в Пороселене была мистификацией.

Описание
of
Греции, сделанное
псевдо-Дикеархом.

Вот и все о содержании книги Павсания. Прежде чем мы обратимся к характеру автора и источникам, из которых он черпал свои материалы, может быть поучительно сравнить его работу с фрагментами другого древнего описания Греции, дошедшими до нас. Это сравнение поможет нам лучше понять, что мы приобрели и что потеряли из-за особенностей Павсания. Фрагменты обычно публикуются под именем выдающегося мессенского писателя Дикеарха, ученика Аристотеля; но из внутренних свидетельств мы можем заключить, что произведение, частью которого они являются, было написано более поздним автором где-то между 164 и 86 годами до н.э. О характере произведения можно судить по следующему вольному переводу или пересказу, который также слегка сокращен.

“ Дорога в Афины приятная, она всю дорогу проходит между возделанными полями. Сам город сухой и плохо снабжается водой. Улицы представляют собой не что иное, как жалкие старые переулки, дома убогие, среди них есть несколько домов получше. По своему первому приезду незнакомец с трудом мог поверить, что это те самые Афины, о которых он так много слышал. Но вскоре он поверит, что это действительно Афины. Мюзик-холл, самый красивый в мире, большой и величественный театр, дорогой, замечательный и видимый далеко храм Афины под названием Парфенон, возвышающийся над театром, приводят зрителя в восхищение. Храм Зевса Олимпийского, недостроенный, но спланированный с поразительным размахом; три гимназии, Академия, Лицей и Киносарги, затененные зеленеющими деревьями; зеленые сады философов; увеселения и рекреации; множество праздников и постоянная череда зрелищ - все это посетитель найдет в Афинах.

“ Продукты этой страны бесценны по качеству, но их не слишком много. Однако частота зрелищ и праздников компенсирует нехватку средств для более бедных слоев населения, которые забывают о муках голода, созерцая представления и театрализованные представления. Каждый артист уверен в том, что его встретят аплодисментами и он сделает себе имя; поэтому город переполнен статуями.

“ Среди жителей есть аттические, а есть афиняне. Первые сплетничают, клеветают, склонны совать нос в дела незнакомцев, честны и лживы. Афиняне благородны, прямолинейны и верны в дружбе. Город кишит писаками, которые беспокоят приезжих и богатых незнакомцев. Когда

народ ловит негодяев, это служит им примером. Истинно рожденные афиняне - проницательные и критически настроенные слушатели, постоянно присутствующие на спектаклях. Короче говоря, Афины настолько же превосходят все другие города в удовольствиях и удобствах жизни, насколько они превосходят сельскую местность. Но мужчина должен остерегаться куртизанок, чтобы они не завлекли его к разорению. Стихи Лисиппа звучат так:

"Если ты не видел Афин, ты - подонок;

Если ты видел это и тебе это не понравилось, ты осел;

Если ты рад расстаться с этим, то ты упрямый осел.

Оттуда до Оропа у Псафида и святилища Зевса Амфиарая для хорошего пешехода - день пути. Все это находится в горах, ^[2] но изобилие и хорошее настроение гостиниц не дают путешественнику почувствовать усталость. Оропус - гнездо торгашей. Жадность здешних таможенников непревзойденна, их мошенничество закоренелое и врожденное. Большинство людей грубы и воинственны в своих манерах, потому что они ударили по голове порядочных членов общества. Они отрицают, что они беотийцы, подчеркивая это тем, что они афиняне, живущие в Беотии. Прочити поэт Ксено:

- Все они таможенники, все они грабители.

Чума на оропийцев!"

2. Это странная ошибка. На самом деле половина пути - в гору, а другая половина - под гору. Дорога сначала пологою, а затем круто поднимается к вершине перевала над горой Парнес, недалеко от древней Децелеи; оттуда она спускается, сначала быстро, делая резкие извивы серпантинном, затем постепенно через холмистую лесистую местность к морю в Оропусе.

Оттуда до Танагры сто тридцать фарлонгов. Дорога протекает через оливковые рощи и редколесья: разбойников с большой дороги здесь бояться нечего. Город стоит на возвышенности и пересеченной местности. Внешне он белый, как мел, но дома с верандами и росписями энкаустикой придают ему очень красивый вид. Кукурузы в округе не очень много, но вино лучшее в Беотии. Жители состоятельные, но ведут простой образ жизни. Все они фермеры, а не ремесленники. Они исповедуют справедливость, добросовестность и гостеприимство. Нуждающимся горожанам и бродягам они щедро раздают все свое имущество, ибо им неведомы подлость и алчность. Это самый безопасный город во всей Беотии для проживания чужеземцев, ибо независимые и трудолюбивые привычки местных жителей воспитали в них стойкую неприкрытую ненависть к мошенничеству. В этом городе я наблюдал как можно меньше тех необузданных порывов, которые обычно являются источником величайших преступлений. Ибо там, где людям хватает на жизнь, они не стремятся к наживе, поэтому мошенничество едва ли может показаться им на глаза.

Оттуда до Платеи двести фарлонгов. Дорога несколько пустынная и каменистая, она поднимается вверх по склонам Киферона, но это не очень небезопасно. В городе, цитируя поэта Посидиппа,

- Там есть два храма, колоннада и старинная слава,

И бани, и знаменитая гостиница Сарабуса.

Большую часть года это пустыня, но во время игр она заселена.

Жителям нечего сказать в свое оправдание, кроме того, что они афинские колонисты и что битва между греками и персами произошла в их стране.

Оттуда до Фив восемьдесят фарлонгов. Дорога на всем пути проходит по равнине. Город стоит в центре Беотии. Его окружность составляет семьдесят фарлонгов, форма круглая. Почва темная. Несмотря на свою древность, улицы здесь новые, потому что, как повествуют нам истории, город трижды сровняли с землей из-за угрюмого и властолюбивого характера жителей. Он отлично подходит для разведения лошадей; здесь все хорошо орошено и зелено, а садов больше, чем в любом другом городе Греции. Ибо через него протекают две реки, орошающие равнину под городом; и вода доставляется из Кадмеи по подземным каналам, которые, как говорят, были проложены в древности Кадмом. Вот и весь город. Жители жизнерадостны и удивительно оптимистичны, но опрометчивы, наглы и властолюбивы, готовы вступить в драку с любым человеком, будь то горожанин или незнакомец. Что касается правосудия, они восстают против него. Деловые споры разрешаются не разумом, а кулачным боем, а методы борьбы на ринге передаются в ведение судов. Следовательно, судебные процессы здесь длятся по меньшей мере тридцать лет. Ибо, если человек публично раскроет рот по поводу промедления закона и вслед за этим не поспешит покинуть Беотию, его подстерегают ночью и убивают люди, которые не желают, чтобы судебные тяжбы заканчивались. Убийства совершаются по самым ничтожным поводам. Таковы люди в целом, хотя среди них встречаются и достойные, возвышенные, респектабельные личности. Женщины самые высокие, красивые и грациозные во всей Греции. Их лица так закутаны, что видны только глаза. Все они одеты в белое и носят низкие фиолетовые туфли, зашнурованные так, чтобы были видны босые ноги. Их желтые волосы собраны в узел на макушке. В обществе их манеры скорее сицилийские, чем беотийские. У них приятные голоса, в то время как голоса мужчин резкие и глубокие. Город является одним из лучших мест для проведения лета, так как здесь есть сады и много прохладной воды. Кроме того, здесь ветрено, здесь много зелени, изобилуют фрукты и цветы. Но здесь не хватает древесины, и это одно из худших мест для зимовки из-за рек и ветров, потому что выпадает снег и бывает много грязи. Поэт Лаон восхваляет беотийцев, но он не говорит правды, поскольку факт заключается в том, что он был уличен в прелюбодеянии и легко отделался от оскорбленного мужа. Он говорит:

"Люби беотийца и не летай в Беотию;

Потому что этот человек - хороший парень, а земля восхитительна.

Оттуда до Антедона сто шестьдесят фарлонгов. Дорога идет под уклон через поля. По ней могут ездить экипажи. Небольшой город стоит на берегу Эвбейского моря. Рыночная площадь вся засажена деревьями и окружена колоннадами. Вина и рыбы в изобилии, но кукурузы мало, потому что почва бедная. Почти все жители - рыбаки, живущие своими крючками, фиолетовыми раковинами и губками, стареющие на пляже среди морских водорослей и в своих хижинах. Все они румяные и худощавого телосложения; кончики их ногтей стерты из-за постоянной работы в море. Большинство из них - перевозчики или строители лодок. Они не только не обрабатывают

землю, но даже не владеют ею, утверждая, что являются потомками морского Главка, который, по общему признанию, был рыбаком.

“Вот и все о Беотии. Что касается Теспии, то в ней есть амбиции и прекрасные статуи, ничего больше. У беотийцев есть поговорка об их национальных недостатках, гласящая, что жадность живет в Оропе, зависть - в Танагре, сварливость - в Теспии, дерзость - в Фивах, алчность - в Антедоне, любопытство - в Коронее, хвастовство - в Платее, лихорадка - в Ончестусе и глупость - в Галиарте. Это разломы, которые стекли в Беотию, как в сток, из остальной Греции. Прочитируем стих Ферекрата:

- Если у тебя есть хоть капля здравого смысла, избегай Беотии.

Вот и все о земле беотийцев.

“ От Антедона до Халкиды семьдесят фарлонгов. До Салгонеуса дорога ровная и легкая, пролегающая между морем с одной стороны и лесистой и хорошо орошаемой горой небольшой высоты с другой. Город Халкида имеет семьдесят фарлонгов в окружности. Он весь холмистый и затененный деревьями. Большинство источников соленые, но есть один под названием Аретуза, вода в котором, хотя и солоноватая, полезна, прохладна и настолько обильна, что ее хватает на весь город. Благодаря общественным зданиям, таким как гимназии, колоннады, святилища и театры, помимо картин и статуй, город превосходно обеспечен, а рыночная площадь с точки зрения торговли непревзойденна. Течения, которые встречаются в Еврипе, протекают у самых стен гавани, и здесь есть ворота, ведущие прямо на рыночную площадь, просторную площадь, окруженную колоннадами. Близость рыночной площади к гавани и легкость, с которой можно выгружать грузы, привлекают в порт множество судов. Действительно, сам Еврип с его двойным входом привлекает купцов в город. Весь район засажен оливками, а рыболовство здесь продуктивное. Жители - греки как по речи, так и по происхождению. Преданные учебе, со вкусом к путешествиям и книгам, они переносят невзгоды своей страны с благородной стойкостью [fortitude](#). Длительный курс политического рабства не уничтожил той врожденной свободы натуры, которая научила их подчиняться неизбежному. Прочитируем стих Филиска:

”Халкида - город самых достойных греков”.

Этих отрывков, которые я, возможно, процитировал слишком пространно, может быть достаточно. Я избавляю читателя от долгого описания горы Пелион, ее сосновых лесов, диких цветов и зелени, которое, по-видимому, является фрагментом того же произведения. В описании горы можно упомянуть только два момента. Автор рассказывает нам, что знание определенных лекарств передавалось по наследству в одной семье, которая хранила это в глубокой тайне, хотя и отказывалась принимать какие-либо деньги от больных людей, за которыми они ухаживали, считая, что это было бы нечестиво. Эти травники утверждали, что произошли от кентавра Хирона. И снова мы узнаем от автора, как в самую сильную летнюю жару, когда взойшла Собачья Звезда, процессия мужчин благородного происхождения и в расцвете сил, избранных жрецом и одетых в овечьи шкуры, поднялась через сосновый лес к пещере Хирона и святилищу Зевса на вершине горы. Он упоминает овечьи шкуры как доказательство огромной высоты горы Пелион, как будто без них люди дрожали бы на горе, даже в то время как равнины внизу изнывали от жары. Но более вероятно, что овечьи шкуры имели какое-то религиозное значение.

Сравнение
псевдо-Дикеарха
и
Павсания

Этот рассказ о процессии одетых в кожу людей к пещере и святилищу на вершине высокой горы мало чем отличается от отрывка из Павсания. Но как отличается почти все остальное в описании Греции этим автором от описания Павсания! Вместо скучного терпеливого перечисления памятников, расположенных в топографическом порядке и редко оживляемых даже описательным эпитетом, у нас есть небольшие, ярко окрашенные наброски общего вида городов - белый город Танагра на холме с красиво раскрашенными верандами домов; Халкида с ее красивыми зданиями, ее тенистыми деревьями, ее полноводными источниками, ее просторным рынком рядом с проливом, где быстро течет прилив и носильщики заняты разгрузкой кораблей в гавани; летние Фивы с их прекрасными новыми улицами, их зеленью, фруктами и цветами, и многое другое. благоухающая свежесть ароматного воздуха, веющего над садами; Фивы зимой, продуваемые пронизывающими ветрами, улицы по уши в грязи и побелевшие от падающего снега; Афины с их старыми узкими улочками и убогими домами, и время от времени между ними проглядывает блистательный Парфенон, словно солнечный луч, высоко на фоне неба. С другой стороны, что касается людей, какой контраст между серьезным Павсанием, который едва ли позволяет нам видеть их, кроме как во время богослужений, и блестящим писателем, который так часто приподнимает завесу прошлого и позволяет нам мельком увидеть шумную пеструю толпу и услышать гул их голосов — толпы, которая перестала суетиться, и голосов, которые умолкли так давно. Мы видим голодное население Афин, забывающее о своих пустых желудках в радости театра и зрелищ; хрупких красавиц, глазающих на нас; литературных вредителей, строчащих пасквили на своих чердаках или извивающихся в тисках закона. На больших дорогах мы видим путешественников, которые идут в страхе перед грабителями или отдыхают в своих гостиницах. В Оропусе мы наблюдаем, как таможенники роются в багаже разъяренных путешественников, которые бормочут проклятия. В Танагре мыжимаем руку грубоватому зажиточному фермеру, уютному, доброму и довольному собой, у которого есть сердечный прием для незнакомца и немного еды для нищего, который стучится в его дверь. На улицах Фив мы сталкиваемся с вашими бряцающими клинками, вашими хулиганами и головорезами, которые сбьют вас с ног за одно слово и перережут вам горло в темном переулке, если вы осмелитесь прошептать слово, отражающее ход правосудия, или, скорее, несправедливость, в их родном городе. И среди этих хулиганов движутся высокие грациозные женщины, закутанные до самых глаз, их желтые волосы собраны в пучок на макушке, их фиолетовые туфельки выглядывают из-под белых платьев, их мягкие голоса контрастируют с грубым глубоким басом мужчин. Сцена снова меняется. Мы больше не на улицах и в садах Фив, а на пляже Антедона, в наших ноздрях ощущается соленый запах моря, а прохладный морской бриз овеивает наши лбы. Мы видим рыбаков с их румяными, обветренными лицами и ногтями, изъеденными морской водой, которые ловят наживку на крючки среди морских водорослей на берегу, или мастерят новую рыбацкую лодку, или переправляют путешественников через прекрасный пролив на Эвбею.

Эти картины исчезнувшего мира чего-то стоят. В них есть жизнь, теплота и краски; но цвета, едва ли можно сомневаться, чрезмерно подчеркнуты. Освещение слишком яркое, тени слишком глубокие. Мы не можем поверить, что население Оропа состояло исключительно из

головорезов и таможенных чиновников; что все фермеры Танагры были грубыми и добродетельными; что в Халкиде жили только хорошие люди, благородно борющиеся с невзгодами; что ни один судебный процесс в Фивах никогда не длился меньше тридцати лет. Писатель, очевидно, преувеличил ради литературного эффекта. И у него сильная склонность к сплетням и скандалам. Он смягчает восхваление Беотии в устах поэта на основании болезненного эпизода из личной истории барда и с явным удовольствием пересказывает ходящие слухи о характерных пороках различных беотийских городов. В целом это живое, поверхностное, сплетничающее произведение с его эффектными небрежными зарисовками жизни и пейзажей не может сравниться по ценности с сухим и бесцветным, но в целом подробным и точным описанием Греции, которое дал нам Павсаний. В произведениях Павсания нам, конечно, не хватает теплоты и одушевления другого человека, картин современной жизни и характера, маленьких штрихов, которые ярко рисуют перед нами прошлое и далекое будущее. Его книга - слишком простой каталог древностей, сухие кости знания, не тронутые дыханием воображения. И все же сами его недостатки имеют свои компенсирующие преимущества. Если бы ему не хватало воображения, он был бы менее склонен поддаться искушению исказить и обесцветить факты, которому особенно подвержены люди с ярким воображением, о которых хорошо сказано, что они подобны ангелам, закрывающим свои лица крыльями.

Характер Павсания.

По правде говоря, Павсаний был человеком, сделанным из обычного материала и отлитым по обычной форме. Его интеллект и способности, по-видимому, были немного выше среднего, его взгляды не сильно отличались от взглядов его современников. |Его политические

взгляды.| Хотя он с сожалением оглядывался на великую эпоху греческой свободы, он, по-видимому, смирился с римским владычеством как с неизбежностью, признавая неспособность выродившихся греков управлять собой, общее милосердие римского правления и особенно мудрость и благодеяния добрых императоров, при которых ему выпало счастье жить.

Демократией он не восхищался. Он считал афинян единственным народом, который когда-либо жил при нем, и, заметив, что рабы, сражавшиеся и погибшие за Афины, были похоронены вместе со своими хозяевами, он с явным удивлением замечает, что даже демократия иногда может быть справедливой. Теперь, когда настала его очередь учиться и размышлять о прошлом, было естественно, что он предпочел уединенную жизнь заботам и потрясениям общественной карьеры. Соответственно, мы обнаруживаем, что он восхищался благоразумием Исократы, который безмятежно дожил до старости в тени и спокойствии уединения, и что он безоговорочно осуждал неблагоразумие Демосфена, чей пламенный гений провел его сквозь бурю и солнечный свет общественной жизни в изгнание и насильственную смерть.

Такое предпочтение, скорее подразумеваемое, чем выраженное, многое говорит об упадке общественного духа в Греции. Наш автор сам признавал, что на его долю выпали тяжелые дни. Он с грустью говорит о древних временах, когда боги открыто воздавали почести добрым, азлым - свое неудовольствие; когда благодетели человечества были возведены в ранг божеств, а злодеи низведены до диких зверей и камней. "Но в нынешнюю эпоху," печально добавляет он,

“ когда зло достигает таких высот и распространяется по каждой стране и городу, люди больше не превращаются в богов, если не считать пустой риторики, которой лесть обращается к власти; и гнев богов на нечестивых приберегается для отдаленного будущего, когда они уйдут отсюда”. Мы не можем сомневаться, что здесь он тайно бросает взгляд на практику обожествления римских императоров, которая, по-видимому, вызвала его искреннее негодование как признак податливого раболепия и политического вырождения того времени. Не был он чужд и тех более серьезных мыслей по более обширным вопросам жизни и истории, которые был способен пробудить вид Греции в период ее упадка. Вид великого города Мегалополис, лежащего в руинах, наводит его на мысль о больших надеждах, с которыми он был основан, и это снова вызывает череду меланхолических размышлений о нестабильности человеческих отношений. Он думает о том, как из стольких золотых городов древнего мира — из Ниневии и Вавилона, из Фив и Микен — ушла слава; как сама природа, кажущаяся такой стабильной, подвержена огромным изменениям; как преходяща тогда земная слава, как коротка и хрупка жизнь человека!

Его этические
взгляды.

О страстях, которые движут людьми и творят историю, он, похоже, думал так же, как и другие люди. Он знал, что алчность является причиной многих преступлений и что любовь - источник как великого счастья, так и великого несчастья. И все же он, по-видимому, считал, что вред, причиняемый любовной страстью, перевешивает то благо, которое она приносит; ибо после рассказа о том, как, омываясь в реке Селемнус, мужчины и женщины, как предполагалось, забывали о своей любви, он добавляет, что, если в этой истории есть хоть капля правды, великие богатства менее ценны для человечества, чем воды Селемнуса. Опять же, он искренне восхищается героическими добродетелями и искренне ненавидит низость и разврат всех видов. Государственную измену он клеймит как тягчайшее из преступлений. Он считает, что смелый и бескорыстный патриот Фрасибул, освободивший свою страну и уладивший ее раздоры, был лучшим из всех знаменитых мужчин Афин, и что подвиг Леонида и его спартанцев при Фермопилах был самым великолепным военным подвигом в истории Греции. Он хвалит своего тезку-спартанца за вежливое обращение с плененной коанской дамой и за то, что тот отклонил подлое предложение негодяя, который хотел заставить его изуродовать труп доблестного Мардония. Он с сочувствием говорит о храбрых людях, достойных более счастливой судьбы, которые пали против тирана Лахареса, о тех, кто отвоевал бы Пирей у македонян, если бы их союзники не предали их смерти, и о тех других, кого в великий день Кимон привел к победе на море и суше. Он рассказывает, как в последней битве с римлянами, перед тем как был потерян день, ахейский полководец бежал, оставив своих людей перебираться самим, и он противопоставляет свою эгоистичную трусость солдатской преданности афинского кавалерийского офицера, который при катастрофическом отступлении из Сиракуз вывел свой полк целым, затем развернулся и, возвращаясь назад в одиночку, нашел смерть, которую искал, в гуще врагов.

Его
религиозные
взгляды.
Вера в
богов.

В религии, как и в морали, Павсаний, по-видимому, занимал позицию, мало чем отличающуюся от позиции его современников. То, что ему не приходило в голову сомневаться в существовании богов и героев греческой мифологии, ясно из содержания его работы, а также из многих наблюдений, которые он опускает. Так, например, он говорит нам, что видеть богов в телесном облике было опасно; что Пан наравне с величайшим из богов обладал способностью отвечать на молитвы и воздавать нечестивым; и что до его времени в городе на Евфрате сохранилась та самая веревка, сплетенная из виноградной лозы и ветвей плюща, с помощью которой Дионис переплыл реку во время своего похода в Индию. Даже критические замечания, которые он иногда высказывает в адрес мифов и легенд, доказывают, что, отвергая их полностью или частично, он и не думает подвергать сомнению реальность божественных или героических персонажей, о которых они были рассказаны. Таким образом, приводя примеры, в то время как он исследует и отвергает утверждения, выдвинутые от имени различных объектов о том, что они являются произведениями Гефеста, он признает подлинность одного из объектов, тем самым явно принимая как должное существование самого бога-кузнеца. Снова, рассматривая изображение Афродиты с оковами на ногах, он рассказывает, как, согласно одной традиции, Тиндарей возложил это унижение на богиню, чтобы наказать ее за то, что она опозорила его дочерей. “С этим объяснением, ” решительно заявляет Павсаний, “ я ни на минуту не могу согласиться: было бы слишком глупо воображать, что, сделав куклу из кедрового дерева и назвав ее Афродитой, он мог наказать богиню”. Очевидно, что наш автор, если и испытывает мало почтения к изображению и совсем не уважает традицию его происхождения, питает непоколебимую веру в реальность богини. Опять же, он отрицает, что Семела когда-либо, согласно греческой традиции, была спасена из ада Дионисом, и причина, по которой он объясняет свое недоверие, заключается в том, что Семела была женой Зевса и поэтому не могла умереть. И снова, рассказав легенду об Эврипиле и чудесном сундуке, в котором он хранил переносного бога, он упоминает только для того, чтобы опровергнуть предание о том, что Эврипил получил сундук от Геракла. “Я уверен, ” говорит он, “ что Геракл все знал об этом сундуке, если это действительно был такой замечательный сундук, и я не верю, что, зная о нем, он когда-либо отдал бы его товарищу по оружию”. И снова Павсаний не может заставить себя поверить, что Геракл когда-либо доводил свой гнев на дочь друга до такой степени, чтобы обречь ее оставаться старой девой до конца своих дней и служить ему в качестве его жрицы. Он полагает, что пока Геракл все еще был среди людей, “наказывая других людей за самонадеянность и особенно за нечестие, маловероятно, что он основал бы храм со жрицей исключительно для себя, как если бы он был богом”.

Его
скептицизм
в отношении ада.

Однако есть одна сторона греческой религии, в отношении которой Павсаний проявляет себя последовательно скептически, если не сказать недоверчиво. У него были серьезные сомнения относительно существования подземного ада. “Нелегко, - говорит он, - поверить, что у богов есть подземное жилище, в котором собираются души умерших”. Он говорит о “предполагаемом подземном царстве” Плутона, и в пещере в Тенаруме, которая считалась одним из входов в ад, он тщетно искал какой-либо проход, ведущий в нижний мир. В частности, с Цербером, адским псом, грубо обращается Павсаний, который безжалостно лишает его лишних голов, превращает в зурядную змею и, кажется, получает злобное удовольствие, перечисляя все места, где, по слухам, животное было поймано Гераклом. Но хотя Павсаний

сомневался относительно ада, он, по-видимому, верил в существование души после смерти; поскольку в отрывке, который уже цитировался, он говорит о наказании, которое ожидает нечестивых в другой жизни. В то же время его вера в эту доктрину, по-видимому, была не очень твердой; по крайней мере, он ссылается на нее несколько неуверенно, упоминая мессенское предание о том, что душа умершего героя Аристомена сражалась со своими старыми врагами лакедемонянами при Левктрах. “Первыми людьми, - говорит он нам там, - которые утверждали, что душа человека бессмертна, были халдеи и индийские маги; и некоторые из греков верили им, особенно Платон, сын Аристана. Если все примут этот принцип, то не может быть никаких сомнений в том, что ненависть к лакедемонянам терзаласердце Аристомена на протяжении всех веков”.

Его
отношение к
различным
божествам.

Среди богов Павсаний отводит первое место Зевсу. Он один выше Судьбы, которой должны подчиниться все остальные боги; он правитель и проводник Судеб и знает все, что они приготовили для человека. Из самих Судеб Фортуна, по мнению нашего автора, самая могущественная; это она, чья непреодолимая мощь подчиняет все сущее своей воле, определяя рост и упадок городов, перевороты в природе и судьбу человека. Однако сам Павсаний, по-видимому, был посвящен скорее Деметре, чем Зевсу или Судьбе. Он посетил Фигалию главным образом ради Черной Деметры, которой он принес жертву у входа в пещеру; он подробно рассказывает историю ее изображения; и он с необычными подробностями описывает святилище и изображения Деметры и Прозерпины в Ликосуре. Опять же, он был посвящен в элевсинские мистерии; ему нравится проследивать их распространение из Элевсина по остальной Греции; он говорит об анданских мистериях как о вторых по святости после одной только элевсинской; он говорит нам, что греки более ранней эпохи почитали последние настолько же выше всех других религиозных обрядов, насколько боги были выше героев; и он выражает свое собственное убеждение, что ни на чем Божье благословение не покоилось в такой полной мере, как на обрядах Элевсина и Олимпийских играх. Его религиозный трепет перед мистериями, заглушавший его словоохотливость антиквара, запрещал ему описывать не только обряды, но и священные места, в которых они совершались. И снова на горе Панэллениус на Эгине он принес жертвы изображениям родственных божеств Дамии и Оксесии в соответствии с ритуалом, соблюдаемым при жертвоприношении в Элевсине. Другим божеством, которым Павсаний, по-видимому, особенно интересовался, был Эскулап. Он исследует легенды о происхождении бога, обсуждает его природу и проследивает распространение его культа из Эпидавра. Наряду со своей верой в богов и в непреодолимую силу Судьбы наш автор, по-видимому, питал смутную веру в божественное провидение, наблюдающее за делами человека. Говоря о подвигах Тесея на Крите, он отмечает, что “разумно предположить, что ничто иное, как рука Провидения, не вернуло его и его товарищей в целости и сохранности, проведя его через все запутанные хитросплетения лабиринта и проведя его невидимым, когда его работа была выполнена, сквозь гущу врагов”.

Его вера
в
активное вмешательство

of
the gods in
human

Боги, по мнению Павсания, не были ни холодными абстракциями, ни благословенными существами, которые, купаясь в небесных радостях, не думали о земных делах. Они активно вмешивались в ход событий, награждая добродетельных и наказывая нечестивых. Они были дарителями добра людям; и если в древности их награды были более открытыми и очевидными, то процветание благочестивых афинян было постоянным доказательством того, что даже в более поздние времена боги не забывали вознаграждать своих почитателей. Тем не менее, подобно большинству людей, которые стараются оправдать пути Божьи перед человеком, Павсаний был более готов обнаружить руку божества в страданиях и невзгодах своих ближних, чем в их радостях и благословениях. Уверенность, с которой он указывает пальцем на конкретный проступок, навлекший на злоумышленника гнев справедливо оскорбленного бога, подразумевает удивительное знакомство с советами Всемогущего. Он знал, что персы потерпели поражение при Марафоне, потому что прогневили Немезиду, притащив в гордыне своих сердец мраморную глыбу, которую они намеревались установить в качестве трофея за свою ожидаемую победу; что разрушение Спарты и Гелики землетрясениями было вызвано гневом Посейдона за нарушение его святилищ; что разорение и смерть Митридата были вызваны Аполлоном, чей священный остров был разграблен царским военачальником; что жалкий конец Суллы был прямым следствием его вины в том, что он оторвал Аристион от владений царя. святилище Афины; и что гнев элевсинских богинь навеки обрушился на мегарцев за то, что они вторглись на священную землю и убили глашатая, который предупреждал их воздерживаться. Опять же, он проникательно подозревает, что долгие несчастья мессенцев проистекали непосредственно из гнева диоскуров на нечестивую самонадеянность двух мессенских юношей; и он предполагает, что боги и герои объединились, чтобы навлечь свое неудовольствие на преданного главу Клеомена, который подделал дельфийский оракул, разорил священную элевсинскую землю и сжег рощу героя Аргуса. Согласно Павсанию, дельфийский Аполлон был быстр и могуществен, чтобы защитить свою честь и отомстить святотатцам, которые осмелились напасть на его святилище или расхитить его сокровища. Царь Архидам, прикоснувшийся к священным деньгам, пал в битве на чужбине, и его труп валялся непогребенным; флегийцы, совершившие набег на Дельфы, погибли от ударов грома и землетрясений; и именно во всем величии грома, молнии и землетрясения позже бог выступил, чтобы отразить нападение галлов. Среди наказаний, которыми, как считалось, боги наказывали за необоснованное вторжение в их святилища, слепота и безумие занимали особое место. Царь Эпит, пробившись в святилище Посейдона в Мантинее, куда никому не разрешалось входить, мгновенно ослеп и вскоре после этого умер; некоторые персидские солдаты, отважившиеся проникнуть в святилище Кабиров близ Фив, сошли с ума и в таком состоянии покончили с собой; и считалось, что если какой-либо оскверненный или нечестивый человек войдет в святилище Эвменид в Церинее, он сойдет с ума на месте.

Его вера
в оракулов.

Веря в богов, Павсаний, естественно, верил в их официальные высказывания, в оракулов. Дельфийский оракул, по его мнению, предсказал битву при Левктре и различные эпизоды

мессенских войн; и он ссылается на один из его ответов как на убедительное доказательство того, что матерью Эскулапа была Коронида. Он рассказывает, как за случайным обнаружением костей Орфея последовало разрушение города Либетра во Фракии в соответствии с предсказанием Диониса, и он повествует о фатальных бедствиях, которые Эпаминонд, Ганнибал и афиняне понесли из-за неправильного понимания ответов оракулов, посланных им из Дельф, Амона и Додоны. История Македонии, ее возвышение и падение были предсказаны Сивиллой, если мы можем верить Павсанию, который цитирует ее пророчество; и он уверяет нас, что вторжение галлов в Азию было предсказано Феннисом за поколение до того, как произошло это событие. Он сам консультировался с оракулом Трофония и оставил нам любопытный отчет о церемониях, соблюдаемых вопрошающими в святилище. В его время, сообщает он нам, самым непогрешимым оракулом был оракул Амфилоха в Малле в Киликии.

Его
критика
мифов.

И все же, хотя Павсаний в целом принимал религию своей страны, он ни в коем случае не был слеп к несоответствиям и неправдоподобию многих греческих мифов и легенд, и он несколько пренебрежительно отзывается о беспрекословной вере толпы в истории, которые они слышали с детства. “Ложь вообще,” говорит он, - распространена среди толпы, потому что они не знакомы с историей и верят всему, что слышали с детства в хорах и трагедиях”. И снова он замечает, что “нелегко убедить вульгарных людей изменить свое мнение”. Из первого из этих отрывков явствует, что Павсаний был не склонен безоговорочно доверять высказываниям поэтов по вопросам традиции. В другом месте он выражает свои сомнения еще более ясно. Говоря о гидре, у которой, по его утверждению, было не более одной головы, он говорит, что поэт Пизандр умножил головы этого существа, “чтобы сделать чудовище более устрашающим и подчеркнуть достоинство своих собственных стихов”. Опять же, он упоминает, что поэты объявили определенные предметы искусства произведениями Гефеста, и что подобострастное общественное мнение присоединилось к ним, но он, со своей стороны, отвергает все подобные реликвии как поддельные, за исключением одной. Единственным поэтом, перед авторитетом которого он склонялся, был Гомер, к свидетельству которого он часто обращается с уважением. Он считал, что многие старые истории были достаточно правдивы по своему происхождению, но подверглись дискредитации из-за искажений и преувеличений, которым они были подвергнуты рассказчиками. Конкретная история, которая наводит на это замечание, - это легенда о том, что Ликаон был превращен в волка после принесения младенца в жертву ликейскому Зевсу. Павсаний верит этой легенде, но он отвергает как невероятное утверждение о том, что при каждом последующем жертвоприношении Зевсу на горе Ликей человек превращался в волка, и он не считает лжецами людей, которые распространяли информацию о том, что аркадский боксер Дамарх был таким образом преобразован. “Любители чудесного, - замечает он, - слишком склонны усиливать чудеса, о которых они слышат, добавляя свои собственные штрихи; и таким образом они принижают правду, смешивая ее с вымыслом”.

Его неверие
в
определенные
мифы.

Недоверчивое отношение, которое Павсаний проявлял ко многим из существующих легенд, заявлено им самым недвусмысленным образом. Он говорит о “множестве лжи, в которую верят греки”, и напоминает нам, что, хотя он обязан записывать греческие истории, он не обязан им верить, и что на самом деле он верит не всем. Мифы о превращении богов и людей в животных и растения, похоже, особенно сильно застряли у него в горле. Он не верит, что Зевс превратился в кукушку, чтобы завоевать любовь Геры, а что касается истории о превращении Кикна в лебедя, то он прямо говорит: “То, что человек мог превратиться в птицу, для меня невероятно”. Он и слышать не хочет о любви Нарцисса к своему отражению в зеркальном пруду и о его чудесном превращении в цветок, носящий его имя. “Это чистое безумие, - замечает он, - полагать, что человек, достигший возраста влюбленности, не в состоянии отличить мужчину от его отражения”, а что касается рассматриваемого цветка, то у него есть глава и стих, доказывающие, что он рос до рождения нарцисса. Сопутствующая история о превращении гиацинта в цветок, с которым он обращается не так бесцеремонно. “Возможно, это не совсем правда, - говорит он нам, - но оставим это без внимания”. Более того, он не может поверить, что звери следовали за Орфеем, когда он пел, и что менестрель отправился в ад, чтобы вернуть свою потерянную Эвридику. Опять же, хотя он верит в великанов, он отвергает как глупую историю представление о том, что у них были змеи вместо ног, и подкрепляет свой скептицизм ссылкой на труп одного из этих чудовищных существ, который был найден на дне реки Оронт, заключенным в гроб длиной в одиннадцать локтей. Часто, официально не отказываясь от своего согласия с какой-нибудь чудесной историей, он спокойно намекает на свое недоверие, указывая, что предоставляет своим читателям верить в это или нет, как они сочтут нужным. Таким образом, после рассказа о том, как свиньи, брошенные в чертоги Деметры в Потниях, должны были вновь появиться в следующем году в Додоне, он добавляет почти саркастически: “Возможно, эта история вызовет доверие у некоторых людей”. Другие чудеса, которые он отвергает с насмешкой, - это посев зубов дракона Кадмом и появление вооруженных людей; прорастание дубины Геракла в дерево, когда он положил ее на землю; чудесное видение Линкея, который мог видеть сквозь ствол дуба; и история о том, как у некоей скалы в Мегаре печальная Деметра встала и позвала свою дочь с темной дороги, по которой она исчезла.

Его рационалистическая
интерпретация
некоторых
мифов.

Однако Павсаний не всегда встречает кажущиеся чудесными истории с пустым отрицанием. У него было слишком много здравого смысла, чтобы поступить так. Он знал, что наш опыт не исчерпывает возможностей природы, и соответственно старался уравновесить свои суждения между поспешной доверчивостью, с одной стороны, и опрометчивым неверием - с другой. Таким образом, указав, что, если описания странных существ далеких земель в некоторых деталях ложны, в других они правдивы или, по крайней мере, не невероятны, он заключает: “Мы должны быть очень осторожны, чтобы избегать поспешных суждений, с одной стороны, и недоверия к редким случаям, с другой”. В своем стремлении отделить истинное от ложного, распутать запутанный клубок традиций он часто прибегает к этому удобному и гибкому инструменту — рационалистическому или аллегорическому толкованию. Мы видели, с какой легкостью он таким образом избавился от лишних голов Цербера и превратил это животное из очень необычной собаки в самую обычную змею. Чудесная история о смерти Актеона, разорванного на куски его гончими по наущению Артемиды, не доставляет ему никаких хлопот:

это был простой случай гидрофобии. Медуза была прекрасной африканской королевой, которая встретила Персея во главе своего войска. Титан был ранним астрономом, который жил недалеко от Сикиона и считался братом солнца только по той причине, что он проводил наблюдения за этим светилом. Басня о том, что Прокн и Филомела превратились в соловья и ласточку, возникла просто из сравнения их заунывных криков с жалобными пениями этих птиц. В одном отрывке, действительно, под яростным огнем критики кажется, что сами боги вот-вот растают, как туман под лучами солнца, не оставив после себя ничего, кроме ясного сурового лика природы, над которым великолепное зрелище их изменчивых радужных форм некоторое время парило в золотой дымке. Этот отрывок встречается в описании Эгия, где наш автор встретился с финикийцем из Сидона, с которым он обсуждал философские основы веры в Эскулапа, придя к выводу, что бог был не чем иным, как воздухом, а его отец Аполлон - не чем иным, как солнцем. Если бы Павсаний последовал этому направлению мысли, он мог бы, подобно Шиллеру, увидеть, как в видении яркая процессия богов взбирается по длинному склону Олимпа, иногда останавливаясь, чтобы с грустью оглянуться на мир, где в них больше не было нужды. Но весь ход его работы показывает, что если здесь у него и был проблеск высшей истины, то это была всего лишь вспышка света, которая погасла, оставив его во тьме.

Его изменение
взгляда на
мифы.

В более позднем отрывке он признается в своей вере в вопросы мифологии. После рассказа варварской истории о том, как каннибал Кронос, намеревавшийся сожрать своего малолетнего сына Посейдона, был обманом заставлен Реей проглотить жеребенка, он продолжает: “Когда я начинал эту работу, я считал эти греческие истории немногим лучше глупости; но теперь, когда я добрался до Аркадии, мое мнение о них таково: я верю, что греки, которые считались мудрыми, говорили о древности загадками, а не прямо ; и, соответственно, я предполагаю, что эта история о Кроносе немного греческая. философия. В вопросах религии я буду следовать традиции”. Похоже, что это практически отказ от прежнего, возможно, юношеского скептицизма. Истории, которые он когда-то высмеивал как абсурдные, теперь он считает полными глубокой, хотя и скрытой мудрости. Размышления и, возможно, в еще большей степени подкрадывающийся возрастной паралич, который приводит стольких людей к тупому согласию с верованиями и практиками, которые они отвергали в юности, по-видимому, произвели в сознании Павсания революцию. Насмешник стал набожным.

Его отношение
к
противоречивым
традициям.

Однако для благочестивого верующего расхождение между греческими традициями, должно быть, было серьезным камнем преткновения. Павсаний спотыкался об это снова и снова. “Греческие традиции, ” говорит он, - в целом противоречивы”. “Легенды греков отличаются друг от друга по большинству пунктов, особенно в генеалогиях”. “Старые легенды, не обремененные генеалогиями, оставляли свободное пространство для вымысла, особенно в родословных героев”. “Большинство вещей в Греции являются предметом споров”. Перед лицом таких различий Павсаний, когда он не довольствуется простым перечислением различных традиций,

предпочитает следовать либо наиболее общепринятой версии, либо той, которая по каким-либо причинам кажется ему наиболее вероятной. С его трезвым, лишенным воображения темпераментом и склонностью к рационализму было естественно, что из конфликтующих версий одной и той же традиции он выбрал ту, которая меньше всего противоречила опыту. Таким образом, он пересказывает две истории о том, как жители Танагрызаполучили Тритона, чучело которого было славой города. Одна история гласила, что это существо было убито самим Дионисом в единоборстве; согласно другой, простой смертный нашел Тритона пьяным на пляже и отрубил ему голову топором. Последняя версия этой истории описывается Павсанием как “менее достойная, но более вероятная”. Правда, тритоны, пьяные или трезвые, не являются обычными объектами на морском берегу; но не было необходимости усиливать это чудо, вытаскивая Диониса. Опять же, смерть Аристодема, предка двух царских домов Спарты, рассказывалась по-разному. “Те, кто хочет окружить его ореолом славы, - пишет Павсаний, - говорят, что он был застрелен Аполлоном”; но более правдивая история заключалась в том, что его ударили по голове дети Пилада. Опять же, он с подозрением относится к притязаниям мужчин и женщин быть мужьями и женами, сыновьями и дочерьми богов и богинь. “Говорят, Луна любила Эндимиона, и у него было пятьдесят дочерей от богини. Другие, с большей вероятностью, говорят, что Эндимион женился на жене”. “Кадм заключил выдающийся брак, если он действительно женился, как говорят греки, на дочери Афродиты и Ареса”. Тогда что касается предполагаемых сыновей богов. “Насколько я знаю, никто еще всерьез не утверждал, что Коринф был сыном Зевса, за исключением большинства самих коринфян”. Эномай был сыном Алексииона, “хотя поэты утверждали, что он был сыном Ареса”. Отцом Авгия был Элей, “хотя те, кто преувеличивает его историю, искажают имя Элей и утверждают, что Авгий был сыном солнца”. Хитрый Автолик “считался сыном Гермеса, хотя на самом деле его отцом был Дедалион”. История о том, что матерью Орфея была Муза Каллиопа, заклеяна нашим автором как ложь. К рекам, которые фигурировали в образе отцов, Павсаний также относился с недоверием. Он считал, что отцом Этеокла был Андрей, а не река Кефис; и он верил, что отцом Платеи была не река Асоп, а царь с тем же именем. Можно привести и другие примеры его колебаний принимать легенды о божественном происхождении.

Его
применение
исторических
методов к
греческим
традициям.

Но в своей критике греческих легенд Павсаний не ограничивался простой проверкой опытом. Он не просто спрашивал, согласуется ли та или иная история более или менее с законами природы, и соответственно принимал или отвергал ее. В исторических исследованиях применение такого критерия, очевидно, не может продвинуть исследователя дальше первого шага. Павсаний пошел гораздо дальше. Он представил соображения, основанные на общей вероятности, хронологии, памятниках, сравнении с другими традициями, относительном весе, который следует придавать авторитетам, подтверждающим каждую версию легенды. На самом деле, он был далек от того, чтобы прятаться в оковах традиции, он свободно перемещался среди материалов, имевшихся в его распоряжении, принимая то и отвергая то, повинаясь диктату разумной и довольно просвещенной критики. Таким образом, он отвергает софокловскую версию смерти Эдипа, потому что она противоречит гомеровской. Он не допустит, чтобы

бронзовое изображение Афины в Амфиссе могло быть частью троянской добычи и чтобы бронзовое изображение Посейдона в Фенее могло быть посвящено Улиссу, потому что во времена Троянской войны и при жизни Улисса искусство литья из бронзы еще не было изобретено. Он отказывается верить в то, что могила Деяниры находилась в Аргосе, потому что было известно, что она умерла в Трахиде, а ее могила находилась недалеко от Гераклеи. Среди нескольких мест в Греции, претендующих на звание Эхалии Гомера, наш автор выбирает Карназиум в Мессении, потому что там были найдены кости Эврита. Традиция о том, что мистерии в Целе были основаны человеком из Элевсина по имени Дизавл, который был изгнан после битвы между элевсинцами и афинянами, отвергается Павсанием на том основании, что такой битвы не было и что Гомер не упоминает такого человека. Легенда о том, что Дедал присоединился к Аристею в колонизации Сардинии, отвергается им по той причине, что Дедал жил несколькими поколениями позже Аристея и, следовательно, не мог делиться с ним колонией или чем-либо еще. Точно так же он хронологически опровергает традиции о том, что Ахилл был поклонником Елены; что Тималк отправился в Афидну с диоскурами; и что Теламон и Халкодон, которые выступили с Гераклом против Элиды, были хорошо известными Теламоном с Эгины и Халкодоном с Эвбеи. Спартанская традиция в отношении образа брауронской Артемиды предпочтительнее Павсанием афинской, и это по целому ряду причин, которые он подробно излагает.

Таким образом, Павсаний критиковал греческие мифы и легенды в соответствии со своими взглядами, и если его взгляды сияли не очень ярко, то это была не его вина.

Его вкус в искусстве.

О его вкусе в живописи и скульптуре мы едва ли можем судить, отчасти потому, что он скуп на похвалы, обычно ограничиваясь простым упоминанием или описанием работы, находящейся перед ним, отчасти потому, что до нашего времени сохранилось так мало описанных им работ.

Его вкус в живописи. | Все картины исчезли. Немного синего пигмента на разрушенной стене в Дельфах - это все, что осталось от тех фресок Полигнота, которые вызывали восхищение античности. То, что сам Павсаний восхищался ими, ясно как из длинного его описания, так и из слов, которыми он заканчивает его: "Так разнообразна и прекрасна картина тазийского художника". В других местах он, по-видимому, не упускал возможности описать дошедшие до нас изображения Полигнота, хотя и не всегда упоминает его имя. Картина Павсия, изображающая пьянство, по-видимому, особенно поразила Павсания, поскольку он сообщает нам, что "на картине вы можете видеть хрустальный кубок и сквозь него женское лицо". Но единственные картины, кроме картин Полигнота в Дельфах, которым он соизволил дать сухую похвалу, - это пара рисунков на надгробиях, одна из них работы Никия, о котором Павсаний в другом месте сообщает нам, что он был величайшим художником животных своего времени.

Его вкус к скульптуре.

В скульптуре вкус Павсания был, по-видимому, суровым. Он решительно предпочитал более раннее искусство более позднему. Об архаичных произведениях, приписываемых Дедалу, он говорит, что они "несколько грубоваты на вид, но, несмотря на все это, в них есть нотка божественного". Он хвалит Бупала, художника шестого века до нашей эры, как "умного архитектора и скульптора". Но в целом именно скульпторам пятого века до нашей эры он в

основном приберегал свои скудные похвалы, и среди них он, по-видимому, предпочитал мастеров более древней манеры, которые непосредственно предшествовали Фидию.

|Предшественники

Фидия. | Так, в отношении Пифагора Регийского, который процветал около 480 г. до н.э., он говорит, что он был “хорошим скульптором, если таковой когда-либо существовал”, а говоря о боксере Евтимае, он замечает, что “его статуя работы Пифагора, и ее стоит увидеть”. Об Онатасе, который работал около 467 г. до н.э., он выражает высокое мнение: “Я склонен считать Онатаса, хотя он принадлежит к эгинской школе скульптуры, не уступающим никому из преемников Дедала”. и школа на Чердаке. Эта критика указывает на то, что Павсаний в целом предпочитал аттическую школу скульптуры эгинетской, хотя одного из мастеров последней школы он считал равным величайшим аттическим скульпторам. В Пергаме находилось бронзовое изображение Аполлона работы того же Онатаса, которое Павсаний описывает как “одно из величайших чудес как по размеру, так и по мастерству исполнения”. Доказательством независимости суждений Павсания в искусстве является то, что этот ранний скульптор, которого он ставил в один ряд с | Фидием | Фидием и Праксителем, даже не упоминается ни одним другим древним писателем, за исключением единственной эпиграммы из Антологии. Другим старым мастером пятого века, статуи которого Павсаний часто замечает, является Каламис; одной из них он воздает должное. Статуей этого художника очень восхищался Лукиан. Великий скульптор Мирон, современник Фидия, похоже, также пользовался благосклонностью Павсания, поскольку он упоминает, что изображение Диониса на горе Геликон было лучшей из всех работ художника после статуи Эрехтея в Афинах. То, что Павсаний ценил величие Фидия, ясно из того, как он говорит о нем и с какими подробностями описывает две самые известные работы скульптора - изображение Девы Афины в Афинах и изображение Зевса в Олимпии. По поводу последнего он замечает, что простые измерения изображения не могут дать представления о впечатлении, которое само изображение производит на зрителя. Тем не менее, он не считал это шедевром скульптора, поскольку относительно изображения лемнийской Афины в Афинах он замечает, что это “лучшее, что стоит увидеть из всех работ Фидия”. Предпочтение, отдаваемое, таким образом, этой сравнительно малоизвестной статуе изображению Зевса, которое древний мир единодушно превозносил как немногим менее божественного, является еще одним доказательством независимости суждений Павсания в художественных вопросах; и о том, что его вкус здесь был хорошим, свидетельствует очень высокое место, которое его современник Лукиан, один из лучших критиков античности, отводит той же статуе. Об Алкамене наш автор отмечает, что как скульптор он уступал только своему современнику Фидию, а по поводу статуи Афродиты в Садах этого художника он говорит, что “мало что в Афинах так достойно внимания, как это”. Здесь, опять же, суждение нашего автора подтверждается суждением Лукиана, который описывает это изображение как самую прекрасную работу Алкаменеса и черпает из него немало черт для своей воображаемой статуи идеальной красоты, которая должна была сочетать в себе все самые совершенные черты самых знаменитых статуй. Другим скульптором, стиль которого, по-видимому, понравился Павсанию, был Навкид, брат знаменитого Поликлита, работавший в конце пятого или в начале четвертого века до н.э. Бронзовое изображение Афины работы Гипатодора в Алифере, по словам Павсания, достойно внимания как из-за его размера, так и из-за мастерства изготовления; но дата создания этого скульптора несколько неопределенна. Стронгилион, которого Павсаний описывает как непревзойденного в изображении быков и лошадей, похоже, расцвел к концу пятого века до н.э. Среди скульпторов следующего столетия Павсаний хвалит Кефизодота | Скульпторов

of the

четвертого

века до н.э. | за концепцию его статуи, изображающей младенца Богатство в объятиях Мира, и скульпторов Ксенофонта и Каллистрата за аналогичную аллегорическую работу, представляющую Богатство в объятиях Фортуны. Далее, он высоко оценивает некоторые скульптуры Дамофона в Мессене, ^[3] и у него есть несколько слов одобрения для нескольких работ Праксителя, но нет ни одного для какой-либо работы двух других великих мастеров четвертого века, Скопаса ^[4] и Лисиппа, хотя он упоминает многие их статуи. Критик с таким строгим вкусом, что он мог пройти мимо произведений Скопаса и Гермеса Праксителя, не произнес ни слова восхищения, вряд ли получил бы большое удовольствие от произведений эпохи декаданса. Павсаний мало кого замечает и никого не хвалит из преемников Праксителя. О колоссальном изображении Зевса-олимпийца в Афинах, которое, должно быть, было выполнено при его жизни, он снисходительно говорит, что оно было хорошим для своих размеров.

3. Дата создания Дамофона неизвестна, но в целом свидетельства, по-видимому, указывают на то, что он работал в первой половине четвертого века до н.э. Оценка Павсанием Дамофона является еще одним доказательством независимости его суждений в вопросах искусства, поскольку Дамофонт не упоминается ни одним другим писателем древности.

4. Однако он восхищался Скопасом если не как скульптором, то как архитектором (viii. 45. 5). То же самое можно сказать и о Поликлите (ii. 27. 5), хотя здание, которым восхищался Павсаний, оказалось работы более молодого и менее выдающегося художника с таким именем.

Следует отметить как показательный факт интереса Павсания к более древней скульптуре, что единственными художниками, со стилями которых он знаком настолько, что узнает их с первого взгляда, являются Каламис, Канах, Эндой и Лафаэс, из которых Каламис и Канах процветали в начале пятого века до нашей эры, а Эндой - в последней половине шестого века до нашей эры. Дата создания Лафаэса неизвестна, но поскольку оба изображения этого художника были сделаны из дерева, Павсаний прямо заявляет, что они принадлежат ему. древний, мы вряд ли можем предположить, что скульптор достиг расцвета позже шестого века до нашей эры

Его вкус
в архитектуре.

Об архитектурных вкусах Павсания мы можем судить гораздо лучше, поскольку многие из описанных им зданий существуют, и по счастливому совпадению среди них есть те, которыми он выразил свое восхищение в необычайно сильных выражениях. |Стены Тиринфа.| Начнем с реликвий доисторической эпохи, стен Тиринфа и гробницы-улья Орхомена, которую он называет Сокровищницей Миньяса, что вызвало у него такое удивление, что он сравнивает их с египетскими пирамидами и возмущается порочностью греков, которые восхищались и описывали только чудеса, которые они видели за границей, в то время как они полностью пренебрегали чудесами не менее великими, которые были у них дома. Стены Тиринфа он с изумлением описывает как “сделанные из необработанных камней, каждый из которых настолько велик, что пара мулов не смогла бы сдвинуть с места даже самый маленький

из них”. Ни один современный читатель, у которого есть|Beehive
tomb at

в Орхомене. увидев стены Тиринфа в том виде, в каком они стоят до сих пор, построенные из огромных камней и напоминающие работу великанов, а не людей, вы, вероятно, сочтете восхищение ими Павсания неуместным, что бы ни думали о сравнении их с пирамидами. Среди доисторических останков Греции им, безусловно, нет равных. Стены Микен и великой доисторической крепости Гла или Гулас в Беотии, действительно, превосходят их по протяженности, но значительно уступают им по размеру блоков, из которых они сложены. Что касается гробницы-улья в Орхомене, о которой Павсаний говорит, что большего чуда не было ни в Греции, ни где-либо еще, то сейчас она, к сожалению, разрушена, но мы можем судить о ее первоначальном эффекте по большой гробнице-улью в Микенах, известной как Сокровищница Атрея, которая очень точно соответствует гробнице в Орхомене по размерам и существует почти нетронутой. Стоять в огромном круглом зале и смотреть на куполообразную крышу с ее кольцами из правильно обтесанных камней, уменьшающихся одно над другим, пока они не теряются в темноте над головой, - это впечатляющее зрелище. Те, кому это понравилось, будут склонны думать, что Павсаний был прав, считая подобное сооружение в Орхомене очень замечательным сооружением.

The
Пропилеи.

Говоря о зданиях исторической эпохи, Павсаний восхищался Пропилеями, или большим театром в

Эпидавре.| портал Афинского Акрополя, которому, по его словам, ”еще никто не соответствовал по красоте и размерам блоков“. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что даже в руинах этот великолепный портал по-прежнему является высшим триумфом ремесла каменщика. На изысканную подгонку массивных, чисто обтесанных блоков белого мрамора приятно смотреть. И снова вид театра в святилище Эскулапа в Эпидавре вызывает у трезвомыслящего Павсания необычайный, почти беспрецедентный взрыв восхищения. “В Эпидаврском святилище, - говорит он, - есть театр, который, на мой взгляд, особенно стоит посмотреть. Верно, что по размерам театр в Мегалополисе в Аркадии превосходит его, а по великолепию римские театры намного превосходят все театры мира; но по симметрии и красоте какой архитектор мог бы соперничать с Поликлитом? Ибо именно Поликлит создал этот театр”. И здесь современный вкус подтверждает суждение Павсания. Ни театр Дионисия в Афинах, ни большой театр в Мегалополисе, ни хорошо сохранившийся театр в Дельфах, ни какой-либо другой существующий греческий театр, по крайней мере, насколько мне известно, ни на мгновение не могут соперничать по красоте и симметрии с изысканным театром в Эпидавре.

Храмы в
Бассах и
Тегее.

Опять же, в отношении храма Аполлона в Бассах наш автор говорит, что “из всех храмов Пелопоннеса, после храма в Тегее, этот может быть поставлен на первое место из-за красоты камня и симметрии его пропорций”, а что касается храма Афины Алеи в Тегее, на который он здесь ссылается, то в другом месте он говорит: “Нынешний храм намного превосходит все другие храмы Пелопоннеса как по размерам, так и по стилю”. Что касается размеров храма в

Тегее, Павсаний неправ. Храм Зевса в Олимпии был почти вдвое больше. Но в отношении стиля современный вкус просто перекликается с мнением Павсания. Скучные остатки храма в Тегее сейчас в основном погребены под землей, но восхитительный дизайн и мастерство исполнения архитектурных фрагментов, а также красота разбитых скульптур оправдывают похвалу, которую Павсаний воздает ему как прекрасному храму на Пелопоннесе с точки зрения художественного стиля. Ни один человек со вкусом не поставит патетическую силу и красоту двух разбитых голов из этого храма выше всей грубой мощи фигаийского фриза и неблагодарной, почти отталкивающей твердости групп с фронтонов олимпийского храма. И то, что по архитектурному стилю храм в Бассах был следующим за храмом в Тегее, - это мнение, которое вряд ли будет оспорено кем-либо, кто видел прекрасный храм в Бассах с его длинными рядами серых колонн, одиноко стоящих среди бесплодных гор. То, что Павсаний был прав, предпочтя его храму Зевса в Олимпии как из-за красоты камня, так и из-за симметрии его пропорций, вряд ли подлежит сомнению. Храм Зевса, должно быть, был внушительным по своим размерам, но его пропорции, насколько мы можем судить по руинам, не кажутся наблюдателю особенно гармоничными; а что касается материалов, то грубый конгломерат Олимпии не может сравниться по красоте с прекрасным твердым известняком Бассов.

Стены Мессены.

Далее Павсаний описывает стены Мессены с их башнями и зубцами и заявляет, что они прочнее самых прекрасных укреплений, которые он видел в других местах. Остатки этих превосходных укреплений подтверждают его правоту. По масштабу, с которым они спланированы, а также по прочности и совершенству каменной кладки им нет равных в Греции. В других местах, таких как Асея в Аркадии, Эгостена в Мегариде, Лилея и Дримея в Фокиде, контуры стен с примыкающими к ним башнями сохранились в лучшей сохранности, но ни одна из них не может соперничать по стилю и великолепию с укреплениями Мессены. И здесь мы снова должны без колебаний заявить, что, насколько нам известно, Павсаний был прав.

Музик-холлы в Афинах и Патрах.

Говоря о зданиях более поздней эпохи, Павсаний сообщает нам, что Музыкальный зал в Патрах был самым грандиозным в Греции, за исключением того, что был построен Иродом Аттиком в Афинах, который превосходил его как по размерам, так и по стилю. Здесь нам посчастливилось самим сравнить два здания, которые Павсаний называет лучшими в своем роде в Греции, поскольку оба они сохранились до наших дней в сравнительно хорошем состоянии. То, что Музыкальный зал Ирода Аттика превосходит по размерам концертный зал в Патрах, как утверждает Павсаний, очевидно с первого взгляда. Первый на самом деле является просторным театром, второй - крошечным. Но оба, как явствует из остатков, изначально были облицованы мрамором и, вероятно, имели великолепный внешний вид. Белые мраморные львиные лапы, украшающие сиденья в музыкальном зале в Патрах, вместе с черно-белым мозаичным

покрытием в прилегающем зале позволяют нам составить некоторое представление об эlegantности тех помещений, которые вызывали восхищение Павсания.

Стадион в Афинах.

Наконец, наш автор отмечает, что стадион в Афинах, построенный из белого мрамора Иродом Аттиком, был “чудесен на вид, хотя и не настолько впечатляющ, чтобы о нем можно было услышать”, и что большая часть пентеликских каменоломен была исчерпана при его строительстве. Последнее утверждение, конечно, является преувеличением. Гора Пентеликус сложена из белого мрамора, и значительная ее часть сохранилась до наших дней, хотя большие белые пятна на ее склонах, видимые даже с побережья Эпидавра, ясно говорят о том, где работали каменоломщики. Но мы легко можем поверить Павсанию в то, что стадион представлял собой чудесное зрелище, когда ряды белых мраморных скамей, блестящих в ярких солнечных лучах, круто возвышались друг над другом по обе стороны долины. Для долины это по-прежнему долина, облицованная белым мрамором, какой она, должно быть, была во времена Павсания. Те, кто видел стадион с тех пор, как он был частично переоборудован беломраморными скамейками для игр 1896 года, могут лучше представить себе, каким должен был быть его вид, когда скамейки были достроены. До времен Ирода Аттика зрители могли сидеть либо на земляных склонах, как в Олимпии, либо на скамьях из обычного камня, как в Эпидавре и Дельфах.

Таким образом, в целом, насколько мы можем судить по существующим памятникам и свидетельствам древних писателей, особенно Лукиана, художественный вкус Павсания был здоровым и хорошим, хотя и несколько суровым.

Неотъемлемое свидетельство Pausanias's Павсания.,,

Манера, в которой он описал памятники, проста и уместна, полностью свободна от тех расплывчатых риторических оборотов, литературных изысков и наигранной привлекательности, с которыми, например, Филострат дополняет свои описания картин и которые, следовательно, до сих пор оставляют предметом спора вопрос о том, существовали ли описываемые им картины где-либо, кроме как в его собственном воображении. Вряд ли кто-нибудь когда-либо всерьез задумывался о том, существовали ли когда-либо храмы и театры, статуи и картины, описанные Павсанием, или нет. Его описания несут на себе отпечаток реальности для каждого разума, способного отличать истинное от ложного; и даже если бы они этого не делали, их правдивость все равно была бы подтверждена их соответствием остаткам самих памятников. Доказательств этому можно привести великое множество. Однако здесь нас интересуют те внутренние свидетельства честности и прямоты автора, которые содержатся в самих произведениях. Доказательства такого рода, на самом деле, никогда не могут быть приравнены к демонстрации. Искренность и честность - это качества, которые нельзя подвергнуть испытанию органов чувств; их нельзя взвесить на весах или увидеть под микроскопом. Человек, который сам не является ни откровенным, ни честным, вероятно, никогда искренне не поверит в существование этих качеств у других, и нет никаких средств убедить его. Он всегда может найти злобный мотив для самого простого поступка, скрытый смысл за самыми простыми словами. В

случае с Павсанием внутренних доказательств добросовестности кажется вполне достаточно, чтобы убедить беспристрастного исследователя. Оно заключается во всем составе и направленности его произведений; в естественности и достоверности всего, что он утверждает своих собственных знаниях, за исключением двух или трех случаев, в которых он, по-видимому, был одурачен корыстным или священническим обманом; оно заключается в простоте и прямоте описаний; в их отсутствии какого-либо налета риторики или софистики; в скромности, с которой автор обычно держится на заднем плане; и, наконец, в случайных признаниях в невежестве, которые только злонамеренный человек мог истолковать как уловки, к которым прибегают с целью поддержать ложную точку зрения. напустил на себя вид бесхитростной простоты. Эту последнюю особенность работыжелательно проиллюстрировать примерами. Остальные, пронизывающие всю книгу, едва ли допускают приведение примеров.

Его признания

в
невежестве.

Итак, Павсаний неоднократно признает, что он не присутствовал на определенных празднествах и, следовательно, не видел определенных изображений, которые выставлялись только по этим случаям. Таким образом, что касается очень любопытного изображения Эвриномы, которое особенно заинтересовало бы его как антиквара, он сообщает нам, что святилище, в котором оно находилось, было открыто только в один день в году, и что, поскольку ему не довелось прибыть в этот день, он не видел этого изображения и поэтому мог описать его только понаслышке. Точно так же он говорит, что не может описать изображение Артемиды в Гиамполисе, потому что было принято открывать святилище только два раза в год. Он рассказывает из вторых рук опразднике Диониса в Элиде, на котором, как говорили, были найдены пустые котлы, чудесным образом наполненные вином; но он сообщает нам, что его самого не было в Элиде во время праздника, и из выражений, которые он использует в отношении чуда, мы можем заключить, что у него были сомнения по этому поводу. Никто, по-видимому, не станет оспаривать эти утверждения Павсания и утверждать, что он прибыл вовремя к этим празднествам и увидел эти изображения, хотя он уверяет нас, что это не так. Поэтому, справедливости ради, мы обязаны поверить ему, когда он говорит нам относительно святилища Матери Диндимены в Фивах, что “по обычаю святилище открывается на один день в году, не чаще. Мне посчастливилось приехать в тот самый день, и я увидел это изображение”. В качестве других примеров его искренности можно привести его признание в том, что он не был свидетелем церемоний, совершавшихся в гробницах Этеокла и Полиника в Фивах, и не видел секретного объекта, почитаемого при поклонении Деметре в Гермионе; что он мог описать святилище Посейдона в Мантинее только понаслышке; что он не видел стен Вавилона и Сузов и не беседовал ни с кем, кто видел; что он никогда в жизни не видел Антиноя, хотя видел его статуи и картины; и что он не слышал, как форель пела в храме Деметры в Гермионе. поют, как дрозды в реке Ароаниус, хотя он задержался у реки до заката, когда, как говорили, они поют громче всего. Это признания честного человека, возможно, склонного к легковерию, но все же не желающего обманывать других, заявляя, что видел зрелища, чудесные или иные, которых он не видел. Опять же, когда он цитирует книгу из вторых рук, он осторожно сообщает нам об этом. Так, процитировав несколько строк из “Аттиса” Гегесина, он продолжает: “Эту поэму Гегесина я не читал: она была утрачена до меня; но эти стихи процитированы в качестве доказательства Каллипом Коринфским в его “Истории Орхомена”, и я воспользовался его информацией, чтобы сделать то же самое”. И снова, процитировав пару стихотворений орхоменского поэта Черсия,

он добавляет. “Поэзия Черсия ныне утрачена, но эти стихи также цитирует Каллипп в том же своем труде об Орхомене”. Эти утверждения, как и предыдущие, вряд ли будут оспорены даже самыми скептически настроенными. Вряд ли кто-то будет настаивать на том, что Павсаний читал книги, о которых он говорит, что не читал. Поэтому справедливости ради мы обязаны поверить ему, когда он говорит, что действительно читал некоторые другие произведения, такие как мемуары некоторых малоизвестных историков, трактат по риторике, якобы написанный Питтеем, эпосы "Эоэя" и "Наупактия", поэму, приписываемую Лину, "стихи Эрато", поэму о прорицаниях, которая прошла под именем Гесиода, и "оракулы Евкла, Мусея и Бациса". Если мы примем слова Павсания за то, что он говорит нам, что не видел и не читал, мы должны принять их также за то, что он говорит нам, что действительно видел и читал. По крайней мере, если мы примем за истину все те утверждения автора, которые говорят против него самого, и отвергнем как ложные все те, которые говорят в его пользу, придет конец даже притворству справедливой и рациональной критики.

Литературный
стиль
Павсания.

Литературный стиль Павсания не является исключением из правила, согласно которому стиль писателя отражает характер человека. Павсаний не был ни великим человеком, ни великим писателем. Он был честным, трудолюбивым, усидчивым человеком с незамысловатым умом, лишенным ни гениальности, ни воображения, и его стиль является верным зеркалом его характера. Она проста и без прикрас, но в то же время тяжела и выверена, как будто автору пришлось долго искать нужные слова, а затем мучительно складывать их вместе, как кусочки китайской головоломки. В этом чувствуется напряжение и усилие. Предложения лишены ритма и гармонии. Они не маршируют, а ковыляют, шаркают ногами. В конце одного из них читателя нелегко сбить с толку изящной интонацией, замирающим падением; он внезапно спотыкается и остается лежать, пока не сможет взять себя в руки, перевести дух и справиться со следующим. Это рыхлый, неуклюжий, с плохими суставами, плохо уплотненный, шаткий, ветхий стиль, лишенный легкости, изящества или элегантности любого рода. И все же Павсаний изучал хорошие модели. Он знал Фукидида, и его труды изобилуют отголосками Геродота. Но стиль, в котором было бы меньше невозмутимого течения, прозрачной ясности, изысканного изящества, сладостной простоты геродотовской прозы, возможно, было бы трудно найти. Звук одного подобен перезвону серебряного колокольчика, а другого - скрипу кукурузного коростеля. Однако, при всех своих недостатках, стиль Павсания не является небрежным и неряшливым. Автор оседлал своего высокого коня; он подпрыгивает на нем с большой торжественностью; не его вина, что его Пегас - деревянная лошадка для хобби, а не крылатый конь.

Возможно, он
смоделировал
свой стиль по
образцу
Гегесиаса.

Это сочетание, казалось бы, противоположных недостатков, эта незамысловатость без простоты, эта проработанность без богатства, возможно, лучше всего объясняется гипотезой

Бокха, что он смоделировал свой стиль по образцу своего соотечественника Гегесия из Магнезии, лидера азиатской школы риторики, который, подражая безукоризненной простоте манеры Лисия, впал в резкий и отрывистый, но в то же время наигранный и жеманный стиль, старательно сокращая и переверачивая свои предложения, так что они никогда не проходили гладко, никогда случайно не переходили в закругленный период с легким акцентом. ритм. Дионисий Галикарнасский раздраженно заявляет, что во всех объемистых трудах Гегезияне было ни одной хорошо написанной страницы и что этот человек, должно быть, ошибся не по глупости, а из-за определенной цели и злого умысла, иначе он не смог бы удержаться от того, чтобы время от времени случайно не написать хорошее предложение. Холодное тщеславие и ребяческая игра слов были ошибочно приняты этим извращенным писателем за литературные красоты, и в попытке украсить свои страницы этими фальшивыми драгоценностями он пожертвовал и пафосом, и правдой. В этом отношении Павсаний, к счастью, не последовал дурному примеру своего предшественника. Его труды полностью свободны от мелочного тщеславия и словесных придилок. Мысль всегда мужественна и прямолинейна, какой бы извилистой ни была фраза, в которой он пытается ее выразить. Если он и подражал Гегесию, то, по-видимому, только в расположении слов и предложений.

Что бы ни думали об этой теории, внимание, которое Павсаний, очевидно, уделял литературному стилю, само по себе вполне похвально. Такое внимание - простой долг каждого автора перед своими читателями. Павсания нельзя винить за то, что он старался писать хорошо; жаль, что, несмотря на все свои усилия, он не написал лучше. Он стремился не быть излишне утомительным, не навязывать читателю простые списки памятников, нанизанных на топографическую нить. Он стремился варьировать фразеологию, избегать вечного повторения одних и тех же слов в одном и том же порядке. И все же он обходил одну отнюдь только для того, чтобы сесть на другую. Если в какой-то степени он избегал монотонности и добивался разнообразия выражений, то слишком часто это происходило ценой простоты и ясности. Естественный порядок слов был принесен в жертву, и вместо него был заменен корявый, искаженный просто для того, чтобы разнообразить ход предложений. По той же причине от прямого утверждения часто отказывались в пользу косвенного, в результате чего читатель, случайно незнакомый с манерой автора, иногда теряется в догадках относительно его смысла. Например, был задан вопрос, имеет ли он в виду, что в афинском театре стояла статуя Эсхила, а в Акрополе - статуя Энобия. Тем не менее, любой человек, знакомый с его стилем, должен быть уверен, что в обоих этих случаях Павсаний намеревался намекнуть на существование статуи, и что если он не подтверждает это так многословно, то это вызвано не чем иным, как желанием повернуть предложение по-другому. Подобные примеры легко можно было бы умножить. Двусмысленность, которая так часто возникает из-за этого непрямого способа высказывания, является одним из многих пятен на стиле Павсания. Как бы то ни было, его стиль лучше всего проявляется в некоторых более длинных исторических отрывках, особенно в вдохновенных повествованиях о Мессенских войнах и галльском вторжении. Здесь он иногда поднимается до изрядного уровня литературных достоинств, как, например, в описании злых предзнаменований, которые предшествовали смерти царя-патриота Аристодема и ускорили ее, и снова в рассказе о нечестивом нападении галлов на Дельфы и их сокрушительном отражении. Через последнее повествование, подобно торжественной музыке, проходит оттенок религиозной веры и рвения, которые значительно усиливают эффект.

Павсаний
использовал

предыдущих
авторов.

В этих и подобных исторических эпизодах мы должны учитывать влияние на стиль Павсания литературных авторитетов, которым он следовал. Более теплый оттенок описаний, более легкий ход фраз, возможно, не полностью объясняются пылкостью набожности писателя, накалом его патриотических чувств. Что-то от движения, свечения, торжественного напряжения, воинственного огня, возможно, было заимствовано им у лучших моделей. Это подводит нас к вопросу, какие книги использовал Павсаний при написании своих собственных? и как он их использовал? К сожалению, мы не в состоянии и, вероятно, никогда не сможем ответить на эти вопросы полностью. Подобно большинству древних писателей, Павсаний скуп на ссылки на авторитетные источники, и ясно, что он, должно быть, обращался к книгам, о которых сам не упоминает. И когда к этому мы добавим, что произведения большинства писателей, которых он цитирует, погибли или сохранились лишь в нескольких разрозненных фрагментах, становится ясно, что от любой надежды получить полное представление о его литературных источниках и способах их использования следует отказаться. В последние годы было предпринято много попыток идентифицировать утерянные книги, к которым обращался Павсаний; но из характера дела ясно, что такие попытки должны быть бесплодными. Один из них будет замечен в ближайшее время. Тем временем все, что я предлагаю сделать, - это указать на некоторые из основных литературных и документальных источников, которые Павсаний прямо цитирует, и проиллюстрировать примерами его метод обращения с ними.

Различие
между
исторической
и
описательной
частями
работы
Павсания.

Прежде чем сделать это, желательно четко указать на различие, которое, хотя и очевидно само по себе, по-видимому, было упущено из виду или затушевано некоторыми критиками Павсания. Тематика его работ бывает двух видов, исторической и описательной: одна имеет дело с событиями прошлого, другая - с вещами, существующими в настоящем. Что касается его знаний о событиях прошлого, за исключением тех случаев, когда они касались его собственной жизни и наблюдений, Павсаний неизбежно полагался либо на письменные документы, либо на устные свидетельства, короче говоря, на свидетельства других; никакой другой источник информации не был ему открыт. С другой стороны, что касается его знаний о вещах, существующих в настоящем, то ему не нужно было полагаться на свидетельства других, он мог видеть их сам. Из этого, конечно, не следует, что то, что он мог видеть, он действительно видел. Его описания мест и вещей, как и его повествования о событиях, произошедших до него, возможно, были взяты из книг или из уст других людей; только нет абсолютной необходимости, чтобы они были получены таким образом, как в случае с историческими повествованиями. Это различие настолько элементарно и очевидно, что привлекать к нему внимание может показаться излишним. Тем не менее, у некоторых критиков, по-видимому, сложилось впечатление, что, если они смогут доказать, что исторические части сочинения Павсания были

взяты из книг, они выдвинут предположение, что описательные или топографические части также были взяты таким образом. На самом деле они не облачают в слова столь грубое непонимание, но, похоже, оно оказывает на них влияние. Чтобы избавиться от этой ментальной паутины, необходимо только ясно осознать, что, хотя Павсаний, безусловно, не мог быть свидетелем событий, произошедших до его рождения, следовательно, он не обязательно был лишен возможности видеть вещи, существовавшие при его собственной жизни. При исследовании источников его информации желательно, чтобы историческая и описательная части его работы были совершенно отделены друг от друга и чтобы исследовать каждую из них отдельно.

Поэты
использованные
Павсанием.

Начнем с исторического, в самом широком смысле этого слова, мы обнаруживаем, что Павсаний черпал свои рассказы о мифических и героических эпохах в значительной степени из поэтов. Гомер является его главным поэтическим авторитетом, но он также использует более поздние эпосы, такие как "Киприя", "Эоеи", "Малая Илиада", "Миниада", "Наупактия", "Эдиподия", "Возвращение" (Nostoi), "Разграбление Илиона Лешем", "Фиваида" и "Феспотида". Из них "Фиваиду" он почитал следующей после "Илиады" и "Одиссеи". В вопросах генеалогии он часто цитирует ранних поэтов Асия и Синэтона. Среди работ, приписываемых Гесиоду, он часто ссылается на "Теогонию" и "Каталог женщин", а однажды цитирует "Аргонавтику" Аполлония Родия. О том, что он знал александрийского поэта Эвфориона из Халкиды, свидетельствуют две ссылки на его сочинения. Самыми древними греческими гимнами, по его мнению, были гимны Олена; он цитирует несколько из них. Опять же, Павсаний часто ссылается на свидетельство Памфоса, автора древнейших афинских гимнов. Среди поэтов-лириков, чьи произведения он знал, таких как Алкей, Алкман, Архилох, Пиндар, Сафо и Стесихор, он, по-видимому, ставил Пиндара на первое место; по крайней мере, он ссылается на его стихи гораздо чаще, чем на стихи других. Среди элегических поэтов он цитирует Тиртея и Симонида. С великими трагическими и комическими поэтами он знаком мало; Эсхил - единственный, к авторитету которого он постоянно апеллирует. Он один раз ссылается на свидетельство Софокла, но только для того, чтобы отвергнуть его; один раз - на свидетельство Аристофана; никогда - на свидетельство Еврипида. С другой стороны, он, по-видимому, уделял много внимания критическому изучению поэтов старшего поколения. Он исследовал даты Гомера и Гесиода и вопрос о родной стране Гомера. Он также не пренебрегал проверкой подлинности многих стихотворений, проходивших под известными именами. Он восхищенно рассказывает, как его современник, Аррифон из Трикония, обнаружил фальшивость некоторых стихов, приписываемых старому аргивскому поэту Филаммону, указав, что стихи были написаны на дорическом диалекте, который еще не был введен в Арголиду во времена Филаммона. Среди произведений, приписываемых Мусею, он считал, что нет ничего подлинного, кроме гимна Деметре, сочиненного для Ликомидов; некоторые стихи, которые прошли под именем Мусея, он назвал подделками Ономакрита. Гимны Орфея он ставил рядом с гимнами Гомера по поэтической красоте, но он видел, что некоторые стихи, приписываемые Орфею, были фальшивыми. У него были серьезные сомнения относительно того, что "Теогония" является подлинным произведением Гесиода; и он сообщает нам, что прочтения поэмы, созданной Линусом, было достаточно, чтобы убедить его в ее фальсификации. Из произведений, которые распространялись под именем раннего коринфского поэта Эвмела, только одно, по его словам,

считалось подлинным. Он не мог поверить, что Анаксимен написал некий эпос об Александре Македонском. Что касается эпоса “Фиваида”, которым он восхищался, он передает мнение Каллина о том, что автором был Гомер, добавляя, что "многие уважаемые люди разделяли его мнение".

Историки
использованные
Павсанием.

Историк, которого Павсаний, по-видимому, изучал наиболее тщательно и которого он цитирует наиболее часто, - это Геродот. Хотя он только один раз ссылается на историю Фукидида и один раз на историю Ксенофонта, вполне вероятно, что он использовал обоих авторов в нескольких отрывках, где не упоминает их имен. Другими историками, на которых он ссылается, являются Анаксимен, Антиох Сиракузский, Харон Лампсакский, Ктесий, Гекатей, Гелланик, Иероним Кардийский, Мирон Приенский, Филист, Полибий и Феопомпос. Помимо этого, он цитирует несколько местных историй, таких как "Истории Аттики" Андротиона и Клитодема, "историю Коринфа", приписываемую Эмелу, "историю Орхомена" Каллиппа и то, что, по-видимому, было стихотворной историей Аргоса Ликейя. Кроме того, он читал мемуары некоторых малоизвестных историков, имена которых он не упоминает. Используя имевшиеся в его распоряжении исторические материалы, Павсаний, по-видимому, делал все возможное, чтобы следовать тем же критическим принципам, которые он применял к мифическим и легендарным преданиям Греции. Когда эти свидетельства противоречили друг другу, он сопоставлял их одно с другим и принимал то, что в целом казалось ему более вероятным или лучше подтвержденным. Таким образом, прежде чем перейти к изложению истории мессенских войн, он упоминает два своих главных авторитета, а именно прозаическую историю первой войны Мирона Приенского и стихотворную историю второй войны Риана Бенейского; затем он указывает на вопиющее расхождение между ними в отношении даты Аристомена — Вильгельма Телля или сэра Уильяма Уоллеса Мессенского — и приводит свои доводы в пользу принятия свидетельства Риана и отвержения свидетельства Мирона, чьи труды, по его словам, выявили безразличие к истине и вероятности того, что Аристомен умер. чему он приводит поразительный пример. Опять же, Павсаний смог учесть предвзятость историка. Таким образом, он указывает, что история Иеронима Кардийского была окрашена пристрастием к Антигону и неприязнью к Лисимаху, из-за которого последний разрушил родной город историка; что историк Филист скрыл худшие выходки Дионисия, тирана Сиракуз, потому что надеялся, что тиран разрешит ему вернуться в этот город; и что Андротион, историк Аттики, по-видимому, представил определенное повествование с единственной целью бросить упрек лакедемонянам.

Элеанский
реестр.

Историческим документом, которым Павсаний много пользовался, был элеанский реестр олимпийских победителей. Он часто ссылается на него. Нам не нужно предполагать, что он сверялся с оригиналами документов в архивах Элиды. "Реестр" был опубликован много веков назад Гиппием из Элиды, и копии, возможно, были в обычном обращении. Где бы Павсаний ни видел его, он, по-видимому, тщательно изучал его, и иногда он использует полученную таким образом информацию с пользой для себя. Таким образом, он указывает, что утверждение элеанских путеводителей расходилось с записью в реестре, и что бегун Эботас никак не мог

сражаться в битве при Платеях в 479 году до н.э., поскольку его олимпийская победа была одержана в 6 году н.э. (756 год до н.э.).

Надписи.

Другим заслуживающим доверия источником, из которого Павсаний почерпнул многие свои исторические факты, были надписи. О том, как широко он ими пользовался, можно судить из небольшого ознакомления с его работой, особенно с его описанием Олимпии, и о том, что в целом он прочитал их правильно, свидетельствуют сохранившиеся надписи, из которых он предоставил нам либо текст, либо общий смысл. И все же он не принял их показания с завязанными глазами. В некоторых его ссылках на них мы можем заметить ту же разборчивость, то же желание просеять и взвесить доказательства, которые мы нашли для характеристики его процедуры в других исследованиях. Так, в старом гимнастическом зале в Антикире он увидел бронзовую статую местного атлета Ксенодама с надписью, гласящей, что этот человек выиграл приз в панкратиуме в Олимпии. Соответственно, Павсаний обратился к олимпийскому реестру и, не найдя в нем упоминания о таком победителе, пришел к выводу, что, если надпись не лжет, победа Ксенодама должна была приходиться на 211 год (65 год н.э.), единственную Олимпиаду, которая была вычеркнута из реестра. Опять же, в Олимпии он увидел табличку с описанием побед Хиониса, лакедемонянина-бегуна, жившего в первой половине седьмого века до н.э. В надписи упоминалось, что во времена Хиониса забег в доспехах еще не был учрежден; действительно, от Павсания мы знаем, что со времен Хиониса прошло более столетия, прежде чем был введен забег в доспехах. Следовательно, Павсаний очень разумно заключает, что надпись не могла, как предполагали некоторые люди, быть сделана самим бегуном, ибо как он мог предвидеть, что забег в доспехах когда-либо будет учрежден спустя долгое время после того, как он был мертв и похоронен? Опять же, он делает вывод, что Гело, посвятивший колесницу в Олимпии, не мог быть, как обычно предполагалось, тираном Гело, потому что в надписи на пьедестале Гело описал себя как гражданина Гелы, тогда как, согласно Павсанию, в то время, когда была посвящена колесница, Гело уже стал хозяином Сиракуз и, следовательно, описал бы себя как сиракузянина, а не как уроженца Гелы. Аргумент несостоятелен, потому что Павсаний ошибся в дате покорения Сиракуз Гело на несколько лет; тем не менее, его критика существующей точки зрения свидетельствует о том внимании, которое он уделял надписям.

Писатели
об искусстве.

Изображение Зевса, которое объединенные греки посвятили в Олимпии в качестве трофея битвы при Платеях, было сделано, по словам Павсания, скульптором с Эгины по имени Анаксагор, относительно которого он замечает, что “историки скульптуры опускают имя этого скульптора”. Этот отрывок доказывает, что Павсаний, как и следовало ожидать, обратился к некоторым из многих древних трудов по истории искусства, но о чем они были, он нам не сказал, и было бы тщетно гадать. Он упоминает о них в другом месте.

Местные
гиды.

Еще одним источником, который снабдил Павсания более или менее достоверной информацией по вопросам истории и традиций, были беседы местных гидов, с которыми он

встречался во многих или во всех главных достопримечательностях. Мы знаем от других древних авторов, что в древности, как и в наши дни, города любойзначимости были наводнены людьми этого класса, которые подстерегали незнакомца и набрасывались на него как на свою естественную добычу, пререкались над его телом и, захватив свою жертву, водили ее с места на место, показывая ему главные достопримечательности и изливая ему на ухо поток анекдотов и объяснений, равнодушные к его страданиям и глухие к его мольбам остановиться, пока, исчерпав свою ученость и его терпение, они не клали свой гонорар в карман и не уходили. Образованный путешественник часто мог бы обойтись без их объяснений, но если бы он был добродушен, то иногда позволял бы им продолжать, а сам с кажущимся почтением выслушивал чепуху, которой бедняки зарабатывали себе на хлеб насущный. Вопрос, вставленный в поток их бойкой речи, был слишком вероятен, чтобы поставить их в тупик. Вне проторенного круга своего узкого круга они были беспомощны. То, что Павсаний попал в их лапы, было неизбежно. Похоже, он с благосклонностью смирился со своей судьбой, они водили его осматривать обычные достопримечательности, слушали обычные истории, спорили с ними о некоторых и задавали им вопросы, на которые они не могли ответить о других. Часто, без сомнения, их услуги были полезны, а информация, которую они давали, правдива и интересна. Среди множества традиций, которые Павсаний воплотил в своей работе, возможно, есть ненемногие, которые он почерпнул из путеводителей. Мы также можем предположить, что измерения зданий и изображения, которые он время от времени записывает, были, по крайней мере в некоторых случаях, получены им из того же источника.

Вот и все об источниках исторических и традиционных знаний, на которые опирался Павсаний. Нельзя утверждать, что он всегда использовал их правильно. Мы можем показать, что он иногда ошибочно воспринимал смысл надписей и ошибался в отношении исторических событий и персонажей, но этих ошибок не больше, чем можно разумно допустить в работе, охватывающей столь большую и разнообразную подборку фактов.

Описывал ли
Pausanias
describe
Greece
from books
or from
personal
наблюдениям?,

Переходя теперь к описательной или топографической части, которая составляет основу работы Павсания, мы должны спросить, откуда он черпал свои знания о местах и памятниках, которые он описывает? из наблюдений? или из книг? или из того и другого? На эти вопросы сам Павсаний не дает полного и прямого ответа. Он не утверждает, что видел все, что описывает, и не признает, что позаимствовал какие-либо из своих описаний у предыдущих авторов, на которых он едва ссылается и никогда не упоминает по имени. С другой стороны, он иногда утверждает самым недвусмысленным языком, что видел то, что он описывает, а поскольку этого нет, Он утверждает
, что видел
много
вещей

которые он

описывает. Причина сомневаться в его словах мы можем безоговорочно принять эти утверждения и поверить, что он описывает некоторые вещи, по крайней мере, как очевидец. Но такие утверждения о личном знании являются лишь случайными, и общее их число чрезвычайно мало по сравнению с количеством мест и вещей, которые он описывает, не говоря, видел ли он их или нет. Таким образом, в отношении подавляющего большинства описаний Павсания мы все еще должны спросить, основаны ли они на личных наблюдениях или взяты из книг? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы должны прежде всего иметь в виду, что если Павсаний видел все, о чем он заявляет, то он неизбежно должен был видеть гораздо больше. Например, он не мог бы увидеть, как он утверждает, некоторые статуи на Афинском Акрополе, не увидев также Парфенон, Эрехтеум и Пропилеи, о которых он прямо не говорит, что видел. Он не мог увидеть, как он утверждает, статую Анаксимена и Сикионскую сокровищницу в Олимпии, не увидев также храмов Зевса и Геры и множества других зданий и статуй. Короче говоря, во всех местах, которые он, судя по его собственным показаниям, посетил, мы можем и должны предположить, что он видел гораздо больше, чем утверждает в стольких словах. Кроме того, поскольку он не переносился из одного места в другое с помощью магии, он, должно быть, путешествовал по дорогам, соединявшим различные места, которые он посетил. Таким образом, нанеся на карту места, которые он видел, и соединив их маршрутами, которые он описывает, мы можем составить некоторое общее представление о масштабах путешествий Павсания по Греции. Однако сформированное таким образом представление неизбежно должно быть очень грубым и несовершенным. Ибо, во-первых, мы не всегда можем быть уверены в маршруте, которым он следовал из одного города или деревни в другую. Так, например, он описывает две дороги из Аргоса через гору Артемизий в Мантинею; но нет ничего, что указывало бы на то, по какой дороге он шел или хотя бы на то, что он шел. Возможно, он, как и большинство путешественников, добрался до Мантинеи из Аргоса не прямым путем через горы, а круглым путем, который проходит через Лерну и Тегею. Во-вторых, было бы очень опрометчиво предполагать, что он посещал только те места, где, как доказывают некоторые случайные утверждения о личном знакомстве, он бывал. Возможно, или, скорее, вероятно, он посетил гораздо больше. Если он не считал нужным уверять нас, что видел Парфенон и Эрехтеум в Афинах и храмы Зевса и Геры в Олимпии, то ему незачем было считать нужным утверждать, что он видел все незначительные святыни и изображения, которые он описывает, в маленьких городках безвестных деревушках, через которые он проезжал. Таким образом, указания, которые он нам дал, слишком скудны, чтобы позволить нам составить его маршрут в Греции с какой-либо приблизительностью к достоверности.

Описания

которые

он, возможно,

позаимствовал

из

книг.

Но если мы не можем быть уверены, что многие из его описаний основаны на личном знании, есть ли у нас какие-либо основания предполагать, что они заимствованы, без подтверждения, из книг? Такое предположение, на первый взгляд, не было бы ни необоснованным, ни невероятным. В исторических частях своего труда Павсаний, должно быть, использовал много книг, которые он не упоминает, и, возможно, он делал то же самое в топографических или

описательных частях. Основания, по которым можно было бы доказать или сделать вероятным, что он заимствовал свои описания из книг, различны. Наиболее очевидным и несомненным было бы существование у более древнего автора описания, настолько совпадающего по форме, а также по существу с описанием у Павсания, что нам не осталось бы иного выхода, кроме как предположить, что либо Павсаний скопировал у этого более древнего автора, либо что они оба скопировали с какого-то общего оригинала. Или, опять же, могло случиться так, что описания Павсания содержали информацию, в которой он вряд ли мог убедиться сам, или ошибки, в которые он вряд ли мог бы впасть, если бы видел все своими глазами. В отношении первого из этих оснований можно сразу сказать, что в дошедшей до нас античной литературе, насколько известно настоящему автору, нет описания какого-либо места или памятника, которое по форме и содержанию настолько совпадало бы с описанием у Павсания, чтобы сделать вероятным, что он его скопировал. Небольшое и поверхностное сходство, которое было прослежено между отрывками Страбона и Павсания, не более чем такое, которое может легко или обязательно возникнуть, когда два автора независимо описывают одни и те же места.

Измерения

памятников
и
расстояний.

Когда мы спрашиваем, содержат ли описания Павсания информацию, в которой он сам не мог легко убедиться, нам напоминают, во-первых, о его измерениях храмов и изображений, а во-вторых, о его оценках точных расстояний в фарлонгах между одним местом и другим. Размеры храмов и изображений, вероятно, были взяты либо из местных путеводителей, либо из книг. Некоторые из них он, возможно, взял для себя; но то, что он, например, сам измерил высоту храма Зевса в Олимпии, крайне маловероятно. Расстояния по суше, оцененные в фарлонгах, возможно, были нарисованы Павсанием по римским вехам, или по книгам, или по карте, подобной *Tabula Peutingeriana*. Расстояния по морю он вряд ли мог измерить сам; если он не позаимствовал из книги или карты, то, возможно, узнал от моряков, с которыми плавал. Во всех этих случаях возможно, а возможно и вероятно, что Павсаний черпал свои сведения из литературных источников; но какими именно книгами или картами он пользовался, если вообще пользовался, мы не знаем, и было бы тщетно гадать.

Описание
of the
побережья
Гермиониды.

Когда мы в следующий раз спрашиваем, содержат ли описания Павсания ошибки, в которые он вряд ли мог бы впасть, если бы видел места и вещи, которые он описывает, изучающему Павсания сразу вспоминается авторское описание побережья Гермиониды, которое трудно или невозможно согласовать с реальными особенностями побережья. То, что описание содержит серьезные ошибки, почти несомненно. Гораздо более сомнительно, как объяснить эти ошибки. Легко предположить, как это уже было сделано, что Павсаний сам не плавал вдоль побережья, а позаимствовал свое описание из одного из тех Периплов, или Каботажных путешествий, в ходе которых перечислялись места на побережье в топографическом порядке и фиксировались

расстояния между ними. Однако это предположение само по себе вряд ли объясняет замешательство, в которое впал Павсаний. До нас дошли образцы этих Каботажных путешествий, и они настолько предельно ясны, лаконичны и деловиты, что трудно понять, как любой, кто просто взялся копировать с них, мог допустить такую вопиющую ошибку, какую, по-видимому, совершил Павсаний. Более правдоподобным является предположение, что, в то время как Павсаний был вынужден планом своего маршрута описывать побережье в одном направлении, предстоящее ему Каботажное плавание описывало его в обратном направлении, и что в своей попытке облечь информацию, полученную во время Путешествия, в форму, соответствующую его маршруту, Павсаний допустил путаницу, которая доставила его критикам столько хлопот. Возможно, это и есть истинное объяснение. Это имело бы еще одно преимущество, поскольку помогло бы нам понять, как Павсаний получил свои знания о точных расстояниях между населенными пунктами в различных частях побережья Греции, особенно на побережье Ахайи и на диком негостеприимном побережье Лаконии. Каботажное плавание, которым он воспользовался, возможно, как и сохранившееся Каботажное плавание Скилакса, включало в себя описание всего побережья Греции, и из него Павсаний, возможно, позаимствовал свои оценки расстояний и, возможно, другие особенности своего описания. Такова теория мистера Хебердея, и она вполне логична, хотя в отсутствие прямых доказательств она должна оставаться всего лишь более или менее вероятной гипотезой. Однако, когда мы вспоминаем, что топографические указания Павсания нигде не являются более полными и точными, чем в Аркадии, где по характеру случаев не мог воспользоваться каботажным плаванием, гипотеза о том, что он использовал его в других частях своей работы, кажется излишней, если не невероятной. Вполне возможно, что он описал побережье Гермioniды по заметкам, которые он сделал для себя во время плавания вдоль него, и что либо он в то время не смог правильно оценить природные особенности, либо впоследствии, редактируя свои заметки дома, он неправильно понял то, что написал на месте. Возможно, мне будет позволено сказать, что, неоднократно плавая вдоль рассматриваемого побережья, я могу поличному опыту засвидетельствовать, насколько трудно определить места на глаз с корабля, настолько ошеломляющей является движущаяся панорама мысов, островов, заливов и гор. Было бы неудивительно, если бы у Павсания немного закружилась голова в этом географическом лабиринте.

Дороги из
Лепреуса.

Еще один отрывок, в который, по-видимому, вкрались ошибки и путаница, - это упоминание о трех дорогах, которые вели из Лепрея в Самикум, Олимпию и Элиду. Здесь, опять же, Павсаний, возможно, использовал какой-то литературный источник и неправильно его понял, или он ошибся на месте, или его записи могли быть утеряны, или память могла обмануть его. Возможно любое из этих объяснений. Пытаться выбирать между ними в отсутствие каких-либо положительных доказательств было бы бесплодно.

Эпизод с Энеакруном

.

Более известной, чем любая из этих трудностей, является та, которая встречается в рассказе Павсания об Афинах. Здесь, в середине описания рыночной площади, которая находилась к северо-западу от Акрополя, он внезапно, без единого предупреждения, переносит читателя к

фонтану Энеакрун, который находился в русле Илисса, недалеко от Олимпия, на противоположной окраине города; затем, избавившись от фонтана и некоторых зданий по соседству, он возвращает читателя на рыночную площадь и продолжает свое описание, как будто ничего не произошло. Ни одна из многочисленных попыток прояснить эту тайну, например, путем предположения о смещении текста, путанице в примечаниях автора или о существовании другого фонтана возле рыночной площади, который, возможно, был показан ему как Эннеакрунус, не свободна от серьезных трудностей. То, что он допустил ошибку, слепо и неразумно скопировав что-то из книги, возможно, но очень маловероятно. Поскольку практически несомненно, что он посетил Афины и видел как рыночную площадь, так и Олимпий, шансы на то, что он не должен был видеть Энеакрун и, следовательно, был вынужден позаимствовать его описание из книги, настолько малы, что ими можно пренебречь.

Суды
в Афинах
и алтари
в Олимпии.

Другими отрывками, которые Павсаний, возможно, полностью или частично позаимствовал из книг, являются его рассказ об афинских судах и список алтарей в Олимпии. Ни один из этих отрывков, правда, явно не заражен ошибкой или путаницей, хотя есть некоторые основания подозревать наличие путаницы в перечислении алтарей. Но в обоих случаях автор отступает от топографического порядка описания, столь характерного для его метода, и объединяет памятники просто на основании их принадлежности к одному классу. Эти отклонения от его обычного принципа упорядоченности наводят на мысль, что в обоих случаях Павсаний, возможно, заимствовал из письменных документов, в которых памятники были сгруппированы по типу, а не в топографическом порядке. Другим набором памятников, которые Павсаний связывает воедино цепью, отличной от топографической, являются здания, возведенные Адрианом в Афинах. Вполне возможно, что он взял их список из надписи в Афинском пантеоне, в которой они перечислены все.

Это, пожалуй, наиболее примечательные отрывки из Павсания, которые, как можно было бы подумать, несут следы того, что были взяты полностью или частично из письменных документов, а не из личных наблюдений. Ни в одном из них указания не настолько ясны, чтобы служить доказательством заимствования. Самое большее, они повышают вероятность заимствования, не более.

Предшественники
of
Павсания.

Не было бы ни удивительного, ни противоестественного, если бы при написании своего Описания Греции Павсаний не только консультировался, как мы знаем, он это делал, но и заимствовал из работ предыдущих авторов на ту же тему. Любой, кто берется написать путеводитель по стране, может на законных основаниях позаимствовать что-либо у своих предшественников, при условии, что он взял на себя труд убедиться лично, что их описания все еще применимы к стране на момент написания. У Павсания в его "характере Камдена древней Греции" было много предшественников, с трудами которых он мог и действительно должен был консультироваться. Но от их трудов до нас дошли только названия и несколько фрагментов, и в

них нет ничего, что указывало бы на то, что Павсаний копировал или хотя бы читал их. Наиболее значительные из фрагментов — те, что известны под названием "Дикеарх Мессенийский", — уже были рассмотрены, и мы видели, насколько отличался по объему и стилю труд, к которому они относились, от того, что оставил нам Павсаний. Никому и в голову не придет утверждать, что Павсаний скопировал свое описание Греции у псевдо-Дикеарха. Самыми известными из антикваров, предшествовавших Павсанию, по-видимому, были Диодор, Полемон и Гелиодор, все они заслужили своими трудами титул Периегета или Цицерона. [Диодор.] Самым ранним из них был Диодор, которого не следует путать с сицилийским историком с таким именем. Он опубликовал работы о гробницах и поселениях Аттики, из которых сохранилось несколько фрагментов. [Гелиодор.] По-видимому, они были составлены до 308 года до н.э. Гелиодор жил в царствование Птолемея Эпифана и написал труд об Афинском акрополе не менее чем в пятнадцати книгах, из которых до нас дошло лишь несколько кратких фрагментов. Есть некоторые основания полагать, что Павсаний не мог с ним ознакомиться. [Полемо.] Полемо из Илиона процветал в первой половине второго века до нашей эры и был автором многих специальных трактатов о памятниках Греции. Среди них были работы, посвященные Афинскому Акрополю, одноименным героям аттических городов и племен, Священному пути, расписной колоннаде в Сикионе, жертвоприношениям по обету в Лакедемонне, основанию городов Фокиды, сокровищницам в Дельфах и многим другим. До нас дошло более сотни выдержек из его работ или ссылок на них; и если мы можем судить по ним, по количеству и разнообразию опубликованных им трактатов и по похвалам Плутарха, мы будем склонны объявить Полемо самым ученым из всех греческих антикваров. Его знакомство как с памятниками, так и с литературой, по-видимому, было обширным и глубоким. Внимание, которое он уделял надписям, принесло ему прозвище "выстукиватель памятников". Его труды, безусловно, сохранились позже времен Павсания, поскольку Афиней свободно цитирует их. Поэтому было бы странно, если бы Павсаний не изучал их, занимаясь, как и многие из них, теми же темами, которых он касался в своем Описании Греции. И все же существующие фрагменты "Полемона" вряд ли дают нам основание предполагать, что Павсаний был знаком с трудами своего ученого предшественника. Конечно, они не подтверждают точку зрения, что он заимствовал у них описания мест и памятников. Это станет ясно из рассмотрения тех фрагментов "Полемо", которые касаются тем, входящих в сферу деятельности Павсания. Мы посмотрим, во-первых, на вещи, упомянутые обоими авторами, и, во-вторых, на вещи, упомянутые только Полемо. Фрагменты пронумерованы так же, как в изданиях Л. Преллера и Ч. Мюллера, к которым читателя отсылают за греческим текстом.

Итак, сначала давайте рассмотрим вещи, упомянутые как Полемоном, так и Павсанием.

Полемо
и
Павсаний
сравниваются.

Фрагмент ii. В своем описании Афинского Акрополя Полемо упомянул скульптора Ликия, сына Мирона. То же самое делает Павсаний в своем описании Акрополя.

Фрагмент iii. В своем описании Акрополя Полемо упомянул указ, запрещающий распущенным женщинам брать названия любых великих четырехлетних праздников. Павсаний не упоминает о таком указе, но среди картин, которые он описывает в "Пропилах", есть одна с изображением Алкивиада, "содержащая эмблемы победы, одержанной его командой при Немее". Теперь мы знаем от других авторов, что на этой картине Алкивиад был изображен полулежащим на коленях Немей. Модель, которая позировала для олицетворения Немей, вероятно, была женщиной из тех, кому указом запрещалось использовать название фестиваля, проводимого раз в четыре года, и вид картины, возможно, побудил Полемо упомянуть об указе. Если это было так — а рассуждение, хотя и немного окольное, правдоподобно, — то становится вероятным, что Полемо видел и описал портрет Алкивиада, на который ссылается Павсаний. Вероятность усиливается, почти до достоверности, нашими знаниями о том, что Полемо действительно описывал рисунки в Пропилеях, хотя никаких подробностей его описания не сохранилось.

Фрагмент iv. В своем описании Акрополя Полемо упомянул, что Фукидид был похоронен у Мелитианских ворот. То же самое делает Павсаний в своем описании Акрополя.

Фрагмент vi. В своем описании изображений в Пропилеях, которое, вероятно, стало частью его трактата в четырех книгах об Акрополе, Полемо упомянул три афинских фестиваля, на которых проводились гонки с факелами, а именно Панафинский фестиваль, фестиваль Гефеста и фестиваль Прометея. Павсаний в своем описании Академии упоминает, что от алтаря Прометея в Академии до города проводились факельные забеги.

Фрагмент x. Полемон рассказал историю захвата Афидны в Аттике диоскурами и упомянул, что в ходе этого дела Кастор был ранен царем Афидном в правое бедро. Павсаний неоднократно ссылается на взятие Афидны диоскурами, но он выражает убеждение, что это место было взято без боя, и приводит основания так думать.

Фрагмент xi. В одной из своих работ, которая цитируется как "Греческая история", Полемо упомянул, что Посейдон боролся с Герой за обладание Аргосом и потерпел поражение, и что двабожества не выставляли знаков в поддержку своих притязаний, как это было в Афинах. Павсаний в своем описании Арголиты дважды упоминает о поражении Посейдона в его споре с Герой за обладание землей, но он ничего не говорит об отсутствии знаков.

Фрагмент xii. Согласно Полемо, аргивяне рассказывали, что первая кукуруза, посеянная в Арголитиде, была привезена Аргусом из Ливии. Согласно Павсанию, они утверждали, что получили первое зерно от Деметры.

Фрагмент XVIII. В своей работе о жертвоприношениях по обету в Лакедемонии Полемо упомянул "часовню Котины, недалеко от Колоне, где находится святилище Диониса, великолепное сооружение, известное многим в городе". Павсаний в своем описании Спарты упоминает "место под названием Колона и храм Диониса Колоната".

Фрагмент xxii. Полемо упомянул в Олимпии старый храм Геры, храм Метапонтинцев и храм византийцев. Павсаний описывает все три здания, но два последних он правильно называет сокровищницами, а не храмами.

Фрагмент xxiii. Полемо рассказал, что какое-то время в Олимпии проводились гонки между повозками, запряженными мулами, но после тринадцати одержанных побед гонка была отменена в 84 году. Далее он сказал, что название повозки с мулами (*ареде*) было тегейским

словом. Павсаний упоминает, что гонки между повозками с мулами в Олимпии были учреждены в 70 году н.э. и отменены в 84 году н.э. Он ничего не говорит о том, что название повозки с мулами - тегейское.

Фрагмент xxiv. Полемон сказал, что Афина была ранена Орнитом. Павсаний говорит, что она была ранена Тевтидой, но некоторые люди называли нападавшего Орнитом.

Фрагмент xxvii. В своей работе о дельфийских сокровищницах Полемо упомянул сикионскую сокровищницу. То же самое делает Павсаний в своем описании Дельф.

Фрагмент xxix. Полемо рассказал, как дельфийцы почитали волка, потому что волк обнаружил священный золотой драгоценный камень, который был украден из Дельф и зарыт на горе Парнас. Павсаний говорит, что дельфийцы посвятили бронзовую фигуру волка святилищу Аполлона, потому что человек, укравший какие-то священные сокровища и спрятавший их в лесу на Парнасе, был убит волком, который затем ежедневно приходил в город и выл, пока люди не последовали за ним и таким образом не нашли украденное сокровище.

Фрагмент xxxii. Полемо рассказал, как Паламед изобрел игральные кости, чтобы развлечь греческую армию перед Троей, когда она страдала от голода. Павсаний просто говорит, что игральные кости были изобретением Паламеда.

Фрагмент xli. Полемо сказал, что в Афинах было три изображения Фурий: два сделаны Скопасом из камня, называемого лукнеус (вероятно, паросский мрамор), а среднее - Каламисом. Павсаний упоминает изображения фурий, не упоминая ни их количество, ни материал, из которого они сделаны, ни художников, которые их создали.

Фрагмент xlii. Говоря о возлияниях без вина, Полемон отметил щепетильность афинян в вопросах ритуала. Павсаний замечает, в другой связи, что афиняне были более благочестивы и ревностны в религиозных вопросах, чем другие народы.

Фрагмент xliv. Полемо сказал, что Лаис родилась в Гиккаре на Сицилии и была убита в Фессалии, куда она уехала из-за любви к фессалийцу по имени Павсаний; и он описал ее могилу рядом с Пенеем с эпитафией и вазой на надгробии. Павсаний говорит, что Лаис была уроженкой Гикары (*так в оригинале*) на Сицилии и что ее могила находилась в Коринфе, где ее венчала фигура льва, держащего в лапах барана. Он добавляет, что в Фессалии, куда она отправилась из-за любви к некоему Гиппострату, была еще одна гробница, которая якобы принадлежала ей.

Фрагмент xlviii. Полемо сказал, что в Пританее хранились копии законов Солона, выгравированные на квадратных деревянных табличках, которые вращались на шарнирах таким образом, что при повороте табличек под углом они казались треугольными. Павсаний кратко говорит, что законы Солона были записаны в Пританее.

Фрагмент lv. Полемо сказал, что борьбу изобрел Форбас. Павсаний говорит, что ее изобрел Тесей.

Фрагмент lxxviii. Полемо упомянул святилище Геркулеса в Киносарге. То же самое делает Павсаний.

Фрагмент lxxxiii. Полемо описал два пруда на Сицилии, возле которых сицилийцы приносили свои самые торжественные клятвы, за лжесвидетельство влекла смерть. Павсаний описывает, как люди бросали подношения в кратеры Этны и наблюдали, затонули ли подношения или были выброшены вулканическим пламенем. Некоторые современные авторы предположили, что Павсаний хотел описать место и клятву, описанные Полемоном, но он ошибочно принял воду за огонь, а подношение - за клятву. Это предположение очень маловероятно.

Фрагмент lxxxvi. Полемо упомянул Тиасу, реку близ Спарты. То же самое делает Павсаний.

Нет доказательств

, что

Павсаний

скопировал

Полемо.

Это, я полагаю, все существующие фрагменты "Полемона", в которых он упоминает то же самое, что и Павсаний. Ни одно из них не поддерживает теорию о том, что Павсаний скопировал с Полемона. В некоторых из них автор упоминает те же места, здания и произведения искусства, которые упоминает Павсаний. Но это было почти неизбежно. Когда двое мужчин правильно описывают одни и те же места, они вряд ли могут не упомянуть некоторые из одних и тех же вещей. Совпадение ни в коем случае не выходит за рамки простого упоминания. Опять же, Полемо иногда ссылаясь на тот же миф или легенду, что и Павсаний; но это не доказательство того, что Павсаний скопировал с Полемона. Множество мифов и легенд были обычным делом для каждого образованного грека, независимо от того, читал он Полемона или нет. Отрывок Полемона о гонках между повозками с мулами в Олимпии согласуется по существу, а не по языку, с соответствующим отрывком Павсания. Можно предположить, что оба автора черпали свою информацию из лучшего источника - олимпийского реестра, который, как мы видели, был опубликован и доступен для всех. Дельфийская история о волке, обнаружившем украденное сокровище, возможно, была передана обоими авторами одинаково, хотя, судя по сокращенной форме, в которой Элиан передает версию Полемона, мы не можем быть в этом уверены. Без сомнения, почти в таком же ключе эту историю рассказывали дельфийские гиды всем посетителям, которые, возможно, были удивлены, обнаружив статую волка, посвященную Аполлону, поскольку древние мифические отношения бога с волками давно отошли на задний план. И снова Полемон, как и Павсаний, отметил скрупулезное благочестие афинян. То же самое, если уж на то пошло, делал и святой Павел, но никто не подозревает его в том, что он позаимствовал это замечание у Полемона. Упоминание двумя авторами скульптора Ликия, могилы Фукидида и факельного забега ничего не доказывает относительно зависимости одного от другого. Некоторые фрагменты "Полемона" показывают, что он в мельчайших деталях описал то, о чем Павсаний просто упомянул. Наконец, в ряде фрагментов Полемо делает утверждения, которые явно или неявно опровергаются Павсанием. Это доказывает, что если Павсаний был знаком с трудами Полемона, то он, по крайней мере, пользовался полной свободой суждений, принимая или отвергая мнения своего предшественника. Еще одним доказательством его независимости является то, что он называет сокровищницы Олимпии сокровищницами, в то время как Полемо менее корректно назвал те же здания храмами.

Вещи

, упомянутые

Полемоном,
но не
Павсанием.

Во-вторых, давайте возьмем вещи, упомянутые Полемоном, но не Павсанием. Они включают в Munychia поклонение герою Acratopotes; в Афинах картину брака Пирифой, надписи, касающиеся жертвоприношений, предлагаемых Геркулес на Cynosarges, и чашки посвящен определенной Неоптолем, по-видимому, на Акрополе; в Аттике город называется Крия; в Сикионе окрашенные колоннада (к которому Polemo, кажется, посвятил специальный трактат), фотографии, художники, Аристиды, Павсания, и Nicophanes, портрет тирана Aristratus частично окрашенные, Апеллес, и непристойный культ Диониса; в Флиунта колоннада называлась колоннадой Послемрак и содержащий картину или картины Sillax Регия; в Аргосе храмливийских Деметры; в Спарте часовня и бронзовая статуя Cottina, бронзовый бык выделенного ею, а святилище Артемиды Corythallian фестиваль *копис* (описано Polemo подробно), и поклонение двум героям Маттон и Ceraon; в Олимпии сто тридцать два серебряных кубков, два серебряных вина кувшины, одну серебряную жертвенный сосуд, и три золоченые чашки, все, что сохранилось в казну Metapontines, кедр-дерева фигурка Тритон держал серебряный кубок, серебряный сирена, три серебряные кубки различной формы, золотой винный кувшин, и два рога, все, что сохранилось в казну византийцев, тридцать три серебряные кубки различной формы, Серебряный горшок, золотой жертвенный сосуд, и золотую чашу, все сохранилось в храме Геры, и статуя лакедемонян по имени Леон, который одержал победу в колеснице-расы; в Элиде поклонение Гурман Аполлона; на Scolus в Беотии поклонение большой-голова Деметры; в Фивах храм Афродиты Ламия, статуя бард Клеона (о чем Polemo рассказал анекдот), и играх, проводимых в честь Геракла; и, наконец, в Дельфах Золотую книгу поэтессы Aristomache в Sicyonian казну, а казна Spinatians содержащих две мраморные статуи мальчиков, святилище Деметры Hermuchus, и любопытный обычай предлагать "Латона" на фестивале в фойе самого большого стебля, который должен был быть найден.

Все это упоминается Полемоном как существующие вещи или обычаи, практикуемые в той части Греции, которую описал Павсаний. Когда мы вспоминаем, что упоминание о них встречается в нескольких кратких фрагментах, которые являются всем, что осталось нам от объемистых работ Полемона, мы можем представить, какое множество вещей, должно быть, было описано Полемоном, о которых Павсаний умалчивает.

Результат
сравнения
между
Полемоном и
Павсанием.

Подводя итог этому сравнению Полемо с Павсанием, мы обнаруживаем, что оба автора упоминают некоторые из одних и тех же вещей и фиксируют некоторые из одних и тех же традиций, но это согласие никогда не сводится к словесному совпадению; что Полемо упоминает многие вещи, которые не замечены Павсанием; и что Павсаний неоднократно придерживается взглядов, которые отличаются от взглядов, выраженных Полемо, или противоречат им. Таким образом, в остатках Полемо нет ничего, что указывало бы на то, что Павсаний, как он часто делал, следуя по стопам Полемо, копировал работы своего

предшественника; напротив, очень частое упущение Павсанием вещей, упомянутых Полемо, и нередкое принятие им мнений, противоречащих мнениям Полемо, доказывают либо то, что он не был знаком с трудами Полемо, либо то, что он намеренно игнорировал и молчаливо оспаривал их.

Теория
которую
Павсаний
скопировал
у
Полемо
или у
авторов
времени
Полемо.

Однако в последние годы утверждалось, что Павсаний рабски скопировал у Полемона лучшую часть его описаний Афин, Олимпии и Дельф и многое другое, и что он описал эти места по существу не такими, какими они были в его эпоху, а такими, какими они были во времена Полемона, около трехсот лет назад; ибо частью той же теории является то, что Павсаний путешествовал и видел в Греции очень мало, основную часть своей книги он составил из работ более ранних авторов и добавил лишь несколько поспешных набросков того, что произошло в Греции. его собственный, чтобы придать книге современный вид.

Что касается утверждения о том, что Павсаний в значительной степени позаимствовал его у Полемона, то нет необходимости говорить что-либо еще. Мы видели, что это не имеет под собой оснований в существующих остатках Полемо. Мы не можем сказать, будет ли это подтверждено или опровергнуто утраченными работами Полемо. Придет время рассмотреть этот вопрос, когда эти утерянные работы будут найдены, если это когда-нибудь произойдет.

Теория, согласно которой
Павсаний
не
описывал
Грецию такой, какой
она была в
его
время.

С другой стороны, предположение о том, что Павсаний описал Грецию не такой, какой она была в его время, а такой, какой она была в более раннюю эпоху, хотя оно имеет более широкий охват, чем первое, также более поддается проверке. Это можно было бы установить очень просто, доказав, что он говорил о существующих вещах, которые, как известно из других источников, прекратили свое существование до него. Конечно, это не могло быть установлено просто на основании того, что он почти ничего не упоминает о более поздних датах, чем, скажем, эпоха Полемо, около 170 г. до н.э., если только не было дополнительно показано, что вещи, которые он упоминает, перестали существовать между этой эпохой и его собственной. Ибо очевидно, что все, что он замечает, могло существовать в 170 году до н.э. и все еще

существовать, когда он писал, и, описывая их, он так же верно описывал бы Грецию своего времени, как современный писатель, который, заявляя, что описал самые примечательные вещи в Афинах в конце девятнадцатого века нашей эры, предпочел бы не упоминать ни одно здание или статую позже, чем во времена Павсания или даже самого Полемона. Таким образом, все попытки, которые были предприняты, чтобы опровергнуть свидетельство Павсания о состоянии Греции во втором веке нашей эры, просто продемонстрировав, что описываемые им вещи существовали во втором веке до нашей эры, должны быть отклонены как не относящиеся к делу. Даже если бы предпосылки были приняты, вывод, который пытаются установить, не вытекал бы из них. Следовательно, остается изучить свидетельства, которые, как считалось, доказывают, что некоторые из вещей, упомянутых Павсанием как существующие, прекратили свое существование до него. Если бы это действительно было доказано, то было бы доказано и предположение о том, что он не описывал Грецию такой, какой она была в его время, и мы были бы уверены, что его описания были заимствованы полностью или частично у более ранних авторов, даже если бы мы не могли рискнуть предположить, кем были эти авторы.

Его описание
of
Пирея.

Итак, во-первых, утверждалось, что описание состояния Пирея, которое дает Павсаний, не относилось к его собственному времени. Говорят, что его рассказ о корабельных ангарах, двух рыночных площадях, святилищах, статуях и так далее подразумевает, что порт находился в довольно процветающем состоянии, когда он писал примерно в середине второго века нашей эры, а этого не могло быть, поскольку Пирей был сожжен Суллой в 86 году до нашей эры и все еще находился в запущенном состоянии, когда Страбон писал в эпоху Августа. Эта замечательная критика полностью упускает из виду тот факт, что между разрушением Пирея Суллой и временем Павсания прошло более двухсот лет, в течение большей части которых Греция наслаждалась глубоким миром и пользовалась особой благосклонностью и снисхождением римских императоров. Выходит ли за рамки возможного, что в течение этих двух столетий почерневшие руины должны были быть расчищены? что должны были появиться новые здания, а население должно было снова собраться вокруг гавани? Можем ли мы спросить по аналогии, остается ли Пфальц по сей день дикой местностью, в которую его превратили армии Людовика XIV. два столетия назад? Но такие вопросы не нуждаются в ответе. В случае с Пиреем, к счастью, нам не остается просто сопоставлять вероятности или невероятности друг с другом. У нас есть положительные свидетельства великого возрождения порта после его разрушения Суллой. Единственная надпись, относящаяся к первому веку до нашей эры или второму веку нашей эры, свидетельствует о существовании верфей, колоннад, Биржи, правительственных зданий, святилищ. Другой, современный Павсанию, доказывает, что римские купцы тогда селились в порту. Третий посвящен регулированию движения на рынке. Портреты римских императоров, найденные на этом месте, говорят о благодарности за императорскую милость, а остатки римских вилл и римских бань свидетельствуют о возвращении не просто процветания, но и богатства и роскоши. Короче говоря, если бы Павсаний описал Пирей лежащим в руинах, как, по мнению его критика, ему следовало бы поступить, он мог бы описать его таким, каким он был в начале первого века до нашей эры, но он, конечно, не описал бы его таким, каким он был в его время двести лет спустя.

Его описание
of
Аркадии.

Опять же, утверждалось, что Павсаний скопировал свое описание Аркадии у гораздо более старых авторов, потому что, как говорят, он изображает страну в цветущем состоянии, тогда как Страбон говорит, что большинство знаменитых городов Аркадии либо прекратили свое существование, либо почти не оставили о себе следа. Насколько ничтожны свидетельства Страбона, когда он говорит о внутренних районах Греции, показывает его знаменитое заявление о том, что от Микен не осталось и следа. Сравните это утверждение с кратким, но точным описанием, которое Павсаний дает стенам и львиным воротам Микен, какими они были в его время и какими остаются по сей день; затем скажите, должно ли свидетельство Страбона перевешивать свидетельство Павсания в вопросах греческой топографии. Фактически, общепризнано, что Страбон посетил очень мало частей Греции, возможно, ни в одной, кроме Коринфа. Поэтому мы вполне можем не доверять его расплывчатому заявлению о запустении Аркадии. Достаточно простого факта, чтобы расстроить его. Монеты римского периода доказывают, что семь из одиннадцати городов, которые, по его словам, прекратили свое существование или почти не оставили после себя следов, все еще были населены и вели дела еще долгое время после того, как приятный, но не слишком скрупулезно точный географ собрал сведения о своих отцах. И опять же, неверно утверждать, что Павсаний описывает Аркадию так, как если бы она находилась в процветающем состоянии. Напротив, длинный ряд разрушенных или съезжившихся городов, покинутых деревень и святилищ без крыш, которые он не преминул описать, оставляют на читателе, как и на самом писателе, меланхолическое впечатление запустения и разложения. Единственные два города, которые, как мы можем заключить из его описания, находились в сносно процветающем состоянии, - это Тегея и Мантинея. Что касается первого, то у нас есть драгоценное свидетельство самого Страбона о том, что "он довольно хорошо сохранился". Что касается Мантинеи, то, если мы не можем доверять свидетельствам Павсания, мы, безусловно, можем доверять архитектурным свидетельствам и надписям, которые доказывают, что в римский период театр был перестроен, и что незадолго до рождения Павсания в городе проживали римские купцы, на рыночной площади были проведены масштабные реконструкции, к ней пристроили мраморную колоннаду, построили банкетные залы и сокровищницы, возвели базар, окруженный мастерскими, и полукруглую галерею. возвышался холл, который, по словам относящейся к нему надписи, "сам по себе стал бы украшением города". Остатки этих зданий вместе с древними стенами и воротами города почти на всем их протяжении, хотя и не в полную высоту, были видны, по крайней мере, до 1890 года нашей эры. ^[5] И все это в городе, который, если верить Страбону, исчез с земли раньше своего времени, не оставив практически никаких следов. Вот и все о сравнительной ценности свидетельств Страбона и Павсания относительно Аркадии.

5. Когда я в последний раз посещал Мантинею в октябре 1895 года, большая часть руин вокруг рыночной площади, раскопанных французами около десяти лет назад, снова скрылась под землей.

Роща
Посейдона в
Ончестусе.

Опять же, в Беотии нашего автора обвиняют в том, что он описывает вещи, которых не было, так, как если бы они были, и свидетелем обвинения снова выступает Страбон. Павсаний говорит, что в его время существовала роща Посейдона в Онхесте. Страбон говорит, что в ней не было деревьев. В чем несоответствие между этими утверждениями? Страбон писал в царствование Августа; Павсаний писал в царствование Марка Аврелия. Перестали ли деревья расти после времен Страбона?

Лимны
и
Турия в
Мессении.

Далее, Павсания упрекали в том, что он не знал, что Лимны в Мессении принадлежали мессенцам в его время. Это странный упрек. Он говорит о Лимнах под Мессенией и не говорит, что они принадлежали кому-либо, кроме мессенцев. Что еще он мог сделать? Нужно ли было ему говорить о каждом месте в Мессении, что оно принадлежало мессенцам? о каждом городе в Аркадии, что он принадлежал аркадянам? о каждом храме в Афинах, что он принадлежал афинянам? Основанием для совершения преступления является заявление Павсания о том, что соседний город Турия в Мессении был дарован Августом лакедемонянам. Истинность этого утверждения не оспаривается. Это подтверждается монетами, которые доказывают, что в правление Септимия Севера, еще долго после правления Павсания, Турия продолжала принадлежать лакедемонянам. Но критики совершенно необоснованно предположили, что вместе с Турией император Август передал лакедемонянам и Лимны, и что Павсаний считал, что Лимны принадлежали им еще в его время, хотя мы знаем из свидетельств Тацита и межевых камней, что в его время Лимны принадлежали Мессении. Оба эти предположения беспочвенны. У нас нет оснований предполагать, что Август отдал Лимны лакедемонянам, и нет оснований предполагать, что Павсаний считал, что они принадлежат им. Напротив, у нас есть, как я только что указал, все основания предполагать, что он считал его принадлежащим Мессении. Правда в том, что критики перепутали две разные, хотя и соседствующие области и переложили бремя этой путаницы на плечи невинного Павсания, в творчестве которого нельзя обнаружить ни тени этого.

Храм
Аполлона в
Дельфах.

Наконец, предполагалось, что рассказ Павсания о храме Аполлона в Дельфах несовместим с остатками здания и относящимися к нему надписями, которые недавно были обнаружены французами в Дельфах. Совокупные свидетельства архитектуры и надписей убедительно доказывают, что храм, построенный Алкмеонидами в шестом веке до нашей эры, впоследствии был разрушен, вероятно, землетрясением, и что он был восстановлен в четвертом веке до нашей эры. Однако Павсаний, как говорят, описывает храм шестого века до нашей эры так, как будто он все еще существовал в его время. Давайте посмотрим на факты в свете французских открытий. Обратите внимание, что Павсаний упоминает галльские щиты, висящие на архитраве

храма. Эти щиты были захвачены в 279 году до н.э. Следовательно, храм, который он описывает, не мог быть старым, построенным в шестом веке до н.э., поскольку этот храм, как мы теперь знаем, был впоследствии разрушен и восстановлен в четвертом веке до н.э. Но верил ли Павсаний, что он был старым? Ничто не указывает на то, что он это сделал, но, напротив, многое указывает на то, что он этого не делал. Во-первых, он не говорит, что храм был построен Алкмеонидами. Он говорит, что он был построен для Амфиктионов архитектором Спинтаром. Дата рождения Спинфара в остальном неизвестна, но у нас нет оснований предполагать, что он жил в шестом, а не в четвертом веке до н.э. Во-вторых, Павсаний сообщает нам, что первые скульптуры для фронтонов храма были выполнены Праксиасом, учеником Каламиса, но поскольку строительство продолжалось некоторое время, Праксиас умер до того, как оно было закончено, а остальные скульптуры были выполнены другим художником. Теперь у нас есть свидетельство самого Павсания о том, что скульптор Каламис работал еще в 427 году до н.э. Следовательно, его ученик Праксий легко мог, по крайней мере, по мнению Павсания, работать в конце пятого века до н.э. или в начале четвертого века до н.э., и это как раз то время, когда, если мы можем судить по историческим свидетельствам и надписям, старый храм был разрушен и велись приготовления, по крайней мере, к его восстановлению. В любом случае, Павсаний никак не мог предположить, что ученик человека, работавшего в 427 году до нашей эры, мог создавать скульптуры для храма, построенного в шестом веке до нашей эры. Короче говоря, храм, который описывает Павсаний, не был храмом шестого века до нашей эры, и он никак не мог предположить, что это так. Храм, который он описывает, по всей вероятности, был храмом четвертого века до н.э. Его утверждение о том, что храм строился долго, полностью подтверждается надписями, которые доказывают, что процесс реконструкции растянулся на многие годы.

Таким образом, в каждом случае анализ свидетельств, приводимых для доказательства того, что Павсаний описал положение вещей, которое исчезло до него, выявляет лишь некоторую оплошность или неправильное понимание со стороны его критиков. Поэтому мы могли бы без дальнейших рассуждений предположить, что он описал Грецию такой, какой она была в его эпоху. Но если какой-либо читатель все еще настроен скептически, все еще ослеплен призрачной Полемикой, пусть он обратится к описанию Павсанием нового Коринфа | *New Corinth*.| и прочтите это со вниманием. Здесь был город, построенный в 44 году до н.э., более чем через столетие после Полемона, от которого, как предполагают некоторые, Павсаний находился в рабской зависимости. Тем не менее, он описывает город подробно и в топографическом порядке, прослеживая каждую улицу по мере того, как она вела от рыночной площади. Среди множества храмов, которые он упоминает в нем, есть храм Октавии и Капитолийского Юпитера; среди множества гидротехнических сооружений - акведуков, по которому Адриан, современник автора, доставлял воду из Стимфалийского озера в Коринф. И его описание города с его храмами, изображениями, фонтанами и порталами в полной мере подтверждается монетами эпохи Империи. Перед лицом этого единственного примера невозможно утверждать, что Павсаний, должно быть, позаимствовал большую часть своих описаний у писателей, живших до 170 г. до н.э. Если он мог так хорошо описать Коринф без их помощи, почему бы ему самому не описать Афины, Олимпию и Дельфы? Способность к описанию также не подводит его, когда он переходит к произведениям, созданным при его собственной жизни. Не говоря уже о его многочисленных замечаниях о работах Адриана, таких как Олимпийский дворец в Афинах с его колоссальными изображениями из золота и слоновой кости и библиотека с ее колоннами из фригийского мрамора, позолоченной крышей,

алебастровыми украшениями, статуями и картинами, он дал нам подробный отчет об изображениях, посвященных его современником Иродом Аттиком в храме Посейдона на Перешейке. |Изображения, посвященные

Иродом

Аттиком

на перешейке. | Он описывает изображения Амфитриты и Посейдона, выполненные из золота и слоновой кости, стоящие прямо в колеснице, запряженной позолоченными лошадьми с копытами из слоновой кости; изображение Палемона, также выполненное из золота и слоновой кости, стоящего верхом на дельфине; двух тритонов рядом с лошадьми, каждый из которых сделан из золота от пояса вверх и из слоновой кости от пояса вниз; и рельефы на пьедестале изображений, включающие фигуру Моря, держащего младенца Афродиту, с Нереидами и диоскурами по обе стороны. Если он мог так подробно описать работу малоизвестного современного художника, о котором он не снисходит до упоминания, то какие у нас основания думать, что он сам не смог бы описать знаменитые изображения, сделанные великой рукой Фидия, образ Богородицы в Афинах и образ Зевса в Олимпии? Короче говоря, если Павсаний скопировал свои описания из книги, то это должно было быть из книги, написанной при его жизни, возможно, другим человеком с тем же именем. Теория переписчика Павсания сводится к абсурду.

Павсаний

и

существующие
памятники.

Лучшим доказательством того, что Павсаний изобразил нам Грецию такой, какой она была в его дни, а не какой перестала быть задолго до этого, являются памятники. Во всех частях страны правдивость его описаний подтверждается остатками зданий, которые он описывает, и там, где этих остатков наиболее много, как, например, в Олимпии, Дельфах и Ликосуре, у нас есть больше всего оснований восхищаться его скрупулезной точностью. То, что он был непогрешим, никогда не подтверждалось, а если бы это было так, раскопки опровергли бы столь глупое утверждение, поскольку они позволили нам обнаружить некоторые ошибки, в которые он впадал. Например, он ошибочно принял фигуру девушки за фигуру мужчины на восточном фронте храма Зевса в Олимпии; он неверно истолковал позу Геркулеса и Атласа в одной из метоп того же храма; он утверждал, что колоссальные изображения в Ликосуре были сделаны из цельного куска мрамора, тогда как мы знаем, что они были сделаны из нескольких блоков, подогнанных друг к другу; и он описал храм Афины Алеи в Тегее как самый большой на Пелопоннесе, хотя на самом деле он был намного меньше храма Зевса в Олимпии. Эти и подобные ошибки, как и опечатки, которые он иногда допускал при чтении надписей, не придают никакой окраски обвинению в недобросовестности. Все, что они показывают, - это то, что он разделял общие слабости человечества, что его зрение иногда обманывало его, что его внимание иногда ослабевало, что иногда он, возможно, слишком внимательно прислушивался к разговорам местных гидов. Если это грехи, то они, конечно, не являются непростительными. Те, кто пошел по его стопам в Греции и на основе личного опыта составил некоторое представление, по необходимости незначительное, о масштабах задачи, которую он поставил перед собой, и о трудностях, которые ему пришлось преодолеть при ее выполнении, вероятно,

будут наиболее готовы сделать поправку на неизбежные несовершенства, будут наиболее благодарны ему за то, что он сделал, и менее всего склонны осуждать его за то, что он не завершил. Без него руины Греции по большей части были бы лабиринтом без ключа, загадкой без ответа. Его книга дает ключ к лабиринту, ответ на многие загадки. Ее будут читать и изучать до тех пор, пока Древняя Греция будет продолжать привлекать внимание и пробуждать интерес человечества; и если допустимо прогнозировать результаты исследований в будущем исходя из результатов исследований в прошлом, мы можем рискнуть предсказать, что, хотя они скорректируют описания Павсания по некоторым незначительным пунктам, они подтвердят их по многим другим и не выявят ничего, что могло бы поколебать уверенность разумных и беспристрастных людей в его чести и добросовестности.

II. Оропус. Равнина Ороп простирается вдоль берега примерно на пять миль; вглубь страны она сужается до точки в двух или трех милях от берега, где Асоп выходит из красивого ущелья. На этом внутреннем углу равнины, на противоположных берегах реки, стоят современные деревни Оропо и Сикамино. Но территория Оропа включала, по крайней мере, некоторые из невысоких холмов, окружающих равнину, поскольку холмы Оропа когда-то были разделены между двумя аттическими племенами. Более того, святилище Амфиарая, принадлежавшее Оропу, стоит на холмистой местности к востоку от равнины. Весь этот район, лежащий между Эврипом и северными склонами горы Парнес, отличается удивительной природной красотой. Это холмистая и густо поросшая лесом местность, где дорога проходит между мягкими зелеными холмами и возвышенностями, с очаровательными и разнообразными видами через извилистые воды Еврипада к голубым горам Эвбеи, среди которых даже в жаркие дни лета можно увидеть величественный Дельф, сверкающий белизной снега. Путешественник, прибывший прямо с однообразной и бесплодной равнины Афин, выйдя с лесистого перевала Децелея, поражается контрасту между пейзажем, который он оставил позади, и тем, что внезапно развернулось у его ног. В древности эта дорога, проходившая мимо Афидны и которую можно было пройти пешком за день, была известна количеством и совершенством своих постоянных дворов, чего она, конечно, не имеет сейчас.

Местность между Оропом и Рамном, по которой Павсаний ведет своих читателей, носит аналогичный характер. Параллельные цепи холмов тянутся от горы Парнес до высокого обрывистого побережья; а между ними раскинулись плодородные долины, орошаемые приятными ручьями и покрытые буйной растительностью, с зарослями, в которых можно услышать пение соловья.

На месте города Оропус сейчас находится Скала Оропу, то есть 'порт Оропо', маленькая деревушка, красиво расположенная среди садов, лугов и источников, на берегу залива, который образован двумя низкими выступами на расстоянии пары миль друг от друга. За водой отчетливо видны белые дома Эретрии на берегу Эвбеи; горы над ними, если смотреть вечером с Оропа, темно-лазурного цвета. В море находятся остатки древнего волнореза, тянущегося

параллельно берегу. Среди найденных здесь остатков древности есть прекрасный мраморный рельеф лучшего периода греческой скульптуры, изображающий Амфиарая и его возницу Батона, едущих в колеснице, запряженной четверкой лошадей; скульптор выбрал момент, когда земля разверзлась, чтобы принять пророка; лошади в ужасе отшатываются при виде бездны, которая зияет у их ног.

Святилище Амфиарая, описанное Павсанием, расположено в приятной небольшой долине, не широкой и не глубокой, среди невысоких холмов, частично поросших сосновым лесом. Место, ныне называемое Мавродхилиси, находится примерно в четырех милях к юго-востоку от Скала-Оропу; Павсаний сильно преуменьшил расстояние. Путь к нему сначала проходит через кукурузные поля у моря, затем поворачивает вглубь страны и поднимается через леса. Ручей протекает по долине и прокладывает себе путь между берегами, окаймленными платанами и олеандрами, к морю, которое находится более чем в миле отсюда. Группы деревьев и кустарников, растущих по бокам долины и в которых поет соловей, простор зеленого луга у подножия, тишина и уединение этого места, его защищенный и солнечный вид - все это делало его прибежищем для инвалидов, которые толпились там, чтобы обратиться за советом к богу-целителю. Это место действительно настолько защищено, что даже майским утром жара в безвоздушной долине, когда греческое солнце палит с безоблачного неба, может показаться северянину несколько невыносимой. Но для грека это, несомненно, было приятно. Мы знаем, что оракул был открыт только летом; и Ливий говорит о "древнем храме, восхитительно расположенном среди источников и ручьев". Руины святилища, раскопанные несколько лет назад Греческим археологическим обществом, лежат на узкой полосковой земле на северном или левом берегу ручья.

III. Рамн.—Рамн - одно из самых одиноких и уединенных, но в то же время самых живописных и зеленых мест во всей Аттике. Он расположен на северо-восточном побережье Аттики, примерно в шести с половиной милях к северу от Като-Сульи, деревни, которая занимает место древнего Трикорифа. Расстояние хорошо согласуется с шестьюдесятью греческими фарлонгами (почти семью милями), в которые его оценил Павсаний. Дорога из Като-Суули сначала идет на северо-восток через северную часть Марафонской равнины, с которой она пересекает перевал, ведущий на север через холмы. Вскоре перевал открывается в высокогорную долину длиной три мили с юга на север и шириной в одну милю, окруженную с обеих сторон дикими и бесплодными холмами. Верхние склоны этих холмов скудно поросли елями; их нижние склоны заросли миртом, лентиком и многими видами колючих кустарников, особенно тем, что называется рамнус, что дало району его древнее название. Почва долины частично возделана, но большая ее часть покрыта густым подлеском и дубами вида *valanidia*. На низком плоском хребте, пересекающем долину с востока на запад, есть несколько древних руин, состоящих из стены фундаментов домов. В настоящее время во всей долине нет постоянного населения. На ее восточном краю расположено несколько грязных деревушек, которые время от времени арендуют крестьяне для ухода за своими полями. В целом местность выглядит одинокой и опустошенной.

К северному концу долины местность постепенно поднимается, а там, где она заканчивается, пейзаж меняется. Здесь, на северной оконечности долины, узкая лесистая долина длиной околополумили быстро спускается в северо-восточном направлении к морскому берегу. В начале долины, откуда открывается великолепный вид на ее лесистые глубины и через узкий канал Еврипид к высоким горам Эвбеи, возвышается величественная терраса, поддерживаемая изящно построенными стенами из белого мрамора, которые утопают в пышной поросли темно-зеленого кустарника и елей. В этом великолепном месте, венчающем террасу, бок о бок стоят руины двух храмов: знаменитого храма Немезиды и храма поменьше, вероятно, Фемиды. Внизу, там, где долина выходит на берег, изолированный скалистый холм выдается в море; а по его бокам, наполовину утопающие в густых зарослях вечнозеленых растений, возвышаются белые мраморные стены и башни Рамнуса.

IV. Марафон. Марафонская равнина, место достопамятного поражения персов от афинян в 490 году до н.э., представляет собой участок плоской земли в форме полумесяца, огибающий берег просторной бухты и ограниченный со стороны суши полукругом крутых гор с голыми скалистыми склонами, которые резко поднимаются над равниной. В своем северо-восточном углу равнина заканчивается узким скалистым мысом, уходящим на юг далеко в море и защищающим залив на северо-востоке; в древности этот мыс назывался Киносурса ('собачий хвост'), сейчас он называется мысом Стоми или мысом Марафон. На своей южной оконечности равнина заканчивается горой Агриелики, отрогом горы Пентеликус, которая здесь выдвигается так далеко на восток, что оставляет лишь узкую полосу плоской земли между собой и морем. Через эту полосу ровной земли у подножия горы Агриелики проходит единственная автомобильная дорога, соединяющая Марафон с Афинами. Протяженность Марафонской равнины с северо-востока на юго-запад составляет около шести миль; ее ширина колеблется от полутора до двух с половиной миль. Берег представляет собой пологий песчаный пляж, свободный от камней и отмелей, и хорошо подходит для высадки войск. Большое болото, покрытое острой камышовой травой и отделенное от моря узкой полосой песчаного пляжа, поросшего соснами, занимает большую часть северной оконечности равнины. Он никогда не пересыхает полностью даже в летнюю жару; два канала, построенных генералом Суцосом, лишь частично осушили его. Кусты тамариска растут в более сухих частях болота; весной их алые соцветия бросаются в глаза. Болото самое глубокое на своей западной стороне, где его отделяет от крутого скалистого склона горы Ставрокораки только узкий проход, едва ли достаточный для того, чтобы две лошади могли пройти друг мимо друга. Древняя дорога, которая вела на север от Марафонской равнины к Рамну, проходила по этому узкому проходу между болотом с одной стороны и склоном горы - с другой. Лик заметил здесь следы колес древних колесниц; и еще несколько лет назад длинная полоса камней, немного дальше к югу, отмечала линию древней дороги. На северном конце этого ущелья между болотом и горой стоит современная деревня Като-Соули. Примерно в четверти мили к югу от него, недалеко от дороги и подножия горы, находятся самые глубокие заводи болота; их легко отличить по пышной

растительности, которая их окружает, особенно заметны высокие заросли тростника. Эти водоемы, возле которых скот находит зеленые пастбища летом, когда равнины выжжены и коричневеют от жары, питаются из мощных подземных источников, Макарии древних, о которой Павсаний рассказывает нам легенду о Макарии, дочери Геркулеса, давшей свое имя источнику. Страбон говорит, что голова Эврисфея была отрублена и похоронена Иолаем у источника Макария, под большой дорогой, и что поэтому это место получило название 'голова Эврисфея'. В Като-Соули, примерно на полпути вверх по склону холма, возвышающегося над деревней, есть несколько неглубоких нишеобразных выемок в скале, мало чем отличающихся от яслей. Возможно, именно этим нишам народная фантазия дала название 'яслей для лошадей Артаферна'. На противоположной, или восточной, стороне большое болото заканчивается небольшим озером с соленой водой, которое сейчас называется Драконера, что означает 'драконья вода' или 'заколдованная вода'. Это озеро впадает в море ручьем, который протекает как раз в том месте, где заканчивается песчаный пляж залива и начинаются скалы мыса Киносура. В озере ловят морскую рыбу, а в пресноводных бассейнах болота - угрей. Соленое озеро, возможно, образовалось со времен Павсания, поскольку он описывает только болото и ручей, впадающий из него в море. На южной оконечности Марафонской равнины, между морем и подножием горы Агриелики, есть еще одно, но гораздо меньших размеров, болото под названием Врексиса. Его наибольшая ширина составляет около полумили. Он покрыт тростниковой травой и кустарниками и отделен от моря полоской песка. Большая дорога на Афины проходит между этим болотом и подножием гор.

Между этими двумя болотами, одним на севере, другим на юге, Марафонская равнина в настоящее время покрыта в основном кукурузными полями. Но ближе к его южной оконечности раскинулись виноградники, смешанные с оливками и фруктовыми деревьями и усеянные несколькими соснами и кипарисами. Дальше к северу одинокие дубы, растущие тут и там, и зеленая полоса смородиновых плантаций, протянувшаяся от подножия холмов до берега залива, нарушают однообразие бесконечных кукурузных полей. Равнина необитаема. Деревни расположены у подножия гор или в соседних долинах. Тихим осенним днем, под хмурым небом, широкие просторы пустынной равнины представляют собой пугающий и унылый вид. Не видно ни одного живого существа, за исключением, возможно, нескольких крестьян вдалеке, которые пашут на упряжках медлительных волов.

На этом обширном участке ровной местности взгляд привлекает, на небольшом расстоянии, единственный объект, неприметно возвышающийся над ней. Это знаменитый курган, ныне называемый Сорос, который покрывает останки афинян, павших в битве. Он возвышается над равниной в миле от подножия холмов, в полумиле от моря, и примерно в трех четвертях мили к северу от болота Врексиса. Это конический холмик светлой красноватой плесени, около тридцати футов высотой и двухсот шагов в окружности. Его вершина была несколько выровнена в результате раскопок; его бока поросли низким кустарником. У его подножия растет дикая груша. В апреле-июне 1890 года курган был раскопан под руководством г-на Стаеса по заказу греческого правительства. В нем были вырыты траншеи, и на глубине около девяти футов ниже нынешней поверхности равнины было обнаружено искусственное покрытие, сооруженное из песка и других материалов, около восьмидесяти пяти футов в длину и двадцати футов в ширину. На этом полу лежал слой пепла, древесного угля и человеческих костей, обугленных огнем и разлагающихся от сырости. Вперемешку с этим слоем пепла и костей стояло около тридцати фаянсовых ваз, большинство из которых были разбиты вдребезги. Эти вазы расписаны в обычном чернофигурном стиле; изображенные предметы, как правило, представляют собой

колесницы, но в некоторых случаях - всадников и пехотинцев. Помимо этих ваз, была найдена амфора с длинным горлышком, украшенная фризами зверей и чудовищ в восточном стиле, и крылатой фигурой восточной Артемиды; в другой вазе с двумя ручками из красновато-коричневой глины с украшениями в микенском стиле были обнаружены обугленные кости, возможно, генерала. Дальнейшие раскопки, проведенные в следующем году, обнажили жертвенную яму или траншею, проходящую по диагонали под курганом с севера на юг. Эта траншея выложена обожженным кирпичом и содержала золу, древесный уголь и кости животных и птиц, смешанные с фрагментами ваз с черным рисунком. Первоначально она была перекрыта кирпичами, которые упали внутрь. Кости, найденные в этой траншее, явно принадлежат жертвам, принесенным в жертву героям до того, как над их останками был насыпан курган; а обнаруженные вместе с ними разбитые вазы, возможно, были теми, которые использовались на поминальном пиру. Далее греческие археологи обнаружили некоторые следы, которые навели их на мысль, что даже после того, как курган был возведен, на нем продолжали ежегодно совершаться жертвоприношения. Это подтверждает утверждение Павсания о том, что жители Марафона почитали людей, павших в битве, как героев. Из надписи мы узнаем, что афинские юноши пришли к могиле, возложили на нее венки и принесли жертвы умершим.

Раскопки окончательно опровергли теорию, выдвинутую Э. Курциусом в 1853 году и поддержанную профессором Мильххефером еще в 1889 году, о том, что курган был доисторическим и не имел никакого отношения к битве при Марафоне. Ибо чернофигурные вазы, найденные с костями и прахом погибших, относятся к периоду персидских войн; следовательно, человеческие останки не могут быть ничем иным, как останками ста девяноста двух афинян, павших при Марафоне. Ошибочная теория Курциуса, по-видимому, была подтверждена некоторыми несовершенными раскопками, проведенными доктором Шлиманом в 1884 году. В кургане было подобрано множество бронзовых наконечников для стрел длиной около дюйма с круглым отверстием наверху для крепления древка; также было найдено большое количество черных кремней, грубо обтесанных по форме. Было высказано предположение, что эти кремни являются частями стрел с каменными наконечниками, которыми стреляли эфиопские лучники в персидской армии. Но против этого мнения настаивали на том, что подобные кремни были найдены на других древних стоянках в Аттике и в других местах, особенно в древнейших захоронениях на многих греческих островах, и не были найдены в Фермопилах и Платеях, где, как можно предположить, стрелы с каменными наконечниками летели дождем.

С Марафонской равнины в Афины ведут два основных маршрута; один из них идет по южному, другой - по северному склону горы Пентеликус. Первый маршрут выходит из равнины на ее южной оконечности и, проходя между подножием горы Агриелики и болотом Врексиса, на некотором расстоянии проходит параллельно побережью. Затем она поворачивает на запад и, пересекая глубокую долину, которая отделяет Пентелик на севере от Гимета на юге, выходит на Афинскую равнину. Это, безусловно, самая легкая дорога; это единственная, по которой могут передвигаться транспортные средства. Расстояние по этой дороге от большого кургана в Марафоне до Афин составляет около двадцати пяти или двадцати шести миль. Другой маршрут, по северному склону горы Пентеликус, ведет из Эноэ (современный Ниной) по очень крутой и трудной тропинке в Стамату, деревню, расположенную на возвышенности, окруженную несколькими бесплодными полями среди сосновых лесов. Во многих местах тропа настолько зажата между скалами и пропастями, что там есть место только для одной лошади. Деревья

встречаются редко, но каменистые склоны горы поросли кустарниками многих видов, среди которых в глаза бросается *Эрика древовидная*. Весной масса его белых цветов наполняет своим ароматом весь воздух. Примерно в получасе езды от Стаматы, в месте, где есть источник, затененный прекрасными платанами, к тропинке слева присоединяется другая тропа, тоже крутая и труднопроходимая, которая поднимается из Враны. С этой последней тропы открывается великолепный вид назад, в глубокий овраг, по которому поднялся путешественник. По обе стороны ущелья возвышаются горы, их отвесные склоны покрыты редкими сосновыми лесами или вечнозеленой рощицей и заканчиваются смелыми пиками; внизу расстилается зеленая ширь Марафонской равнины, за которой виднеется море и мыс Киносура, изгибающийся в голубой воде, как ятаган. Еще дальше, ограничивая перспективу, тянется длинная линия Эвбейских гор.

От Стаматы тропа огибает северо-западный склон горы Пентелик и входит в Кефизию, откуда через равнину ведет хорошая шоссейная дорога в Афины. Расстояние по этому маршруту от Марафонского кургана до Афин составляет примерно около двадцати двух миль.

Третий маршрут, промежуточный между двумя предыдущими маршрутами и более короткий, чем любой из них, идет из Враны вверх по дикому романтическому ущелью Рапентоза и пересекает южное плечо горы Пентеликус, самая высокая вершина которой находится слева примерно в миле к западу. Это труднопроходимая и обрывистая тропа, труднопроходимая даже для тяжелой пехоты. На расстоянии немногим более девяти миль маршрут поднимается и спускается по хребту, который возвышается более чем на две тысячи пятьсот футов над равниной внизу.

Очевидно, что первый из этих маршрутов - единственная дорога, по которой могла пройти большая армия с кавалерией и обозом. Следовательно, когда персы высадились у Марафона под предводительством изгнанного афинского тирана Гиппия, который, конечно, был знаком с этой страной, они, должно быть, намеревались наступать на Афины южной дорогой, и, следовательно, афиняне, должно быть, двинулись им навстречу той же дорогой; ибо, если бы они пошли северной дорогой, враг мог бы ускользнуть от них, и его кавалерия могла бы выйти на улицы Афин в то время, когда афиняне выходили из ущелий Пентелика на Марафонской равнине. Таким образом, путешественник, который едет в Марафон по каретной дороге, может быть уверен, что он очень точно следует маршруту, по которому афинская армия продвигалась к месту сражения.

V. Prasiae. Городок Прасий был расположен в просторной и красивой бухте, которая сейчас называется Порто-Рафти, на восточном побережье Аттики, примерно в шестнадцати милях к северо-востоку от Суниума. Из плодородной долины Кефале (ныне Кератея) тропинка ведет на северо-восток через очень глубокую и узкую долину к берегу залива. В глубине этой романтической долины извивается русло ручья, которое иногда почти или полностью пересыхает. Склоны долины, изрезанные руслами бурных потоков и рифлеными скалами, так густо поросли соснами и кустарником, что во многих местах по ней трудно пробраться.

Пасущиеся стада овец коз, а весной трели многочисленных соловьев в зарослях сами по себе скрашивают уединение. В конце долины, которая имеет около трех миль в длину, перед нами внезапно открывается вид на широкий залив, окруженный бесплодными горами. На севере гора Ператия, с ее зубчатым гребнем и смелыми красивыми очертаниями, спускается почти отвесными обрывами в воду, ее склоны голые, за исключением кое-где редких участков соснового леса. На юге возвышается, темная и массивная, более высокая Мавронори ('черная гора'). От своего подножия скалистый мыс Корони далеко вдается в море, прикрывая залив с востока и сужая его вход примерно до мили с четвертью. Прямо посередине входа, преодолевая силу волн, когда ветер дует с востока, скалистый островок в форме сахарной головы или пирамиды круто поднимается из моря на высоту около трехсот футов. Его склоны, поросшие чечевичным кустарником и карликовыми соснами, настолько круты, что взобраться на него можно только с одной стороны, северной. На его вершине, обращенной к морю, возвышается колоссальная, но безголовая и безрукая статуя из белого мрамора на высоком пьедестале, блоки которого разрушались во время визита Додуэлла, но теперь скреплены железными скобами. Считается, что эта статуя, которая, судя по ее стилю, относится ко временам Римской империи, напоминает портного (*рафти*), сидящего за своей работой; отсюда и нынешнее название бухты - Порто-Рафти. Было высказано правдоподобное предположение, что это памятник, описанный Павсанием как гробница Эрисихтона, погибшего в море по пути домой с Делоса. Поразительный памятник, возвышающийся на высоком одиноком острове над синим морем, возможно, был воздвигнут на традиционном месте могилы героя каким-нибудь богатым меценатом времен римской империи, возможно, самим Иродом Аттиком.

Внутренняя часть бухты разделена надвое выступающей из берега скалистой косой, к которой она прикреплена невысоким перешейком. Мыс получил свое название от часовни Святого Николая, которая стоит на перешейке; небольшой остров недалеко от мыса до сих пор носит название Прасониси или 'Остров Прасии'. Якорная стоянка рыбацких лодок находится на северной стороне перешейка, и здесь находятся несколько жалких лачуг, составляющих деревушку Порто Рафти. Деревня не заселена постоянно. Бухта, хотя и является одной из лучших гаваней Греции, пустынна и редко посещается, за исключением лета. Днем можно встретить крестьян, которые работают в полях или везут рыбу в соседние деревни. Но в течение всех холодных сезонов года и даже летом по вечерам глубокая тишина, нарушаемая лишь шумом прибоя на пляже, царит на побережье этого прекрасного залива, один из самых справедливых сцен в Аттике.

На северном берегу залива есть несколько скудных остатков древности, которые, по-видимому, принадлежали городу Штирия. Прасий лежал на южном берегу, который до сих пор носит древнее название. Здесь, между песчаным и частично заболоченным пляжем и холмами, тянется полоса ровных кукурузных полей, поросших оливами и величественными пробковыми дубами. Некоторые остатки древней стены можно проследить в саду недалеко от берега, где также есть древний колодец. Но песок здесь засыпается так быстро, что несколько лет назад в даунсе были обнаружены руины часовни с несколькими христианскими могилами. Цитадель Прасии занимала скалистый мыс Корони (вероятно, древняя Коронейя), который, как мы видели, прикрывает залив с востока. Этот крутой мыс, соединенный с материком низким песчаным перешейком, очевидно, когда-то был островом; действительно, вся южная часть залива постепенно заносится песком. Крепостные стены толщиной в шесть футов, построенные без применения строительного раствора, можно обойти по всей вершине мыса, который, кроме того, так хорошо защищен своими крутыми утесами, что атака со стороны моря, должно быть,

была практически невозможна. Другая стена толщиной от восьми до десяти футов, которая, по-видимому, была укреплена башнями или бастионами, тянется в юго-западном направлении от кольцевой стены цитадели. Вероятно, она служила надворной постройкой и, возможно, доходила до самого берега, хотя сейчас на некотором расстоянии исчезает над водой. Внутри кольцевой стены цитадели сохранились остатки ряда поперечных стен, тянущихся к ней под прямым углом; но сейчас они настолько заросли густым подлеском, что проследить их почти невозможно. С вершины мыса открывается прекрасная перспектива, с одной стороны, на благородный залив с его скалистыми островками, с другой стороны, через море на Эвбею, Андрос и Кеос. Белые дома, которые сверкают на улицах, принадлежат современному городу, расположенному на месте древнего Юлиса.

VI. Гора Гиметтус. Очертания Гимета, если смотреть из Афин, ровные и правильные; но его склоны изрыты зимними ливнями, а основание разбито на множество небольших изолированных холмов конической формы. За исключением своего основания, хребет практически лишен почвы. Дикие оливы, мирты, лавры и олеандры встречаются только в некоторых оврагах у подножия горы. Его крутые скалистые склоны сложены из серого мрамора, покрытого швами и трещинами во всех направлениях. Однако некоторые низкорослые кустарники, в том числе чечевица, теребинт и можжевельник, а также сладко пахнущие травы, такие как тимьян, лаванда, чабер и шалфей, растут в расщелинах скал и вместе с такими цветами, как гиацинты и пурпурные крокусы, обеспечивают пчел пищей, из которой они до сих пор добывают знаменитый гиметтинский мед. Гиметт, по-видимому, был таким же голым и безлесным в классической древности, как и сейчас; поскольку Платон отмечает, что некоторые из аттических гор, которые теперь давали пищу только пчелам, в не очень отдаленные эпохи снабжались древесиной, из которой в то время, когда он писал, еще были покрыты крыши некоторых очень больших зданий. Мед Гиметта был известен. Говорили, что, когда Платон был младенцем, пчелы Гиметта наполнили его рот медом. Рассказывали, что пчелы впервые появились на горе. Поэты говорили о цветущем и благоухающем гиметтусе. Особо упоминаются тимьян и тимьян ползучий (*serpyllum*) Гиметтуса; тимьян ползучий был пересажен в Афины и выращивался там. Когда древние авторы говорят об аттическом меде в целом, они, возможно, имели в виду гиметтианский мед. Витрувий сравнивает аттический мед по цвету со смолой, что точно описывает цвет современного гиметтианского меда. Когда Синезий посетил Афины в пятом веке нашей эры, он обнаружил, что слава их философов канула в лету, но слава пчеловодов все еще оставалась. Мнения относительно качества современного гиметтинского меда расходятся. Лик заявил, что он превосходит мед остальной Аттики и окружающих провинций Греции. Другие считают, что он уступает меду из других частей Греции, таких как Киклады, Коринф и Фивы, а также вересковому меду Шотландии и Ирландии. Большая часть меда, продаваемого под названием Hymettian, поступает из Турко Вуни, к северу от Афин, и из других частей Аттики.

Гиметт также был известен в древности своим мрамором, который, по-видимому, особенно ценился римлянами. Этот мрамор, который до сих пор добывается в больших количествах на

Гиметте, представляет собой голубовато-серый полосатый мрамор, более мелкой и плотной зернистости, чем белый пентелический мрамор, но намного уступающий ему по красоте. Греки, по-видимому, не использовали его широко до третьего века до нашей эры. С этого времени мы находим его используемым для надгробий, надписей и облицовки зданий. Основные каменоломни находятся на западной стороне горы, на склонах, которые окружают долину Святого Георгия с юга и юго-востока и которые с другой стороны почти отвесно спускаются в "Долину Дьявола" или "Злую долину", самое глубокое и дикое ущелье в Хайметтусе. Остатки древней дороги или горки, по которой доставляли блоки из каменоломен, можно увидеть примерно в ста ярдах над часовней Святого Георгия; дорога, по-видимому, вела серпантинном вниз по склону, а не по прямой, как дорога из каменоломен на Пентеликусе. Большая часть верхнего гребня Гиметта состоит из белого мрамора, напоминающего белый мрамор Пентелика, но уступающего ему по кристаллической структуре и более тусклого белого цвета. Древние, по-видимому, мало использовали этот белый гиметтианский мрамор.

Считалось, что облака на Гиметте предвещают дождь; если во время шторма было видно, как длинная гряда облаков опускается на гору, это означало, что шторм будет набирать силу. Гиметт по-прежнему, как и в старые времена, примечателен чудесным пурпурным сиянием, исходящим от него, если смотреть на него из Афин при вечернем освещении. Когда солнце садится, по всей горе разливается розовый румянец, который по мере того, как дневной свет угасает и тени ползут вверх по склону, незаметно переходит от всех промежуточных оттенков цвета к самому глубокому фиолетовому. Этот пурпурный оттенок характерен для Гимета; ни одна из других гор, окружающих Афинскую равнину, не приобретает его в любое время суток. Когда над Гиметтом засияли лучи заката, Сократ осушил отравленную чашу.

VII. Гора Пентеликус.—Пентеликус - это пирамидообразная гора высотой от трех до четырех тысяч футов, которая замыкает Афинскую равнину на северо-востоке, на расстоянии около десяти миль от Афин. Его верхние склоны, видимые с Афинского Акрополя, удачно сравнили с фронтоном греческого храма. В прозрачном воздухе Аттики невооруженным глазом, глядя с Акрополя, можно различить белую линию древних каменоломен, спускающуюся несколько правее самой высокой вершины прямо в долину, где находится монастырь Мендели, скрытый промежуточными высотами; слева от вершины, на полпути вверх по склону, можно различить большие белые пятна, отмечающие место современных каменоломен.

Но хотя вид пирамидальной или двускатной вершины больше всего поражает наблюдателя в Афинах, на самом деле Пентеликус представляет собой горную цепь с рядом вершин поменьше, простирающихся с северо-запада на юго-восток на расстояние около четырех с половиной миль. Древние каменоломни расположены на юго-западной стороне самого высокого пика. Их можно насчитать двадцать пять, одна над другой; самая высокая расположена недалеко от высочайшего хребта, на высоте более трех тысяч трехсот футов над уровнем моря. До них можно добраться из монастыря Мендели, самого богатого монашеского учреждения в Аттике, которое

расположено на хорошо орошаемой лесистой поляне у южного подножия горы, примерно в тысяче двухстах футах над уровнем моря. Земля перед монастырем затенена гигантскими белыми тополями, под которыми протекает источник с превосходной водой. Название Мендели является современным эквивалентом Пентеле, названия древнего городка, местоположение которого, возможно, отмечено некоторыми древними блоками и следами стен и террас у часовни Святой Троицы, немного к северо-востоку от монастыря.

Каменоломни расположены в оврагах над монастырем. Древняя дорога, очень крутая и неровная, ведет к ним по восточной стороне главного оврага. Дорога грубо вымощена; мраморные блоки, вероятно, были сброшены с нее на деревянных горках. Через определенные промежутки времени можно увидеть квадратные отверстия, вырубленные в скале у обочины дороги; возможно, в этих отверстиях были закреплены балки, поддерживавшие деревянные опоры. Дорога, по-видимому, заканчивается у главного карьера, в месте, которое сейчас называется Спилия, на высоте двух тысяч трехсот футов над уровнем моря. Здесь скала была вырыта таким образом, что осталась гладкая перпендикулярная стена из мрамора, вершина которой окаймлена елями. На поверхности скалы можно увидеть тонкие и правильные следы древних резцов, расположенные горизонтальными рядами. У подножия этой мраморной стены, заросшей кустарником и увитой лианами, находится низкий вход в сталактитовый грот, хорошо известный посетителям, о чем свидетельствуют названия, вырезанные и нарисованные на стенах. Вход частично застроен стенами византийской эпохи; справа, перекрытая скалой, находится часовня Святого Николая. Грот просторный, прохладный и темный; его пол несколько спускается от входа внутрь. Примерно в шестидесяти шагах от входа есть небольшой боковой грот с каменным бассейном, полным холодной ключевой воды.

Изучение отметин на скале показывает, что древние регулярно добывали мрамор прямоугольными блоками, сначала делая бороздки вокруг каждого блока долотом, а затем выдавливая их клиньями. Результатом этого стало то, что карьеры остались в виде огромных прямоугольных вырубков в склоне горы.

Камень, добываемый в этих карьерах, представляет собой белый мрамор с очень мелкой зернистостью. Его легко отличить от паросского мрамора — другого белого мрамора, обычно используемого греческими скульпторами и архитекторами, — по более мелкой зернистости и непрозрачной молочной белизне; в то время как паросский мрамор состоит из крупных прозрачных кристаллов и имеет сверкающую снежную белизну. Паросский мрамор напоминает кристаллизованный сахар; пентелический мрамор напоминает застывшее молоко, хотя его поверхность, конечно, более зернистая. Пентелический мрамор, единственный среди всех греческих мраморов, содержит легкий привкус железа; поэтому его поверхность при длительном воздействии непогоды приобретает ту богатую золотисто-коричневую патину, которой так восхищаются колонны Парфенона и другие здания, построенные из пентелического мрамора. С другой стороны, паросский мрамор, хотя и легче выветривается, чем пентелический, из-за более грубой зернистости, всегда остается ослепительно белым. Пентелический мрамор всегда четко расслаивается, и местами он испещрен прожилками серебристо-белой, зеленой и красновато-фиолетовой слюды. Испещренные такими прожилками блоки были либо выброшены древними, либо использовались ими для строительства зданий, а не скульптур. Но даже в архитектуре эти прожилки слюды имели тот недостаток, что поверхности, содержащие их, при длительном воздействии непогоды

раскалывались и отслаивались хлопьями, как мы можем видеть на барабанах колонн Олимпеума или Парфенона.

Помимо уже описанного прекрасного белого мрамора, который обычно известен просто как пентелический мрамор, на горе Пентелик встречается серый, голубовато-серый и с серыми прожилками мрамор, идентичный по виду мрамору, известному как химеттианский, потому что древние добывали его на горе Химетт. Этот серый или голубовато-серый мрамор относится к более позднему геологическому образованию, чем белый. По-видимому, древние люди не добывали его на Пентелике; по крайней мере, на горе не было обнаружено никаких его древних карьеров. Но сейчас его добывают в больших массах в крупных современных каменоломнях к востоку от Кефисии, и он снабжает Афины строительным материалом для домов высшего класса и общественных сооружений; из него делают даже брусчатку.

Час подъема от большого карьера в Спилии приведет нас на вершину Пентелика. Тропа поднимается по склонам, которые не так много лет назад были густо поросшими лесом, но теперь стали голыми и каменистыми. Вид с вершины самый ясный и всеобъемлющий, который только можно получить на Аттический полуостров. Под нами, на севере, отчетливо виден серповидный залив Марафон. Заснеженная вершина Парнаса закрывает перспективу на западе; горы Эвбеи ограничивают ее на севере; а к югу, в ясную погоду, остров Мелос едва виден на расстоянии от девяноста до ста миль. На гребне, немного ниже и к юго-востоку от вершины Пентеликуса, есть небольшая платформа, на которой с трех сторон видны следы того, что она была высечена в скале. Он находится точно на линии древней мощеной дороги, которая, однако, заканчивается значительно ниже, у большого карьера. На этой платформе, вероятно, стояло изображение Афины, упомянутое Павсанием.

VIII. Филе.—Экспедиция к руинам Филе - любимая экскурсия посетителей Афин. Расстояние по дороге составляет около четырнадцати миль. Диодор действительно оценивает расстояние в сто греческих фарлонгов, или одиннадцать миль. Но он ошибается. Демосфен, более правильно, говорит, что оно составляло более ста двадцати греческих фарлонгов. Автомобильная дорога тянется до Часии, большой деревни на южных склонах горы Парнес, примерно в десяти милях от Афин. За этим местом дорога представляет собой не что иное, как крутую и каменистую тропу. После получасового подъема по ней мы подходим к месту соединения двух глубоких и диких долин. В долине справа или к востоку романтически возвышается маленький монастырь Богородицы Дефиле у подножия отвесных пропастей. Тропинка в Филу (которая в то же время является прямой дорогой в Фивы) быстро петляет по узкой западной долине через редкий еловый лес. Местами тропа вырублена в скале, а ущелье настолько узкое, что горстка людей могла бы с легкостью пройти по нему против целой армии. До Филы можно добраться примерно за час и три четверти пути от Часии. Крепость с ее массивными стенами и башнями венчает высокую обрывистую скалу на южной стороне перевала, над которым она полностью доминирует. Горный хребет соединяет скалу с более высокими горами на востоке; и вдоль этого хребта находится единственный подход к крепости. На западе и юге склоны скалы резко обрываются в глубокое ущелье, которое прерывается

огромными пропастями, поросшими елями и хохолками кустарника и подлеска. Руины крепости окружают небольшое плато, едва ли трехсот футов длиной с востока на запад, на вершине утеса. Стены и башни, построенные из тонких четырехугольных блоков без строительного раствора, лучше всего сохранились с северо-восточной стороны, где они до сих пор возвышаются на семнадцать ярусов. Башня в северо-восточном углу круглая; две другие оставшиеся башни квадратные. Главные ворота находились с восточной стороны, к ним можно было подойти со стороны хребта. Далее был задний ход, к которому также можно было подойти с гребня, недалеко от юго-восточного угла. Из крепости, возвышающейся более чем на две тысячи футов над уровнем моря, открывается великолепный вид на всю Афинскую равнину с самими Афинами и Гиметтом, а также на море с Саламином, Эгиной и побережьем Пелопоннеса.

Высокая вершина, ныне называемая горой Пагания, которая возвышается непосредственно к северо-востоку от Филы в виде стены из голой скалы в форме полумесяца, вероятно, является древней Хармой, за которой афинские авгуры наблюдали до тех пор, пока не увидели вспышку молнии на ее вершине, после чего они отправили жертву в Дельфы. Страбон прямо говорит, что Харма находилась недалеко от Филы. С восточной стороны пик обрывисто спускается в глубокую долину, о которой уже упоминалось, у входа в которую находится монастырь Богоматери Дефиле.

Дальше по этой долине, чем монастырь, на высоте нескольких сотен футов над потоком (Потами), который пересекает ее, есть пещера, которую иногда посещают. Прямое расстояние этой пещеры от монастыря составляет всего около полутора миль. Но в долине ручей, окруженный с обеих сторон обрывами, спускающимися с гор, проложил себе между ними русло, такое глубокое и неровное, что пробираться по нему невозможно, даже когда вода стоит на самом низком уровне. Следовательно, чтобы добраться до пещеры, необходимо сделать большой крюк по западным склонам горы Пагания и спуститься в долину в месте, расположенном намного выше. Сделав это, мы следуем по долине вниз мимо того места, где в нее впадает другая долина, притоком которой является Потами. Пещера расположена высоко на восточной стороне главной долины, немного ниже места слияния вод. Вскарabкаться к ней по крутому склону далеко не просто. Вход в пещеру настолько узок, что одновременно в него может войти только один человек; он открывается у подножия обрыва, затемненного нависающими деревьями и окруженного двумя утесами, которые торчат с обеих сторон, как крылья. В скале справа от входа в пещеру есть несколько обетных ниш со стертыми надписями под ними. Внутри пещеры, глубина которой может составлять около ста шагов, вода, капающая с крыши, образовала большие сталактиты и выдолбила впадины в полу. В нем в значительном количестве были найдены разбитые лампы и черепки, которые вместе с нишами для обета снаружи доказывают, что это уединенное место было древним святилищем. Скорее всего, это был Нимфей, или святилище нимф, о котором Менандр упоминал как о находящемся недалеко от Филы. Здесь также жители Филы, вероятно, приносили жертвы Пану, о котором упоминает Элиан. Ибо одна из надписей на скале за пределами пещеры гласит, что некий Тихандр приказал рабочим установить изображение Пана рядом с Селадонем и что жертвы приносились неким Трофимианом. Из этой надписи мы узнаем, что Потами, протекающий в глубине долины под пещерой, в древности назывался Селадон, или "Ревущий поток".

IX. Порт Афин.—Пирей, афинский порт, представляет собой скалистый полуостров, который вдается в море в юго-западном направлении более чем на две мили. Он состоит из двух массивов, каждый шириной более мили, которые соединены друг с другом несколько низким и узким хребтом или перешейком. Юго-западный массив, издревле известный как Акт, постепенно поднимается со всех сторон на высоту почти двухсот футов. Северо-восточная громада достигает высоты почти в триста футов на крутом скалистом холме Мунихия. Древние верили, что полуостров Пирей когда-то был островом и что он получил свое название потому, что это была земля по ту сторону (*перан*) воды. Современные наблюдения подтверждают мнение о том, что Пирей когда-то был островом. Полуостров соединен с материком полоской низкой заболоченной земли, возвышающейся над уровнем моря не более чем на восемь футов. Этот участок низменности, который древние называли Галипедоном, по-видимому, образован наносной почвой, принесенной с течением веков Кефисом, который впадает в море немного восточнее и который своими отложениями постепенно превратил скалистый остров в полуостров.

Пирей включает в себя три отдельные гавани, каждая из которых выходит в море отдельным входом. Это большая гавань, технически известная как Кантар, на северо-западной стороне полуострова, и две меньшие и почти круглые гавани Зея и Мунихия на юго-восточной стороне. Весь полуостров с его тремя гаванями в древности был сильно укреплен. Линия крепостной стены до сих пор прослеживается почти по всей ее окружности, и в большинстве мест фундаменты сохранились настолько хорошо, что можно реконструировать план крепости в целом. Стена тянется вдоль берега на таком расстоянии, чтобы быть вне досягаемости волн, и в то же время достаточно близко к морю, чтобы помешать врагу пустить в ход осадные машины на пляже. Он имеет толщину от десяти до двенадцати футов и очень тщательно сложен из прямоугольных блоков местного известняка без использования строительного раствора. Каменоломни, в которых были обтесаны камни, можно наблюдать во многих точках как за стеной, так и перед ней. В местах, где камни были извлечены из стены, чтобы послужить строительным материалом для современного города, мы можем видеть канавки, вырубленные в скале, в которые первоначально были уложены камни. Каждая из этих канавок имеет ширину около двух с половиной футов и проходит параллельно друг другу, показывая, что только внешняя и внутренняя стороны стены были сплошной каменной кладкой, а сердцевина, должно быть, была, как и во многих древнегреческих стенах, засыпана щебнем и землей. В наиболее хорошо сохранившихся местах стена все еще возвышается на высоту пяти блюд или более. Он окружен башнями, которые выступают из-за занавеса с интервалом в шестьдесят-семьдесят ярдов.

В дополнение к этой дамбе, огибавшей побережье, входы в три гавани были сужены выступами прочной каменной кладки, которые выходили навстречу друг другу с обеих сторон, оставляя только узкий вход между их оконечностями. Длинные молы, которые таким образом загромождали вход в большую гавань, все еще существуют, хотя южный из двух был смыт волнами на глубину около тринадцати футов под поверхностью воды. Теперь они поддерживают

красные и зеленые огни, которые ночью обозначают вход в гавань. Гавань Зеи, естественно, сильнее великой гавани, и поэтому ей требовались менее сложные укрепления. Он состоит из круглого бассейна, лежащего примерно в двухстах ярдах от берега моря, к которому ведет канал шириной в сто ярдов. Вдоль этого канала с обеих сторон тянулись стены, так что кораблям противника, пытавшимся войти в гавань, пришлось бы пройти под перекрестным огнем. На своем внутреннем конце канал был с обеих сторон окружен башней из цельной каменной кладки, построенной прямо в воде, но соединенной с крепостными стенами. Третья гавань, Мунихия, самая маленькая из трех, находится дальше всего от бизнеса и суеты современного портового города, и поэтому в некоторых отношениях лучше всего сохранила реликвии древности. Первоначально это была просто открытая бухта, и поэтому требовались огромные каменные сооружения, чтобы превратить ее в военную гавань. Молы, построенные для этой цели, описаны лейтенантом фон Альтенем, который внимательно осмотрел их, как самые великолепные образцы древнегреческой фортификации, которые сохранились. В некоторых местах на внешних краях молов колоссальные глыбы, из которых они состоят, были нагромождены в диком беспорядке сильным прибоем и выступают подобно островкам над поверхностью воды. Каждый мол заканчивался башней; и узкий вход в гавань находился между башнями. Над крошечной котловиной возвышается холм Мунихия, который круто поднимается от берега. В случае опасности каждый из входов в гавань можно было закрыть цепью, натянутой между двумя башнями, которые примыкали ко входу. Цепь, по-видимому, была покрыта смолой, чтобы предотвратить ее ржавление в воде.

Со стороны суши полуостров был защищен стеной, которая начиналась от гавани Мунихии, поднималась на холм и, пройдя некоторое расстояние по краю плато, постепенно спускалась на запад к мелководному северному заливу большой гавани, через который ее, по-видимому, перенесли по молу или дамбе. Эта стена, обращенная к суше, судя по ее сохранившимся остаткам, по-видимому, была шедевром военной инженерии, и каждая возможность, предоставленная природой местности для укрепления укреплений, была безошибочно использована. Естественно, самым слабым местом во всей цепи было то место, где стена пересекала равнину между холмом Мунихия и большой гаванью. Соответственно, здесь мы находим стену особенно прочной; она имеет толщину двадцать шесть футов и построена из цельной каменной кладки из больших квадратных блоков без какой-либо сердцевины из щебня. Естественно, ворота были расположены в этой стене, обращенной к суше, и открывались на север. Можно различить остатки четырех из них. Главные ворота, обрамленные по бокам двумя квадратными башнями на овальных основаниях, стояли на равнине между северо-восточной оконечностью великой гавани и высотами Мунихии. Через него, несомненно, пролегалo шоссе, ведущее в Афины; и здесь, у небольшого бокового портала для пешеходов, вероятно, стояло изображение Гермеса, которое девять архонтов посвятили, когда приступили к укреплению Пирея. Немного восточнее этих главных ворот и на чуть более высоком месте находятся еще одни ворота, через которые между двумя длинными стенами проходила дорога в Афины. Ворота двойные, то есть представляют собой почти квадратную площадку с воротами на каждом конце. Причина такой конструкции, обычной для греческих укреплений, заключалась в том, что, если враг взломает внешние ворота, перед ним все равно останутся вторые ворота, и тем временем он окажется зажатым в узком дворике, как в ловушке, со стен которой на него со всех сторон будут обрушиваться снаряды защитников.

Доки Пирея были одной из достопримечательностей Афин. Демосфен упоминает их наряду с Парфеноном и Пропилеями. Когда афинский флот насчитывал около четырехсот военных

кораблей, мы узнаем из надписей, что количество доков составляло триста семьдесят два. Но это превышение количества судов над доками вряд ли могло вызвать неудобства, поскольку некоторые суда, должно быть, всегда были в строю. В гаванях Зеи и Мунихии до сих пор можно увидеть очень значительные остатки древних доков. Плоский пляж со всех сторон бассейна Зеи был обнесен стеной из тесаного кирпича, которая огибала гавань на расстоянии пятидесяти-шестидесяти футов от кромки воды. Он образовывал заднюю стену всех доков, которые уходили в воду под прямым углом и параллельно друг другу. Средняя ширина каждого дока или причала составляла около двадцати футов. Доки были отделены друг от друга рядами колонн, фундаменты которых, расположенные на пологом каменистом пляже, ступенчато спускаются к воде и продолжают под ней на некотором расстоянии. Эти колонны поддерживали крыши, которые, вероятно, были деревянными, поскольку никаких остатков каменной крыши обнаружено не было. Между этими разделяющими рядами колонн скала была выдолблена и сглажена, так что она образует наклонную плоскость, постепенно спускающуюся, подобно рядам колонн, к морю и продолжающуюся некоторое время под водой. Каждая из этих наклонных плоскостей образовывала пол причала. В середине каждого этажа сооружен каменный пирс шириной около десяти футов и высотой в ярд; в некоторых местах местная скала, вытесанная по бокам, была оставлена в центре, чтобы образовать пирс таких же размеров. По этим причалам, построенным или высеченным в скале, поднимались и опускались древние корабли. Их остатки до сих пор можно увидеть по всей гавани Зеи, уходящей под воду.

Единственными остатками древних кораблей, найденными в Зее, являются несколько плит из паросского мрамора, изображающих большие глаза. Очевидно, это были корабельные глаза, которые раньше крепились к носу древнегреческих судов. Поллукс говорит нам, что название корабля было нарисовано рядом с его глазом. Филострат описывает изображение этрусского пиратского корабля, покрашенного в синий цвет, со свирепыми глазами на носу, устрашающими врага. В списке пропавшего или непригодного к эксплуатации корабельного оборудования, сохранившемся в виде надписи, дважды упоминается сломанный корабельный глаз. На некоторых глазах, найденных в Зее, сзади видны следы красной краски; краска, вероятно, прилипла к ним с бортов кораблей, поскольку нос корабля часто окрашивали в красный цвет. Современные итальянские моряки иногда до сих пор рисуют глаз на носу своего судна. На Востоке также на каждом судне, принадлежащем китайцу, от сампана до винтового парохода английской постройки, на носу нарисована пара глаз, чтобы оно могло видеть свой путь и высматривать затонувшие скалы и другие опасности морских глубин. Действительно, во всех частях Восточной Азии, куда путешествует много китайцев, у всех местных пароходов, независимо от того, принадлежат они китайцам или нет, есть глаза; в противном случае ни один китаец не путешествовал бы на них и не отправлял бы на них свои товары.

Еще одним известным сооружением в Пирее был арсенал, который являлся необходимым дополнением к военно-морским докам. Мы знаем от древних авторов, что он был построен по проектам архитектора Зенона, который объяснил их народу в речи, снискавшей ему высокую репутацию красноречия. Здание вызывало восхищение своей элегантностью, и афиняне гордились им. Однако в конце концов оно было сожжено римлянами при Сулле, и до сих пор не обнаружено никаких его следов. Но по необычайной удаче указания, данные подрядчику на его строительство, были сохранены для нас. Они были обнаружены в 1882 году выгравированными на плите из гиметтианского мрамора у подножия холма Мунихия, недалеко от гавани Зеи. Указания настолько полны, ясны и точны, что теперь мы знаем арсенал Филона от крыши до

фундамента лучше, чем любое другое здание Древней Греции, хотя от него не было найдено ни единого камня. Краткое описание здания, почерпнутое из надписи, не может быть неинтересным.

Арсенал предполагалось построить в Зее, главной военной гавани, и он должен был начинаться у ворот, ведущих с рыночной площади, и тянуться к задней части доков. Он должен был быть построен из твердого красновато-серого пирейского известняка, превосходного строительного материала, часто упоминаемого в надписях и до сих пор широко используемого. По форме это должно было быть что-то вроде аркады, освещенной в основном рядами окон по длинным сторонам и разделенной на три прохода двумя рядами колонн, идущих по всей его длине. Центральный проход, вымощенный плитами, в который вели две покрытые бронзой двери с каждого конца, должен был оставаться свободным для публики, в то время как два боковых прохода должны были служить для хранения корабельных снастей. Для этой цели каждый из боковых проходов был разделен на два этажа деревянным настилом. На первом этаже паруса и другое брезентовое снаряжение были сложены на прессах, а в верхних галереях веревки были свернуты на открытых деревянных полках. Между колоннами, обрамлявшими центральный проход, проходила каменная балюстрада с решетчатыми воротами, открывающимися в боковые проходы между каждой парой колонн. Крыша здания должна была быть построена из прочных деревянных стропил, обшитых досками, которые должны были крепиться железными гвоздями; и вся она должна была быть покрыта плотно прилегающей коринфской черепицей. Чтобы обеспечить хорошее проветривание здания, что было особенно необходимо в магазине такого типа, чтобы крепь не пострадала от сырости, в стенах между стыками камней были оставлены щелевидные отверстия, количество и расположение которых оставлялось на усмотрение архитектора. Таков был, в общих чертах, великий арсенал Пирея. Можно предположить, что там в жаркие летние дни толпы людей были рады сбежать от пыли и зноя улиц и прогуляться по прохладной, высокой и тускло освещенной галерее, часто останавливаясь, чтобы с праздным любопытством или патриотической гордостью поглазеть на длинный ряд хорошо выстроенных снастей, свидетельствовавших о военно-морском превосходстве Афин.

Прежде чем мы покинем военные гавани, мы должны отметить Хому, как ее называли, причал недалеко от входа в гавань, на котором, когда вооружение готовилось к выходу в море, Совет Пятисот проводил свои заседания ежедневно, пока эскадра не отплыла. Когда все было готово, каждый капитан по закону был обязан поставить свое судно у причала для проверки Советом. Инспекция закончилась, флотснялся с якоря и продолжил свое плавание. Должно быть, это было волнующее зрелище - наблюдать за отправлением флота к месту боевых действий, когда доблестный корабль за кораблем длинной вереницей проходили через вход в гавань и выходили в море, провожаемые пристальными взглядами, надеждами, страхами и молитвами тысяч собравшихся на берегу. Когда последний корабль выплывал из спокойной воды гавани и начинал рассекать волны грудью и распускать паруса навстречу свежеющему бризу, толпы людей устремлялись с берега на возвышенности, чтобы там наблюдать, как галеры медленно уменьшаются вдаль, пока они не переставали различать блеск весел, поднимающихся и опускающихся у бортов кораблей, и пока даже белые паруса не таяли, как снег, в сиянии солнца на далеком южном горизонте.

Длинная линия колоннад, протянувшаяся вдоль восточного берега большой гавани, по-видимому, образовала общественный рынок или *emporium*. Одним из самых важных зданий в

этой торговой части гавани был базар или биржа, где иностранные купцы выставляли образцы своих товаров и где банкиры сидели за получением заказов. Должно быть, это было недалеко от причалов и судоходных компаний, как мы узнаем из отчета об успешном набеге, который Александр Ферайский однажды совершил на прилавки банкиров. Однажды увидели эскадру, входящую в гавань. Бездельники на набережных наблюдали за этим с ленивым любопытством, пока корабли не подошли к причалам, когда толпа вооруженных людей прыгнула с бортов кораблей, обнажила мечи и под звуки труб устремилась к базару, где они дочиста смели прилавки, а затем вернулись с добычей на свои суда, не останавливаясь, чтобы заметить охваченную паникой толпу, разбегающуюся во всех направлениях. Во время другой 'диверсионной' экспедиции, которую лакедемоняне предприняли на двенадцати кораблях в гавань Пирея, горстка смельчаков выскочила на берег, схватила на базаре нескольких торговцев и шкиперов и поспешила затащить их на борт. Именно на базаре Хвастливый Человек в "Теофрасте" обычно разговаривал с иностранцами о больших суммах, которые у него были в море, в то время как он отправлял своего пажа в банк, где хранил сумму в десять пенсов.

Главным среди святых мест Пирея было святилище Спасителя Зевса. Прекрасные картины выдающихся художников украшали пристроенные к нему монастыри, а статуи стояли под открытым небом. Фестиваль бога включал регату и шествие по улицам. Расходы на содержание святилища частично покрывались небольшим налогом, взимаемым с каждого судна, заходившего в порт. Более того, люди, избежавшие опасности — например, моряки, которые благополучно добрались до суши, — обычно приносили благодарственные подношения к святилищу. Из фрагмента древней комедии мы узнаем, что среди прибрежных акул, подстерегавших на причалах моряков, только что вернувшихся из плавания, были повара, знающие свое дело. Ибо в рассматриваемом отрывке один из членов братства рассказывает нам, как всякий раз, когда он замечал веселого тара, только что вышедшего на берег, готового к загулу, с набитым кошельком в кулаке и широкой улыбкой на загорелом лице, он подбегал к нему, тепло пожимал руку, деликатно намекал на Спасителя Зевса и предлагал свои услуги при жертвоприношении. Наживка попалась, и вскоре было видно, как он направляется к святилищу с моряком на буксире.

Более известным английским читателям, чем святилище Спасителя Зевса, был алтарь Неизвестного Бога, который святой Павел, а вслед за ним и Павсаний, видели в Фалеруме, старом порту Афин. В диалоге, приписываемом Лукиану, некий Критий произносит ряд клятв древними языческими богами и богинями, и за каждую из них его серьезно отчитывает его товарищ Трифон, который только что был посвящен в возвышенные тайны христианского богословия человеком с еврейским складом лица, которого он описывает как длинноносого галилеянина с лысиной на макушке. Наконец Критий клянется Неизвестным Богом в Афинах, и Трифон оставляет эту клятву без изменений, завершая диалог таким назидательным советом: "Давайте, узнав Неизвестного Бога в Афинах и поклонившись ему, вознесем руки к небу и возблагодарим его за то, что нас сочли достойными подчиняться столь великой силе; но давайте оставим других людей болтать, удовлетворившись применением к ним пословицы "Гиппоклиду все равно"."

Недалеко от берега большой гавани находилась рыночная площадь, названная в честь милезийского архитектора Гипподама, который спланировал Пирей по регулярному плану. Должно быть, это была просторная открытая площадь, поскольку мы слышим о том, что на ней собираются войска. У выдающегося полководца Тимофея был дом на рыночной площади, и

именно здесь он поселил двух своих царственных гостей, Ясона из Фер и Алкета, царя Эпира, когда они пришли давать показания на его суде. Генерал подорвал свое личное состояние из-за своих трудов на государственной службе, и когда однажды поздно вечером прибыли его знатные гости, ему пришлось в спешке отослать своего Калеба Болдерстоуна за постельными принадлежностями и серебряной посудой. От рыночной площади улица вела вверх, к святилищу Артемиды на холме Мунихия. Должно быть, это была широкая улица, потому что во время уличных боев во время революции, которая свергла тиранию Тридцатии восстановила демократию, войска тиранов построились в боевой порядок на рыночной площади, а затем двинулись вверх по улице, в то время как демократическая партия, возглавляемая Фрасибулом, бросилась вниз по улице в боевом порядке и встретила их. Очевидно, одно время рыночная площадь пришла в упадок и пользовалась сомнительной привилегией того, что в Шотландии широко известно как "свободный переворот", жители соседних улиц бесцеремонно использовали ее как удобную помойную яму, куда выбрасывали свои старые тряпки, кости и прочий домашний хлам. Наконец власти почувствовали себя вынужденными вмешаться и положить конец этой неприятности. Поэтому они приказали выровнять рыночную площадь и привести ее в надлежащий вид, и чтобы в будущем никому не разрешалось убирать мусор или сбрасывать на нее навоз.

Широкие прямые улицы нового города Пирей, должно быть, составляли разительный контраст с узкими и кривыми улочками, застроенными убогими домами, которые, кажется, всегда сохранялись в самих Афинах. Возможно, Аристотель имел в виду этот контраст, когда рекомендовал для своего идеального города сочетание двух способов застройки, отметив, что новые прямые улицы в стиле Гипподама были красивее и удобнее, но что старые кривые улицы можно было лучше защитить от врага. Другим преимуществом старого стиля архитектуры, по крайней мере в южных городах, являются тень и прохлада узких переулков, из которых, как со дна колодца, мы смотрим на узкую полоску голубого неба высоко над головой, вместо того чтобы подвергаться безжалостному ослепительному солнцу, когда мы прогуливаемся с синими очками на глазах и белым зонтиком над головой по широким открытым улицам, которые по образцу парижских бульваров быстро вырастают в городах южной Европы. И все же, несмотря на разрушительные действия муниципальных властей и строителей канистр, мы все еще можем отметить в современной Европе контраст между городами, которые росли нерегулярно на протяжении веков, и теми, которые были созданы сразу по регулярному плану волей деспота. Двумя наиболее регулярно застраиваемыми городами в Европе, вероятно, являются Турин и Мангейм. Турин до сих пор стоит на линиях, проложенных Августом, когда он основал на этом месте римскую колонию; Мангейм был построен курфюрстом палатинским Фридрихом Четвертым в 1606 году. Нечто подобное можно наблюдать и между Мадридом, новой столицей Испании, с его магистралями, расходящимися, как спицы колеса, от площади Пуэрта-дель-Соль, и старой испанской столицей Толедо, с ее узкими улочками, разбросанными вверх и вниз по скалистому холму, с которого белый, тихий, кажущийся полупустынным город смотрит вниз на ущелье Тежу. Но Мадрид, творение Филиппа Второго, не сравнится с Туринем или Мангеймом по математической правильности строительства.

Не может быть никаких сомнений в том, что укрепление Пирея и перенос в него афинского порта с открытого рейда Фалерума стали одним из самых важных шагов в истории Афин. В сочетании со строительством большого постоянного военного флота это сделало Афины первой военно-морской державой Греции и тем самым определило ее последующую историю. Все три меры возникли в дальновидном уме Фемистокла, который таким образом в некотором смысле создал

Афины и тем самым показал себя одним из величайших государственных деятелей. Он видел, что Пирей был более важен для афинян, чем сами Афины, и часто советовал им, если когда-нибудь им будет трудно на суше, покинуть Афины и поселиться в Пирее, где со своим флотом они могли бы бросить вызов всему миру. Если бы они последовали его совету, Афины, возможно, сыграли бы еще большую роль в истории.

Человек, которому Афины были столь многим обязаны, умер изгнанником на чужбине; но, если верить преданию, его кости впоследствии были привезены и с особой радостью положены на берегу моря у подножия суровых стен той великой крепости, которая служила ему самым благородным памятником. Точное место было описано древним писателем. “В большой гавани Пирея,” говорит Плутарх, цитируя Диодора Периегета, “из мыса Алким выступает нечто вроде локтя; и когда вы обогнете этот локоть, с внутренней стороны, где море несколько спокойно, окажется большой каменный фундамент, а сооружение, похожее на алтарь, на нем – могила Фемистокла. И Диодор воображает, что комический поэт Платон подтверждает это в следующем отрывке:

"Прекрасна твоя могила"

Ибо это будет говорить с торговцами повсюду;

Он будет наблюдать за моряками, выходящими и входящими в море,

И отмечайте соревнования кораблей”.

По преданию, место захоронения находится на берегу полуострова Акте, недалеко от современного маяка, немного южнее входа в большую гавань. Здесь в скале было выровнено небольшое квадратное пространство, а его внешний край был срезан и сглажен, как будто для образования основания стены. На этой территории находятся три могилы, а сразу за ней, в стороне от моря, находится большая гробница, высеченная в скале. Было высказано предположение, что, когда квадратное пространство было обнесено стеной, а внутренность была завалена щебнем, это могло быть “сооружение, подобное алтарю”, описанное Диодором Периегетом, и что высеченная в скале гробница за ней, защищенная от прибоя и брызг соседнего моря, могла быть тем, что в древности считали могилой Фемистокла.

Х. Священный путь. — Завершив свое описание аттических островов, Павсаний возвращается в Афины и отправляется оттуда в Элевсин по Священному Пути. Это была дорога, по которой посвященные отправлялись из Афин в Элевсин: антиквар Полемо посвятил описанию маршрута целую книгу. Нынешняя магистраль из Афин в Элевсин очень точно повторяет линию Священного Пути. Эта дорога, идущая в северо-западном направлении, вскоре проходит слева Ботанический сад, бросающийся в глаза своими высокими и величественными тополями, и входит в широкую полосу оливкового леса, которая все еще простирается, как, несомненно, простиралась в древности, по обе стороны Кефиса на милу за милей. Через этот древний оливковый лес с его массивными сучковатыми стволами и бледно-зеленой листвой дорога

тянется более мили, пересекая несколько рукавов Кефиса, которые обычно сухие и пыльные, а вода во множестве мелких ручейков отводится в оливковые сады. За оливковым лесом дорога сначала постепенно поднимается по голой каменистой местности, где не растет ничего, кроме чертополоха; затем она более круто взбирается на засушливые и каменистые склоны горы Эгалеус, которую она пересекает по узкому, но легкому проходу, окруженному с обеих сторон низкими и пустынными возвышенностями. Недалеко от вершины перевала справа заметно возвышается круглый изолированный холм, увенчанный церковью Святого Ильи. С этой точки дороги открывается знаменитый вид на Афинскую равнину. Зрелище особенно поразительно на закате, когда акрополь, возвышающийся высоко над оливковыми рощами, с его храмами, освещенными умирающим великолепием солнца, выделяется на фоне пурпурных гор. Чуть дальше дорога поворачивает и начинает спускаться, и Афины теряются из виду.

Примерно через милю мы проезжаем заброшенный монастырь Дафни, который, вероятно, занимает место святилища Аполлона, упомянутого Павсанием. Он стоит слева от дороги, окруженный высокой зубчатой стеной, над которой возвышается купол византийской церкви. За монастырем дорога быстро спускается к берегу. Здесь древняя дорога тянется вдоль северной стороны перевала, идя параллельно современному шоссе по левому берегу пересохшего русла, спускающегося от монастыря. Дорога была частично вырублена в скале, частично поддерживалась стеной из грубых камней со стороны ручья. Когда дорога спускается, на дальнем ее конце появляется море, обрамленное каменистыми склонами холмов, окружающих перевал. Дальше, за открывающимся перевалом, мы видим раскинувшиеся под нами, подобно озеру, темно-синие воды Саламинского залива, не имеющего выхода к морю, окруженного на юге голыми, но красиво очерченными холмами Саламина, на севере изящным изгибом Аттического побережья, а на западе - далекими высотами Киферона и горами Мегары. Через прогалину между холмами Саламина и материком в ясную погоду можно увидеть далеко бросающийся в глаза пик Киллена в Аркадии с его снежной короной.

Примерно через милю после проезда монастыря мы видим справа от дороги древнюю каменную кладку и большие каменные блоки у подножия неровной скальной стены, в поверхности которой вырублено множество ниш. Это святилище Афродиты, упомянутое Павсанием. Вскоре после этого холмы с обеих сторон отступают, и перевал заканчивается небольшой равниной, бесплодной и безводной, но частично засаженной оливками, рядом с берегом. Здесь дорога резко сворачивает направо и, следуя вдоль берега, бежит на север, зажата между морем с одной стороны и серыми засушливыми склонами горы Эгалеус с другой. Вскоре, однако, холмы немного уходят вглубь страны, оставляя между подножием своих отлогих берегов и дорогой небольшое озеро или большой пруд с чистой соленой водой, питаемый множеством обильных соляных источников, древних Рити. Пруд образован путем перекрытия воды этих источников с помощью каменной дамбы или насыпи, рядом с которой современная дорога проходит по узкой полоске песка между прудом справа и морем слева. Фидлер наблюдал, как летучие рыбы размером с сельдь поднимались с поверхности водоема: он говорит, что их мякоть белая и сочная, лучше, чем у морской рыбы в соседнем заливе. В древности, как рассказывает Павсаний, право ловли рыбы здесь строго охранялось жрецами Элевсина. Из заводи в море вытекает сильный поток, вращающий мельницу. На дальнем конце пруда гора Эгелей спускает свой последний отрог недалеко от дороги; миновав его, дорога огибает справа еще один солончак и выходит на Триазийскую равнину. Ручей, вытекающий из второго из двух соляных прудов, превращает, или, скорее, раньше превращал, другую мельницу. Мнения разошлись относительно того, проходила ли древняя дорога, подобно

современному шоссе, между соляными заводами и морем или огибала подножие холмов, огибая бассейны. В любом случае представляется вероятным, что в древности воду из соляных источников не запрудили, как в настоящее время, для образования бассейнов, а пустили прямо в море в виде ручьев, которые отсюда получили название Rhiti ("потoki").

После въезда на Фризскую равнину дорога продолжает огибать берег. Поскольку почва здесь низкая и болотистая, дорога проходит по дамбе, которая состоит из древних материалов, смешанных с материалами более поздних эпох. Таким образом, эта дамба отмечает линию Священного Пути. Справа от него, примерно в полумиле за соляными заводами, где дорога на Каливию ответвляется через равнину направо, находятся остатки древнего памятника, который, по-видимому, первоначально состоял из массы земли кубической формы, облицованной белым мрамором и поддерживающей надгробную плиту. Надпись доказывает, что памятник отмечал могилу некоего Страто, его жены Поллы Мунации и его сына Исидота. Эта гробница, одна из многих гробниц, выстроившихся вдоль Священного Пути в древности, не упоминается Павсанием.

Фризская равнина, через которую Священный Путь вел в Элевсин, окружена горами и холмами, за исключением юга, где она ограничена Саламинским заливом. Она имеет около девяти миль в длину с востока на запад и пять миль в ширину в самой широкой части, с севера на юг. Северная и западная части равнины каменисты и бесплодны. Ближе к морю есть участок плодородных кукурузных угодий, но он не сильно простирается к северу от самого Элевсина. Монотонность безлесного пространства здесь и там нарушают разбросанные оливковые деревья и дубы. Весной и в начале лета равнина местами покрывается веселым ковром из анемонов, красных, фиолетовых и синих.

XI. Зал посвящения в Элевсине. Большой зал Посвящения, к которому ведет мощеная дорога от меньшего портала, представляет собой обширное помещение площадью около ста семидесяти квадратных футов, стороны которого обращены на север, юг, восток и запад. Вся западная сторона, вместе с западными частями северной и южной сторон, ограничена скалой акрополя, которая была срезана перпендикулярно, чтобы освободить место для зала. Крышу поддерживали шесть рядов колонн, по семь колонн в каждом ряду: основания всех этих колонн, кроме одной, до сих пор видны на своих местах. Восемь ступеней, частично вырубленных в скале, частично построенных, тянулись по всему залу, за исключением входов, которых было шесть, а именно: два на севере, два на востоке и два на юге. На этих ступенчатых ярусах, вероятно, сидели посвященные, наблюдая за исполнением мистерий, которые происходили в глубине зала. Подсчитано, что на них могло поместиться около трех тысяч человек. Ступени, первоначально узкие, позже были расширены за счет мраморной облицовки. О том, что мраморное покрытие ступеней является поздней работой, свидетельствует использование строительного раствора для его крепления.

Есть отрывки древних авторов, которые, по-видимому, подразумевают, что помимо места, к которому имели доступ посвященные, существовала внутренняя Святая Святых, называемая

анакторон или *мегарон*, в которую не мог входить никто, кроме верховного жреца мистерий, и которая, внезапно распахнувшись, открыла взору охваченных благоговейным страхом зрителей самые священные объекты их религиозного почитания, освещенные вспышкой ослепительного света. Но в великом Зале Посвящения не было обнаружено никаких следов какой-либо внутренней камеры или ограждения. Следовательно, можно предположить, что *анакторон* или *мегарон*, возможно, был ничем иным, как корпусом зала, который, возможно, был закрыт занавесами от зрителей, сидевших в темноте на ярусах кресел, которые тянулись по всему периметру, пока внезапно занавес не поднялся и не открылся огромный зал, ярко освещенный, с великолепно одетыми актерами священной драмы, которые двигались мазили в торжественной процессии или головокружительном танце среди леса колонн, поднимавшихся из пола зала, в то время как звуки серьезной или чувственной музыки наполняли воздух. Затем, когда все заканчивалось, занавес так же внезапно опускался, оставляя зрителей во тьме и тишине, не оставляя ничего, кроме воспоминаний о великолепном зрелище, которое обрушилось на них и исчезло, как сон.

XII. Элевтерия.—Из Элевсина дорога в Элевтерию, которая одновременно является шоссе из Афин в Фивы, идет на северо-запад через равнину. Оливковые деревья начинают появляться вскоре после того, как мы покидаем Элевсин, и дорога тянется три мили через густые заросли к большой деревне Мандра, расположенной на небольшой возвышенности у входа в долину; ибо здесь начинаются горы, окаймляющие равнину Элевсин. Местные скалы вырастают среди домов и улиц деревни. Холмы, возвышающиеся по обе стороны долины, поросшие сосновым лесом. За деревней долина сужается, и дорога долго поднимается вверх через тишину и уединение соснового леса. В уединенной долине мы проезжаем маленькую придорожную гостиницу ("хан Палео-Кундуры"); а затем, после дальнейшего подъема, перспектива несколько расширяется, и вдаль на востоке видны вершины Гиметта и Пентелика, возвышающиеся над ближайшей грядой холмов. Вскоре после этого дорога спускается на возделанную и плодородную небольшую равнину или долину, орошаемую главным рукавом Элевсинского Цефиса и ограниченную на севере главным хребтом Киферон, на юге более низкой окраинной цепью, которую мы только что пересекли. Это, без сомнения, та самая равнина, на которой стоял храм Диониса, упомянутый Павсанием. На северном конце долины, или равнины, справа от дороги сейчас находится полицейская казарма, а рядом с ней трактир "хан Каса". Здесь начинается перевал через Киферон в строгом смысле этого слова. Это узкое скалистое ущелье, вверх по которому дорога извилисто вьется между высокими, поросшими соснами склонами с обеих сторон. В самом начале перевала, сразу за бараклом, возвышается крутой, конический, почти изолированный холм, словно преграждающий дорогу. Его вершину венчают серые стены и башни Элеутеры.

Руины Элеутеры, ныне называемые Гифтокастро, или "цыганский замок", представляют собой один из лучших сохранившихся образцов греческой фортификации. Контур стен, который невелик, охватывает вершину и часть южного склона холма. Северная стена, укрепленная восемью квадратными выступающими башнями, почти завершена. Она имеет толщину около

восьми футов и построена из блоков, уложенных ровными рядами, с сердцевинной из щебня. Поскольку земля понижается к северу, стена снаружи выше, чем внутри. Башни находятся примерно в тридцати шагах друг от друга. В большинство из них можно попасть с крепостного вала через две двери, по одной с каждой стороны башни. Эти двери все еще можно увидеть, хотя полы верхних этажей, которые были деревянными, конечно, разрушились. В каждой башне есть три маленьких окна или бойницы, по одному на каждой из сторон, которые выступают наружу за занавес. Следы стены и башен на другой и нижней сторонах холма все еще можно увидеть, но они гораздо менее совершенны, чем на северной стороне. Главные ворота находились на юге. Теперь все это место превратилось в абсолютное одиночество. Когда я впервые посетил его майским днем, земля была устлана желтыми цветами; козы балансировали на серых руинах, а пастух спал в тени одной из башен. С обеих сторон горы, облаченные в мрачную мантию темных сосновых лесов, вздымались в ясное небо.

Если от руин Элевтерии мы вернемся на большую дорогу, которая вьется вдоль западного подножия холма, и пройдем по ней несколько миль до вершины перевала, то перед нами откроется потрясающий вид на широкую Беотийскую равнину, простирающуюся до линии далеких голубых гор, окаймляющих ее со всех сторон. Под нами, но немного западнее, у подножия длинного равномерного склона Киферона, находится красная деревня Кокла, обозначающая место Платеи. Фивы скрыты от посторонних глаз за выступом невысокого промежуточного хребта. Остроконечная гора с двумя пиками на западе, за ближайшими, поросшими елями склонами Киферона, называется Геликон. Величественный горный массив, покрытый снежными шапками, возвышающийся на северо-западе, - это Парнас. Горы на северо-востоке находятся на Эвбее, но пролив, отделяющий их от Беотии, не виден.

XIII. Мегара.—От Элевсина до Мегары по дороге или железной дороге около четырнадцати миль. Дорога сначала проходит по северной стороне невысокого хребта, образовавшего Элевсинский акрополь; затем она спускается к морю и идет вдоль берега. Равнина Элевсин отделена от равнины Мегара цепью лесистых холмов, которая тянется на юг от горы Киферон до берега залива. Дорога огибает подножие этих холмов, поднимаясь и спускаясь, пересекая оливковые рощи и огибая небольшие бухты и мысы, откуда открывается потрясающий вид, постоянно меняющийся, но неизменно прекрасный, на побережье Саламина через голубые и сине-зеленые воды похожего на озеро залива, который здесь настолько узкий, что можно отчетливо разглядеть белый монастырь Фанеромена с его громоздящимися куполами и башенками, стоящий среди зеленых полей на противоположном берегу. Затем, когда огибается последний отрог холмов, перед нами открывается равнина Мегара, покрытая оливами и виноградными лозами и окруженная высокими горами. Вдалеке можно различить живописный восточный городок Мегара с его белыми домами, поднимающимися террасами один над другим, по сторонам двух изолированных холмов в дальнем углу равнины: более высокий из двух холмов раньше был увенчан квадратной средневековой башней.

Современный город расположен в основном на западном холме, южный склон которого он занимает до самой вершины. Его узкие крутые улочки и побеленные дома без окон с плоскими

крышами, с низкими дверными проемами, ведущими во дворы, затененные тут и там фиговыми деревьями, во многом напоминают арабскую деревню. Ослепительно белые стены в ярком солнечном свете служат прекрасным фоном для веселых женских костюмов, яркие цвета которых (красный, зеленый, синий, фиолетовый) усиливают восточный эффект сцены.

XIV. Скиронская дорога.— Знаменитый проход вдоль морских утесов, известный в древности как Скиронская дорога, так описан Страбоном: “Скиронские утесы не оставляют прохода между собой и морем. Дорога от Перешейка к Мегаре и Аттике проходит по их вершинам; действительно, во многих местах жукообразная гора, которая высока и неприступна, вынуждает ее огибать края пропастей”. Страх перед разбойниками, которые подстерегали здесь путешественников, усиливал естественные ужасы перевала как в древние, так и в современные времена. В последние годы эти ужасы были рассеяны благодаря строительству шоссе и железной дороги вдоль побережья; но вплоть до середины нынешнего столетия, если мы можем доверять описаниям путешественников, тропа в скалах вполне заслуживала своего современного названия Каке Скала, или ‘Лестница зла’. На протяжении шести миль она тянулась по узкому осыпающемуся выступу на полпути к почти отвесному утесу на высоте шестисот-семисот футов над уровнем моря. Справа стеной вздымалась скала; слева зияла головокружительная пропасть, где далеко внизу волны разбивались у подножия обрывов широкой полосой белой клубящейся пены. Тропа была настолько узкой, что только одно уверенное в себе животное могло сносно безопасно продвигаться по ней. В штормовую или порывистую погоду это было опасно; малейшее скольжение или оступление могло привести к летальному исходу. Когда две вереницы мулов встречались, обогнать друг друга было чрезвычайно трудно. Действительно, в начале нынешнего столетия полковник Лик объявил эту тропу непроходимой для лошадей; а позже, когда ее несколько подправили, другой выдающийся путешественник, сам швейцарец, заявил, что он не знает во всей Швейцарии такой извилистой тропы, по которой ходят лошади. Во многих местах узкая тропинка сузилась еще больше из-за того, что ее внешний край обвалился и соскользнул в глубину, так что только соблюдая предельную осторожность, путешественник вообще мог пробираться по ней. В одном месте, там, где она пересекала устье оврага, дорога полностью исчезла, поскольку либо упала в море, либо, по другим данным, была взорвана во время войны за независимость. Поэтому здесь путнику пришлось идти по головокружительной тропинке, которая зигзагами спускалась к узкой полоске пляжа, откуда ему пришлось с трудом карабкаться по такой же тропинке на противоположной стороне оврага. Один путешественник наглядно описал, как его вьючные лошади скользили на задних ногах по одной из таких троп, в то время как их погонщики цеплялись за хвосты животных, чтобы остановить их слишком стремительный спуск. В прошлом веке этим путем перестали пользоваться даже пешие пассажиры. Чандлер сел в лодку в Нисее и поплыл вдоль подножия утесов, с изумлением глядя на узкую тропинку, проложенную по краю отвесных обрывов над бурунами и поддерживаемую снизу настолько тонко, “что зритель может содрогнуться от ужаса при мысли о переправе”.

Не было ничего проще, чем сделать такой путь непроходимым. Соответственно, когда до Пелопоннеса дошла весть о том, что Леонидас и его люди были уничтожены персами при Фермопилах, пелопоннесцы поспешили к перешейку, перекрыли Скиронскую дорогу и построили оборонительную стену поперек перешейка. В наше время, хотя тропинка пришла в упадок, на ней все еще виднелись следы того, что ею пользовались и за ней ухаживали в древности. Во многих местах на скале были видны следы колес колесниц; в других местах виднелись остатки массивных каменных опор, которые когда-то поддерживали и расширяли дорогу; и тут и там виднелись куски древней мостовой. Вероятно, это были остатки каретной дороги, которую, как рассказывает нам Павсаний, император Адриан построил вдоль этого дикого и прекрасного побережья. В наши дни, когда путешественника кружит по ней в поезде, его поражают главным образом голубизна моря и зелень густых сосновых лесов, покрывающих крутые склоны гор.

XV. Коринфский перешеек. Коринфский перешеек, соединяющий Пелопоннес на юге с горным районом Мегара и Центральной Грецией на севере, представляет собой низкий плоский перешеек шириной около трех с половиной миль в самой узкой части и высотой около двухсот шестидесяти футов в самой низкой точке, простирающийся примерно в направлении с юго-запада на северо-восток. Центральная часть представляет собой плоское плоскогорье, которое крутыми террасами спускается к морю с южной стороны. Его поверхность неровная, бесплодная и безводная; там, где она не совсем голая и каменистая, она в основном заросла низкорослыми кустарниками и карликовыми соснами или чертополохом и другими колючими растениями серого засушливого вида. Здесь нет ни подлеска, ни дерна. Весной кое-какая трава кое-где прорастает среди чертополоха и служит пастбищем для овец. Скудная почва там, где она существует, возделывается грубым несовершенным способом и дает несколько скудных урожаев, в основном пшеницы и ячменя. Но в летнюю засуху исчезает каждая зеленая травинка, и поля представляют собой не более чем голую каменистую пустыню, окутанную кружащимися облаками пыли. Это суровое, бесплодное качество почвы было в равной степени характерно для Перешейка в древности. По-видимому, было принято собирать камни с полей перед посевом семян.

В древние времена суда небольшой грузоподъемности регулярно перетаскивали на роликах или повозках через самую узкую часть Перешейка, чтобы избежать длительного плавания вокруг Пелопоннеса; поэтому эта часть Перешейка была известна как *Диолкос* или Волок. Волок начинался на востоке в Шенусе, недалеко от современного Каламаки; его западная оконечность не упоминается древними авторами, но, вероятно, находилась недалеко от западной оконечности современного канала. Мы читаем о флотах военных кораблей, переправляемых через Перешеек; например, после битвы при Акции победоносный Август таким образом переправил свои корабли через Перешеек в погоне за Антонием и Клеопатрой, а в 883 году нашей эры греческий адмирал Никита Орифас переправил через него флот, чтобы отразить нападение сарацин. Некоторые остатки древнего Волока, который, по-видимому, был

чем-то вроде трамвая, все еще можно увидеть возле караульного помещения, в том месте, где дорога из Каламаки в Коринф пересекает северную из двух древних крепостных стен.

Самая низкая и узкая часть перешейка, через которую в древности проходил Волок, а сейчас проходит современный канал, ограничена с юга линией невысоких утесов. Вдоль гребня этих утесов можно проследить остатки древней крепостной стены, протянувшейся прямо через перешеек от моря до моря. Он построен из больших блоков, уложенных довольно правильными рядами, и окружен квадратными башнями, которые выступают из кургана с равными интервалами примерно в сто ярдов с северной стороны, показывая, что стена предназначалась для защиты Коринфской оконечности Перешейка от вторжения с севера. Стена тянется не по прямой линии, а повторяет гребень скал, где бы ни проявилось это естественное преимущество.

XVI. Ванна Афродиты. Нижний источник, который Павсаний принял за Пирену, иногда отождествляли с обильными источниками, ныне известными как 'купальни Афродиты'. Они заканчиваются чуть ниже крутого северного края широкой террасы, на которой стоял старый город Коринф. Здесь скалы изгибаются полукругом и нависают так, что под их нависающими бровями образуются гроты. С этих скал, поросших мхом и ползучими растениями, чистая вода пузырится и стекает обильными ручейками, которые питают богатую растительность на открытой местности, по которой она протекает. Из грота, где всегда свежо и прохладно, открывается панорамный вид на залив и горы за ним. Здесь во времена турецкого владычества у бея Коринфа были свои сады, где он вел жизнь в азиатской роскоши. Лестница все еще ведет из грота на террасу наверху, на краю которой стоял его сераль. Теперь все превратилось в руины и запустение. Несколько фрагментов древних колонн из зеленого с белыми прожилками мрамора указывают на то, что здесь находился сераль. Родник часто посещают только прачки, а его ручьи орошают только огороды и фруктовые сады. Но вода здесь такая же сладкая, как и во времена Павсания, а гроты под нависающим выступом скалы могли бы сойти за "покои, сделанные наподобие гротов", о которых он упоминает. ^[6]

6. Однако настоящая Пирена, описанная Павсанием, недавно была обнаружена в другом месте американскими археологами, которые сейчас ведут раскопки на месте древнего Коринфа.

XVII. Перспектива из Акрокоринфа.—Вид с вершины Акрокоринфа известен со времен Страбона, который точно описал его. Действительно, блестящий передний план, на который он смотрел вниз, исчез. Величественного города с его храмами, его террасными садами, его

колоннадами, его фонтанами больше нет. На его месте у наших ног раскинулось плоское желтоватое пространство Перешейка, протянувшегося, как мост, через море до того места, где Геранские горы, склоны которых покрыты темной зеленью сосновых лесов, резко вздымаются массивным барьером на дальнем конце, выдавая на своей западной стороне длинный мыс, который далеко врезается в голубые воды Коринфского залива. На севере, по ту сторону залива, возвышаются смелые острые пики Киферон и Геликон в Беотии. На северо-западе Парнас поднимает свою могучую голову, сверкающую снегом позднейвесной, но серую и голую летом. На дальнем западе вырисовываются Локрийские и Этолийские горы, которые, по-видимому, соединяются с горами Пелопоннеса на юге и, таким образом, по-видимому, превращают Коринфский залив во внутреннее озеро, окруженное горами. На юго-западе, над грядами серых известняковых холмов, усеянных темными соснами, возвышаются снежные вершины Киллены и Ароании в Аркадии. На юге перспективу ограничивают высокие равнины и холмы Арголиды, простирающиеся за хребтом, нижние склоны долин весной покрываются кукурузными полями, а их верхние склоны - зарослями кустарника. На востоке бросаются в глаза Саламин и остроконечная Эгина. В этом направлении вид ограничен холмами Аттики — длинным хребтом Гиметт и более заостренными вершинами Пентелика и Парнеса, в то время как под ними в ясную погоду отчетливо виден Парфенон на Акрополе, находящемся почти в пятидесяти милях отсюда, а над ним возвышается вершина Ликабета, увенчанная белой, далеко мерцающей часовней.

XVIII. Взятие Коринфа Аратом. История взятия Коринфа Аратом была рассказана Плутархом со множеством живописных подробностей, которые он, несомненно, позаимствовал из Мемуаров, написанных самим Аратом. Город, и особенно высокий и обрывистый акрополь Коринфа, удерживался македонским гарнизоном для царя Антигона. Арат решил захватить это место внезапным нападением ночью. Для этой опасной службы он отобрал четыреста человек и повел их к одним из городских ворот. Была середина лета: в безоблачном небе светила полная луна, и нападавшие опасались, что ее яркие лучи, отражаясь от множества шлемов и копий, могут выдать их приближение часовым на стенах. Но как раз в тот момент, когда голова колонны приблизилась к воротам, с моря напозла тяжелая гряда облаков и закрыла луну, закрыв линию стен и окутав штурмующих темнотой. Воспользовавшись сумраком, восемь человек под видом путешественников подкрались к воротам и предали часовых мечу. Приказав остальным своим людям следовать за ним со всей возможной скоростью, на которую они были способны, Арат двинулся вперед во главе жалкой надежды из ста человек, установил лестницы, взобрался на стену и спустился в город. На улицах не было ни души, и Арат поспешил в сторону акрополя, поздравляя себя с тем, что избежал наблюдения, когда по улице был замечен патруль из четырех человек с горящими факелами. Полная луна освещала их, но Арат и его люди были в тени. Арат шепотом приказал своим людям держаться поближе в тени домов. Появился ничего не подозревающий патруль: через минуту трое из них были зарублены, а четвертый отделался глубокой раной на голове, крича, что враг внутри стен. Еще несколько минут, и зазвучали трубы, и весь город проснулся. Улицы, еще недавно тихие и пустынные, были запружены спешащими туда-сюда толпами; в окнах горели огни, а высоко над городом линия мерцающих огненных

точекотмечала вершину акрополя. В то же время со всех сторон до слуха донесся сбивчивый гул голосов. Не обращая внимания на эти признаки надвигающейся бури, Арат устремился по извилистой тропинке к акрополю так быстро, как только позволял крутой и неровный рельеф местности.

Тем временем триста человек, которых он оставил позади, сбитые с толку внезапным шумом, вспышками множества огней и всей суматохой внезапно проснувшегося города, сбились с пути, ведущего на акрополь, и, не зная, куда повернуть, остановились под нависающим утесом у подножия горы. Здесь они пребывали в состоянии крайней тревоги. Ибо к этому времени Арат был в яростной схватке с гарнизоном на вершине, и до них долетал шум битвы и отдаленные радостные крики, но такие слабые из-за расстояния, такие прерывистые и искаженные эхом скалы, что люди внизу, внимательно прислушиваясь, не могли сказать, с какой стороны доносились звуки. Когда они все еще сидели на корточках в тени обрыва, их напугал громкий звук труб совсем рядом, и, взглядевшись во мрак, они увидели большой отряд людей, марширующих мимо них вверх по склону. Это были царские войска, спешащие на помощь гарнизону на акрополе. Мгновенно триста человек выступили из своего укрытия и, застав врага совершенно врасплох, разбили его и в замешательстве погнались к городу. Они все еще были разгорячены победой, когда из цитадели с головокружительной скоростью примчался гонец, сообщивший им, что Арат сражается врукопашную с гарнизоном, который храбро держался за оружие, и умоляющий их поспешить к нему на помощь. Они велели ему показывать дорогу и, с трудом поднимаясь наверх, кричали, давая понять своим товарищам, что помощь близка. К этому времени тучи рассеялись, и небо снова прояснилось; и поэтому на протяжении всего утомительного подъема они могли видеть оружие друзей и врагов, сверкающее в лунном свете, пока битва раскачивалась из стороны в сторону, и могли слышать их хриплые крики, которые, по-видимому, усиливались тысячекратно, когда они перекатывались в ночном воздухе со скалы на скалу. Наконец они достигли вершины и, атакуя плечом к плечу со своими друзьями, оттеснили врага от стен. Начинало светать, когда Арат и его люди победоносно поднялись на вершину.

XIX. Сикион.—Немногие древние города были расположены более выгодно или красиво, чем Сикион. Построенный на просторном и ровном плоскогорье, защищенный со всех сторон скалами, обильно снабженный водой, на безопасном и удобном расстоянии от моря, которое, лежа за полосой плодородной равнины, посылает свои прохладные освежающие бризы, чтобы смягчить летнюю жару, город обладал безопасным, полезным местом, приспособленным как для сельского хозяйства, так и для торговли. Природные красоты этого места также не менее примечательны, чем его более материальные преимущества. За ним возвышаются лесистые горы, а перед ним, через узкую равнину, раскинулась чудесная панорама Коринфского залива, за которым на севере возвышаются Геликон, Киферон и Парнас, а на востоке — могучая скала Акрокоринф, загораживающая перспективу. Особенно на восходе и закате солнца пейзаж приобретает неописуемую красоту. Сами древние не были равнодушны к очарованию Сикиона.

“Прекрасный и плодородный город, приспособленный ко всем развлечениям”, - говорит схолиаст о Гомере, а Диодор говорит о Сикионе как о месте “для мирных удовольствий”.

XX. Инфекция.—Долина Асопа над Сикионом представляет собой глубокую и узкую долину, окруженную с обеих сторон горами, крутые склоны которых густо заросли кустарником. В некоторых местах, где дорога зажата между корнями горы и белой, мутной, стремительной рекой, берег иногда размывается и сметается потоком, и тропинка вообще исчезает. В своих верховьях долина расширяется настолько, что кое-где образуются небольшие прибрежные луга, красиво расположенные среди дубов и кустарника, с то тут, то там участками вспаханной земли. После того, как мы около четырех часов поднимались по долине вверх от Сикиона, она выходит на широкую и плодородную равнину, окруженную крутыми горами, по которым со всех сторон стекают ручьи, впадающие в Асоп. Эта высокогорная равнина, длиной около четырех миль и возвышающаяся примерно на тысячу футов над уровнем моря, и есть Флиазия, район, древней столицей которого был Флиус. На западе его ровные просторы ограничены живописным, суровым, поросшим лесом массивом горы Гаврия (высотой около пяти тысяч футов), над которым возвышается заснеженная вершина величественной Киллены в Аркадии. Восточная сторона долины ограничена Трикаранским хребтом, который своими тремя плоскими вершинами отделяет Флиасскую долину от долины Немеи. Река Асопус поднимается среди южных холмов и течет на север через долину по глубокому травянистому руслу. Здесь это чистый и спокойный ручей, сильно отличающийся от быстрой и мутной реки, в которую он превращается в долине внизу, где он приобретает свой цвет благодаря почве, которая смывается в него многочисленными потоками с белых глинистых гор, через которые он прокладывает свой путь. Примерно в середине равнины к ней присоединяется приток, более длинный, чем сам Асопус, текущий с гор, окружающих юго-западный угол равнины. Почва Флиасской долины превосходна; центральная ее часть отдана почти исключительно под виноградники, которые сейчас, как и в древности, дают прекрасное огненное вино, такое как Бургундское. Осенью красная и золотистая листва увядающих лоз придает более насыщенный колорит прекрасному пейзажу.

Некоторый свет на топографию Флиуса проливают события, последовавшие за битвой при Левктрах. Филизийцы были друзьями Спарты, когда Та была на пике своего могущества; и после катастрофического дня Левктры, когда Спарту покинули как союзники, так и подданные, филизийцы преданно поддерживали своих старых друзей. Это навлекло на них враждебность победоносных фиванцев и их союзников. В 368 году до н.э. отряд аркадцев и элейцев, шедший через перевал Неменя на соединение с фиванцами, был подстрекан некоторыми филизийскими изгнанниками предпринять попытку застать врасплох и захватить Флиус. Шестьсот человек, снабженных лестницами и высланных заранее, спрятались ночью у подножия стен цитадели. На следующее утро часовые на горе Трикаранум, к востоку от города, подали сигнал о приближении врага из долины Немеи. Таким образом, взоры горожан были обращены к холмам, из-за которых они на мгновение ожидали увидеть появление врага. Воспользовавшись их рассеянностью, шестьсот человек установили под акрополем свои

лестницы и вскоре стали хозяевами почти опустевшей цитадели. Но горожане сплотились и после ожесточенной борьбы огнем и мечом прогнали врага за крепостные валы.

В следующем году союзники предприняли более решительную попытку овладеть Флиусом. Фиванский военачальник в Сикионе выступил из этого города против Флия во главе своего гарнизона и отряда сикионских и пелленских войск. Его поддержал Евфрон, тиран Сикиона, с двумя тысячами наемников. Атака снова была произведена с холмов к востоку от города. Наперешейке, соединяющем цитадель Флиуса с холмами, был размещен отряд сикионцев и пелленцев, чтобы помешать филиазийцам подняться на холмы и зайти своим врагам в тыл. Затем остальная часть армии спустилась с холмов в направлении святилища Геры, намереваясь опустошить кукурузные поля и виноградники в долине. Но флиасская кавалерия и пехота встретили их и помешали им осуществить свое намерение. Перестрелка продолжалась большую часть дня с переменным успехом. В свое время Евфрон со своими наемниками гнал флизийцев по пересеченной местности. Но как только они достигли открытой местности, где в игру могла вступить флизийская кавалерия, их, в свою очередь, отбросили обратно на холмы до святилища Геры. Наконец нападавшие прекратили атаку и отступили вверх по холму, намереваясь присоединиться к отряду сицилийцев и пелленцев, который они оставили на горловине, ведущей к цитадели. Чтобы добраться до них, им пришлось сделать большой крюк вверх по холму, потому что между ними и их друзьями лежал овраг, а именно тот овраг, вдоль которого были построены городские стены. Флизийцы преследовали их некоторое время вверх по холму, затем, заметив намерение противника соединиться с отрядом на перешейке, они повернули назад и, срезав путь недалеко отгородских стен, поспешили атаковать отряд противника до того, как основные силы смогут подойти к ним на помощь. В этой гонке кавалерия опередила пехоту и атаковала пелленцев в одиночку. Последние встали с оружием в руках и отражали натиск кавалерии, пока не подбежала флиасская пехота. Затем, атакованные одновременно конницей и пешими, пелленцы и сикионцы уступили. Победившие филиазийцы воздвигли трофей и громко пропели гимн. Враг наблюдал за происходящим с холмов; затем, собрав свои разбитые и рассеянные силы, угрюмо отступил к Сикиону.

XXI. Немей. Между долиной Клеоны на востоке и долиной Флиуса, или Святого Георгия, на западе расположена долина Немеи, протянувшаяся, как и ее сестры, с юга на север. Это узкая долина, около двух-трех миль в длину и от половины до трех четвертей мили в ширину. На своем северном конце она сужается до простого оврага. По дну долины, представляющей собой почти мертвую равнину, извивается, как нить, ручей Немей, питаемый многочисленными ручейками, стекающими с соседних холмов. Разлившись из-за сильных дождей, эти притоки, не имеющие достаточного выхода через овраг на северном конце, сохраняют дно долины зеленым, влажным и болотистым. Таким образом, долина лучше приспособлена для выпаса скота, чем для обработки почвы; действительно, из-за богатых пастбищ, покрывающих ее дно и нижние склоны холмов, она получила свое название Немея, 'пастушеская долина'. Но если сама долина, особенно после дождя, зеленая и улыбающаяся, то окружающие холмы, изрезанные руслами бурных потоков, имеют темный и меланхоличный оттенок и в сочетании с абсолютным

уединением — ни одного человеческого жилища не видно ни вдоль, ни поперек долины — воздействуют на ум чувством уныния и запустения. ^[7] Уединение нарушается только бродячими стадами крупного рогатого скота и время от времени группой крестьян, которые приезжают из Сент-Джорджа возделывать свои поля в этой уединенной долине. Белая тропа вьется по западному склону к устью лощины, которая открывается на склоне холма. Через эту лощину ведет дорога к Сент-Джорджу и Флиусу.

7. Долина стала менее уединенной с тех пор, как рядом с разрушенным храмом немейского Зевса была основана деревня Ираклея.

XXII. Перевал Третуса.—На южной оконечности Клеоновой долины подобно скальной стене возвышается гора Третус, которая образует водораздел между Коринфским и Аргонийским заливами. Прямая трудная тропа вела из Клеоны в древности и до сих пор ведет мимо деревни Агиос Василиос, через гору, спускаясь на Аргонийскую равнину к руинам Микен. Но более удобный путь из долины Клеоны на Аргонскую равнину огибает запад, где гора не так высока, и проходит по постепенно поднимающемуся оврагу. Это был перевал Трет, главная линия сообщения между Коринфом и югом. В древности это была, как рассказывает нам Павсаний, ведущая дорога, и колеи, оставленные колесницами, до сих пор можно увидеть во многих местах. Ущелье, хотя и длинное и узкое, окруженное с обеих сторон высокими горами, нигде не является крутым, и подъем невелик. Дорога проходит по глубоко изношенному руслу, на дне которого среди пышных зарослей олеандра, мирта и земляничного дерева протекает чистый и неглубокий ручей. Нижние склоны гор также покрыты кустарником, но их верхние склоны серые и каменистые.

Перевал легко оборонять. По обе стороны, в сторону Клеоны и Аргонской равнины, видны следы древних сооружений, построенных для защиты ущелья. Недалеко от самой высокой точки перевала, где дорога начинает спускаться к Аргосу, по обе стороны стоят низкие турецкие сторожевые башни, называемые Дервени, и грубые каменные стены, подобные тем, что греки воздвигли на многих перевалах во время войны за независимость. В 1822 году турецкая армия под командованием Драмали-паши, отступавшая с Аргонской равнины, была поймана греками на перевале Третус и почти полностью уничтожена; в течение многих лет после этого ущелье было усеяно скелетами и черепами людей и лошадей.

“Каждая часть Аргонийской равнины, - говорит Лик, - летом считается нездоровой, а жара невыносимой; говорят, что ущелье Третус в полуденные часы является чем-то невыносимым, что я легко могу себе представить, проезжая через него в августе, в час утра, когда жара была сравнительно умеренной. Не так давно татарин, обильно выпивший вина и ракии в Коринфе, был найден мертвым, когда суриджи держал его за стремя, чтобы спешиться у хана Харвати (Микены), сразу за выходом из Трета”.

Древние предполагали, что название Tretus ('дырявый') происходит от большой пещеры в горе, где немейский лев устроил свое логово. Что касается древнего названия перевала и предполагаемых следов колес на нем, У. Г. Кларк говорит: "Это дорога, известная под названием Третос, или "продырявленная"; я полагаю, не из-за пещер в соседних скалах, которых здесь меньше, чем в других местах, а потому, что долина, так сказать, *просверлена* в скале. И пробурена она была у ручья, который течет вниз. Мы видели, или нам показалось, что видели, частые следы колес на камнях, и мы знаем, что в этом направлении проходила автомобильная дорога. Но из моих последующих наблюдений я научился не доверять этим отметинам. Обычный способ перевозки дров в Греции - привязать более тяжелые концы жердей с каждой стороны к спине лошади или осла, а другие концы оставить волочиться по земле, образуя таким образом две параллельные колеи, которые со временем могут стать глубже и быть ошибочно приняты за следы колес. Когда однажды образуется углубление, оно становится каналом для зимних дождей и таким образом сглаживается и углубляется".

Современное название ущелья - Дервенаки. Через него проходит железная дорога из Коринфа в Аргос. Ближе к северному концу перевала хан Дервенаки стоит на небольшой поляне, затененной высокими тополями, кипарисами и тузовыми деревьями, рядом с журчащим родником. У южного выхода из перевала внезапно открывается вид на всю Аргосскую равнину с горами по обе стороны и морем вдалеке. Слева, у подножия холмов, расположены Микены и Тиринф, а также Науплия и ее возвышающийся акрополь, поднимающийся из моря и ограничивающий равнину с этой стороны. Справа находится Аргос с его горной цитаделью, а за ним вдалеке слабо мерцает Лернейское озеро. В центре картины, за длинным передним планом ровной равнины, простирается голубая линия Арголического залива.

XXIII. Микены.—Проезжая на юг через перевал Трет, мы видим раскинувшуюся перед нами просторную равнину Арголиды. Микены лежат слева от нас, у подножия гор, окаймляющих восточную сторону равнины, недалеко от того места, где на нее выходит перевал Третус. Арголийскую равнину можно грубо описать как большой треугольник, основание которого на юге образовано Арголийским заливом, в то время как восточная и западная стороны окружены горными хребтами, которые сходятся к северу, пока не упрутся в гору Третус. Протяженность равнины с севера на юг составляет около двенадцати миль, наибольшая ширина с востока на запад, возможно, ненамного меньше. Горы, которые окружают его, бесплодны и скалисты, самыми высокими из которых являются те, что находятся на западе и образуют границу между Арголид и Аркадией. Все это пространство, по-видимому, когда-то было морским заливом, который постепенно заполнялся отложениями, принесенными с окружающих гор. Арголид-ский залив, широкая и красивая полоса воды, извивающаяся между горами, должно быть, первоначально, до того, как его верхние воды были вытеснены аллювиальными отложениями, еще больше напоминал то, что он напоминает до сих пор, - прекрасное шотландское морское озеро или норвежский фиорд.

Эта аллювиальная равнина, расположенная в начале глубокого и защищенного залива, или рукава моря, который, открываясь в Эгейское море, давал прямой доступ к островам архипелага

и побережьям Азии, естественно, была приспособлена для того, чтобы стать одним из первых очагов цивилизации в Греции. И на самом деле, легенда и археология в совокупности показывают, что в доисторические времена греческая цивилизация достигла очень высокого уровня на равнине Арголиты. В нем было по меньшей мере три укрепленных города большого значения, остатки которых существуют и по сей день: Тиринф, Аргос и Микены (упоминать их следует в порядке, в котором они расположены с юга на север). Тиринф и Микены расположены на восточной, Аргос - на западной стороне равнины. Из трех Тиринф находится ближе всего к морю, от которого его отделяет не более мили. Он, или, скорее, его цитадель, занимает невысокий скалистый холм, менее чем в ста футах над уровнем моря, возвышающийся в совершенной изоляции от равнины. Дальше вглубь страны Аргос лежит у подножия последнего отрога, который выступает на западную сторону равнины от хребта Артемисия. Его цитадель, Лариса, представляет собой прекрасную отвесную вершину высотой почти в тысячу футов.

Дальше вглубь страны, в девяти милях от ближайшего выхода к морю, находятся Микены, недалеко от северной оконечности равнины, но на ее восточной стороне. Его цитадель по высоте и природной прочности занимает промежуточное положение между невысокой цитаделью Тиринфа и высокогорной цитаделью Аргоса. Он расположен в устье дикой и узкой долины, которая здесь открывается на восточной стороне Аргольской равнины, между двумя высокими, крутыми и скалистыми горами. От устья этой долины расходятся два глубоких ущелья, одно из которых тянется на запад, другое - на юго-запад, а треугольное плоскогорье, которое они огораживают между собой, является цитаделью Микен. Вся сцена, видимая из цитадели, поражает безлюдным величием. Ущелья, зияющие на огромную глубину у наших ног, суровые, совершенно бесплодные горы, возвышающиеся непосредственно над ними, унылая высокогорная долина, уходящая в глубь этих мрачных и неприступных холмов, составляют суровую впечатляющую картину, эффект которой усиливается, если увидеть ее, как это случилось с настоящим автором, в дождливый день. Затем, когда небо над головой опускается, а склоны гор покрываются туманом, когда не слышно ни звука, кроме шума дождя и звона овечьих колокольчиков в долине, весь пейзаж кажется, хмурится и приобретает вид, больше соответствующий окутанной туманом цитадели какого-нибудь старого разбойничьего вождя на Скае или Лохабере, чем представлению, которое путешественник составил о "золотом городе" Агамемнона.

XXIV. Конец Микенской эпохи. Катастрофой, положившей конец микенской цивилизации в Греции, по-видимому, было вторжение дорийцев, которое, согласно традиционной греческой хронологии, произошло примерно в середине двенадцатого века до н.э. То, что конец Микен и Тиринфа был внезапным и жестоким, подтверждается неопровержимыми доказательствами, которые показывают, что дворцы были уничтожены пожаром и что, будучи однажды разрушенными, они никогда не восстанавливались. Дата дорийского вторжения, насколько мы можем ее определить, также хорошо согласуется с этой точкой зрения; поскольку египетские свидетельства о существовании Микен относятся примерно ко времени дорийского вторжения и на этом существенно обрываются. Прекращение производства характерной микенской

керамики примерно в то же время указывает на тот же вывод. На самом деле не следует предполагать, что дорийцы захлестнули Грецию одной непрерывной волной завоеваний. Волна вторжений, вероятно, спадала; набеги встречались и отражались, но за ними следовали вторжения новых полчищ захватчиков, вновь прибывшие неуклонно завоевывали территорию, вторгаясь в древние микенские королевства и окутывая их, пока перед ними не пал последний барьер, сами столицы не были взяты штурмом, их сокровища разграблены, а дворцы преданы огню. Конфликт между цивилизацией и варварством, медленный упадок первой и постепенный триумф второй, возможно, длился много лет. Именно так были осуществлены многие, если не большинство, постоянных завоеваний. Именно так саксы шаг за шагом вытеснили бриттов, а датчане закрепились в Англии; именно так турки медленно душили Византийскую империю. Такие события, как падение Константинополя и изгнание мавров из Гранады, - лишь последние сцены в трагедиях, которые разыгрывались веками.

Приписывать некоторыми авторами создание, а не разрушение микенской цивилизации дорийцам абсурдно, поскольку иммиграция дорийцев произошла не ранее двенадцатого века до нашей эры, в то время как микенская цивилизация, как известно из египетских свидетельств, существовала по крайней мере с середины пятнадцатого века до нашей эры. Но эта атрибуция сопряжена не только с хронологическими трудностями. Типичными дорийцами были спартанцы, и нельзя представить себе большего контраста, чем контраст между роскошной полу-восточной цивилизацией Микен и суровой простотой Спарты. С одной стороны, мы видим внушительные укрепления, величественные гробницы, роскошные бани, великолепные дворцы, их стены украшены яркими фресками или сверкают полированной бронзой, их залы битком набиты драгоценными предметами искусства и роскоши, изготовленными местными мастерами или привезенными купцами с базаров Египта и Ассирии; и посреди всего этого султан, увешанный золотыми украшениями, слушающий менестрелей, поющих сказку о Трое или странствиях Улисса. С другой стороны, мы видим открытый, ничем не укрепленный город с незначительными зданиями, где никогда не процветали искусство и поэзия, где золото и серебро были запрещены и где даже короли гордились скудостью своих нарядов. Дорийцы, если мы можем судить о них по чистейшим образцам этой породы, были так же неспособны создать микенское искусство, как турки были неспособны построить Парфенон и Святую Софию.

Из греков, оставшихся без крова в результате дорийского нашествия, большинство бежало в Азию. Там, на прекрасном, усеянном островами побережье, под мягким ионическим небом, возникла новая Греция, которая в своих великолепных городах, оживленных торговых центрах, торжественных верандах сочетала греческую утонченность с азиатской помпезностью и роскошью. По этому долгому и блестящему отблеску микенской цивилизации в Азии мы можем судить, как хорошо было сказано, о том, каким был ее расцвет в Европе.

XXV. Гора Арахней.—Гора Арахней - это высокий обнаженный хребет на левой или северной стороне дороги, когда вы направляетесь из Аргоса в Эпидаврийское святилище. Наиболее примечательной вершиной является гора Арна, остроконечная скалистая вершина, которая

возвышается непосредственно над деревней Лигурио на высоту более трех тысяч пятисот футов. Западная вершина, гора Святого Ильи, несколько выше. С вершины горы Арна видны горы Мегара и Аттика. Вполне возможно, что именно на ее вершине был зажжен маяк, который возвестил Аргосу весть о падении Трои. Говорят, что название *Arachnaea* все еще использовалось крестьянством в начале этого столетия. Алтари Зевса и Геры, на которых, согласно Павсанию, люди приносили жертвы ради дождя, по-видимому, стояли в ложбине между двумя вершинами, поскольку здесь находится квадратное ограждение циклопической каменной кладки, которое, по-видимому, было древним местом поклонения.

Гора Арахней и горы Арголийского полуострова в целом немногим лучше, чем каменистая безводная пустыня. Климат здесь очень сухой, и русла всех ручьев безводны, за исключением сильных дождей. Выносливый маленький дуб остролистный и несколько кустарников серовато-коричневого цвета - почти единственные представители растительной жизни. Глаз путешественника утомляется от серого однообразия этих засушливых гор и пустынных плоскогорий, а его ноги покрываются порезами и ушибами от острых камней, по которым ему приходится с трудом ступать. Наверное, нигде больше в Греции пейзаж не является таким пустынным и неприступным.

XXVI. Эпидавр.—Город Эпидавр находился в пяти римских милях от святилища Эскулапа. Но на то, чтобы преодолеть это расстояние, уходит около двух с половиной часов, так как дорога очень неровная. Пейзажи по пути необычайно красивы — отличный контраст с унылой дорогой от Науплии до святилища. Тропинка выходит из открытой долины через узкую долину на ее северном конце и ведет вниз все глубже и глубже через пышно поросшие лесом лощины на дно дикого романтического ущелья. Здесь мы идем по каменистому руслу ручья на некоторое расстояние между высокими обрывистыми берегами. Дальше тропинка поднимается на правый берег ручья, и мы едем вдоль него, слева под нами глубокий овраг, а справа - высокая каменная стена. Вся долина, насколько хватает глаз, покрыта густым лесом. Дикие оливы, сосны, платаны, агнус кастус, лавр и плющ покрывают его крутые склоны зеленым одеянием. Через полчаса от святилища слева открывается еще одна долина, по которой спускается дорога из Лигурио. Присоединившись к нему, мы продолжаем следовать по долине по тропинке, затемненной деревьями и пышной листвой земляничного дерева, в то время как рядом с нами ручей протекает через заросли мирта и олеандра. Примерно через полчаса долина открывается, и мы видим море с выдающимся скалистым мысом Метана, вдающимся в него справа, острова Саламин и Эгина вдалеке, а еще дальше Аттическое побережье, голубое, но чистое на северном горизонте.

Выйдя наконец из долины, мы пересекаем небольшую приморскую равнину, покрытую лимонными рощами, и достигаем места, где находился древний Эпидавр. Его расположение очень живописно. Из небольшой приморской равнины, окруженной высокими горами с лесистыми склонами, в море выступает скалистый полуостров, соединенный с материком только узкой горловиной низкой болотистой местности. Он разделяет две бухты друг от друга: северная бухта хорошо защищена и, вероятно, образовывала древнюю гавань; южная бухта

представляет собой открытый рейд. Древний город, по-видимому, располагался в основном на полуострове, но простирался также до берегов двух заливов. Скалистые склоны полуострова круто обрываются в море, и он вздымается двумя пиками на высоту около двухсот пятидесяти футов; восточная вершина несколько выше. В некоторых местах, особенно на южной стороне полуострова, на краю утесов можно увидеть остатки крепких стен, окружавших город. Они построены в основном в многоугольном стиле из больших блоков, хорошо обтесанных и соединенных между собой.

С полуострова, сейчас в основном заросшего кустарником, открываются прекрасные виды как на море, так и на сушу. Побережье к югу в направлении Трезена очень смелое и величественное, горы здесь круто поднимаются над морем на большую высоту. В начале залива, с другой стороны, холмы, поросшие соснами, ниже, и между ними виднеется вход в долину, вверх по которой тропинка ведет через густо поросшие лесом лощины к священной роще Эскулапа.

XXVII. Храм на Эгине.—Храм стоит на вершине холма в северо-восточной части острова, откуда открывается великолепный вид на море и побережья Аттики и Пелопоннеса. Он находится примерно в двух с половиной часах езды от города Эгина. Путешественники из Афин, желающие посетить храм, обычно высаживаются в прекрасной скалистой бухте Айя-Марина на восточной стороне острова. От берега залива к храму ведет крутой склон, поросший редким сосновым лесом. Я всегда буду помнить, как в погожий весенний день мы высадились здесь и лежали под соснами, глядя вниз на ярко-голубые, но кристально чистые воды залива. Воздух был напоен ароматом сосен, у наших ног цвел желтый раkitник, а за морем виднелось побережье Аттики. Это была сцена, которую Феокрит мог бы увековечить.

XXVIII. Святилище Посейдона в Калаврии.—Святилище очень живописно расположено на седловине между двумя самыми высокими вершинами острова, обе из которых покрыты сосновыми лесами. Прогулка продолжительностью около часа приведет нас к нему из Пороса, современной столицы острова. Тропинка сначала на короткое время огибает южный берег острова, затем поворачивает и поднимается в северо-западном направлении через сосновый лес. Из святилища, которое стоит на высоте около шестисот футов над уровнем моря, открываются прекрасные и широкие перспективы между лесистыми холмами как на севере, так и на юге. Мы смотрим вниз на море с его многочисленными заливами, заводами, мысами и островами, раскинувшимися переднами и обрамленными, как на картине, поросшими соснами холмами по обе стороны. Вряд ли можно было найти более подходящий дом для морского бога, чье любимое дерево — сосна - до сих пор покрывает большую часть острова.

XXIX. Трезен. Равнина Трезен лежит между морем и грядой неровных и скалистых холмов, поросших темными вечнозелеными растениями и чахлыми деревьями, которые окружают ее с запада и юга. Северная часть равнины местами заболочена, и болота вызывают лихорадку у землистых жителей Дамалы, жалкой деревушки, приютившейся среди деревьев у подножия холмов в самом дальнем углу равнины, недалеко от руин Трезена. Однако участки пастбищ и виноградников чередуются с болотами; а к востоку, по направлению к острову Калаврия, равнина хорошо орошается, возделывается как сад и утопает в зелени виноградных лоз, олив, лимонных рощ и фиговых деревьев. При взгляде с воды красивого залива, почти не имеющего выхода к морю, зелень этой богатой растительности с высокими темными кипарисами, заметно возвышающимися надо всем, освежает глаза, привыкшие к засушливым равнинам и холмам Греции. В Дамале апельсиновые и лимонные рощи приносят жителям деревни значительную прибыль. На возвышенности, к северо-западу от деревни, находятся руины Трезена. Великолепный вид на равнину, горы и море не изменился; но от самого города, к которому, если мы можем доверять Павсанию, его жители относились с такой нежной патриотической гордостью, не осталось ничего, кроме нескольких незначительных руин, заросших сорняками и разбросанных среди зарослей кустарника. Изолированная скалистая гора, круто поднимающаяся на дальней стороне глубокого ущелья, была древним акрополем. Восхождение утомительно, особенно если оно совершается в полдень душного летнего дня, когда солнце безжалостно палит с безоблачного неба, скалы такие горячие, что к ним невозможно прикоснуться без боли, расшатанные камни скользят на каждом шагу, сухие увядшие кусты и трава хрустят под ногами и ослепляют вас облаками пыли и пуха. Чудесный вид с вершины, однако, компенсирует труд восхождения, простирающегося через зеленую плодородную равнину у наших ног и уходящего далеко за запутанный лабиринт островов, мысов и заливов к Суниуму на северо-востоке и снежному пику Парнас на северо-западе.

Другой живописный пейзаж, другого рода, можно увидеть, поднявшись вверх по ущелью до того места, где на большой высоте его пересекает единственная небольшая арка из серого камня, которую крестьяне называют Чертовым мостом. Она ведет по тропинке и крошечному акведуку, высеченному из цельного каменного блока, через узкую, нелетучую пропасть. Высокие утесы, поросшие жуками, возвышаются над маленьким мостом; папоротники и плющ густо покрывают один из скалистых склонов лин под ним; а деревья склоняются над ручьем, который журчит в глубине внизу. Это ручей, который Павсаний называет Золотой рекой. Пышные лимонные рощи теперь обрамляют его берега там, где он вытекает из ущелья на равнине Трезен.

XXX. От Трезена до Эпидавра. Мы покинули руины Трезена в половине первого пополудни и поехали на север по широкому плоскому перешейку, соединяющему гористый полуостров

Метана с материком. Через пятьдесят минут мы достигли берега лагуны, которая образуется в устье залива Метана рекой Потами, Золотой рекой Павсания. Обогнув лагуну, мы в половине второго подошли к пляжу в том месте, где ручей впадает из лагуны в море. Оттуда мы некоторое время ехали по пляжу, затем перевалили через скалистый выступ, после чего тропинка немного удалилась вглубь острова от моря. Но на протяжении всего нашего путешествия из Трезена в Като-Фанари горы возвышались на небольшом расстоянии от нас слева. К половине третьего мы были напротив Лесии, деревушки у подножия высокой скалистой горы, с долиной на восточной стороне, по которой стекает ручей. Но русло ручья, когда мы пересекали его, было сухим. Ниже деревни на равнине растут оливы. Незадолго до четырех часов мы подошли к разрушенной средневековой или современной башне, возвышавшейся на возвышенности справа от нас, между нами и морем. Рядом с ним стоит маленькая часовня, рядом с прекрасным рожковым деревом. Горы теперь подступали к самой кромке воды, и наш путь пролегал вдоль их поросших кустарником и скалистых склонов, огибающих заливы и мысы на значительной высоте над морем. Здесь мы наслаждались прекрасным видом через просторный залив на высокий, гористый и изрезанный полуостров Метана, который имеет мрачный вид, возможно, из-за темного цвета его вулканических пород. Дальше тропинка, хотя и не удалялась далеко от моря, уходила вглубь страны, и мы прошли по большому участку каменистой почвы, в основном засаженной оливками. Во многих местах вдоль нашего маршрута в течение дня крестьяне были заняты сбором оливок с деревьев. Еще одной особенностью дневной поездки было огромное количество рожковых деревьев, мимо которых мы проезжали, некоторые из них были очень красивыми деревьями с темными, гладкими, глянцевыми листьями. Наконец тропинка поднялась по крутому каменистому склону и привела нас в половине пятого в деревню Като-Фанари, очень живописно расположенную высоко на склоне горы, которая недалеко от деревни вздымается скалистыми обрывами серого камня. Надвигались сумерки, но оставалось достаточно дневного света, чтобы я мог оценить красоту перспективы от возвышенно расположенной деревни на другом берегу моря до островов, высокого полуострова Метана и длинной линии мысов, тянущихся к Эпидавру, - все это было залито теплым, хотя и быстро угасающим светом зимнего вечера.

На следующее утро мы покинули Като-Фанари вскоре после восьми часов. Тропинка круто поднималась по склону горы, откуда открывался вид на море. Чуть меньше чем за час мы достигли Ано-Фанари, деревни с видом на море, расположенной далеко на склоне высокой скалистой горы, обращенной на юг к еще более высокой отвесной горе, на обращенной к морю стороне которой, ниже пропастей, стоит нижняя деревня Като-Фанари. Говорят, что на этой последней горе, или, скорее, на вершине хребта, к которому она принадлежит, называемого горой Ортолитион, крестьяне с незапамятных времен совершали определенные церемонии в периоды засухи и мора.

В Ано-Фанари я услышал о руинах древней крепости по соседству и отправился с гидом посетить их. Прогулка в несколько минут в северо-восточном направлении привела нас на вершину горы, где можно увидеть останки. Обстановка удивительно приятная. Обрывы, спускающиеся к морю, окружают вершину с севера и северо-востока, и с них открываются великолепные виды на Саронический залив, Эгину, Саламин и Мегару. На вершине можно увидеть некоторые средневековые руины, состоящие из стен и двух или более разрушенных часовен, а на ее южной стороне, по направлению к деревне, находится разрушенная крепостная стена, построенная из больших неправильной формы блоков. Таким образом, древняя крепость, занимавшая это господствующее положение, по-видимому, была

отремонтирована и заселена в средние века. Как называлось это место в древности, мы не знаем.

Жители деревни обратили мое внимание на несколько отверстий в скалах между крепостью и деревней, из которых выходят потоки теплого воздуха. Воздух из одного из отверстий был достаточно горячим, чтобы согреть меня, хотя утро было холодным. В этой конкретной дыре я тоже слышал грохочущий звук, похожий на звук кипящей воды или ветра, дующего под землей.

Мы покинули Ано-Фанари около десяти часов и спустились на запад, подальше от моря, на небольшую желобообразную равнину или долину, окруженную со всех сторон скалистыми и бесплодными горами. Миновав несколько незначительных руин на небольшой равнине, мы поднялись в горы на север покрутой каменистой тропе, которая вела в узкую горную долину, тянущуюся с севера на юг и окруженную холмами, склоны которых были поросшими кустарником различных видов. Эту долину мы прошли из конца в конец. Через узкий проход или ущелье в горах на восточной стороне мы получили поразительный вид на часть мыса Метана, в основном в тени, но кое-где на нем отражаются солнечные лучи. В северном конце долины, поднявшись на горный хребет, мы увидели раскинувшуюся под нами на некоторой глубине широкую открытую долину примерно круглой формы. Наш путь, который снова был очень труднопроходимым, не спускался в долину, а огибал ее с восточной стороны, поднимаясь в гору, пока не повернул на восток через пролом в холмах. Когда мы прошли через пролом, перед нами внезапно открылся вид на море со всеми его побережьями и островами, сияющими на солнце (потому что после пасмурного утра день прояснился). Саламин был виден на севере, а к востоку от него возвышалась гора Пентеликус с мраморными карьерами, видимыми даже на таком расстоянии в виде белых пятен на ее склоне. Далеко под нами лежал Эпидавр, его маленький полуостров, вдающийся в голубой залив. Мы находились на большой высоте над морем, но теперь постепенно спускались к нему в направлении Эпидавра по крутой неровной тропинке, идущей наискось по заросшему кустарником склону горы. Таким образом, мы вышли наконец на небольшую приморскую равнину, пересекли ее с юга на север и, миновав несколько лимонных рощ, около половины третьего достигли современной деревни Палея Эпидаврос, или Старый Эпидавр.

Деревня стоит на берегу в начале глубокой узкой защищенной бухты, образованной полуостровом древнего Эпидавра на юге и более высоким мысом, поросшим низкими зелеными соснами, на севере. Рядом с деревней небольшой мыс вдается в воду; его венчает побеленная часовня Святого Николая, которая стоит в большом огороженном забором помещении с двумя растущими перед ней кипарисами. Церковь, по-видимому, находится на месте святилища Геры, упомянутого Павсанием.

XXXI. Метана. —Метана до сих пор является названием гористого полуострова, который далеко вдается в море от побережья Трезена, образуя очень заметную достопримечательность в Сароническом заливе. Перешеек, соединяющий его с материком, шириной около тысячи футов, был укреплен во время Пелопоннесской войны афинянами, которые основали

укрепленный пост на полуострове, откуда они разоряли побережья Трезены и Эпидавра. До сих пор можно увидеть остатки стены поперек перешейки и два замка на противоположных берегах. Эти укрепления были обновлены в средние века; и греки пытались использовать их в войне за независимость. Сам полуостров представляет собой гористую массу величественных и живописных очертаний. В самом центре его главная вершина, коническая гора Челона, возвышается на высоту от двух до трех тысяч футов. Большая часть полуострова имеет вулканическое происхождение, преобладающей породой является темно-красный или коричневый трахит. Общий характер пейзажа представляет собой бесплодную пустыню, весь регион, за исключением нескольких узких полосок на побережье, занят острыми горными хребтами, которые расходятся лучами от горы Челона. Узкие овраги отделяют эти хребты друг от друга. Воды мало, а воздух сухой и горячий. Жители, однако, ухитряются возделывать участки земли, поддерживаемые террасами, высоко на склонах гор. Велик контраст между этой пустынным и засушливым горным массивом и богатой и хорошо орошаемой равниной Трезен, которая примыкает к нему с юга.

XXXII. Науплия. —Науплия, ныне оживленный процветающий морской порт и один из главных городов Греции, занимает северную сторону скалистого полуострова, который выдается на запад в Аргонический залив, недалеко от устья залива и на его восточной стороне. Северная сторона полуострова равнинная, и здесь теснятся узкие и неслишком пикантные улочки Науплии. Таким образом, город выходит через гавань на Аргонийскую равнину и не имеет вида на море. На южной стороне полуострова, за городом, находится длинная и высокая скала под названием Ицх-Кале, которая, по-видимому, была первоначальной цитаделью Науплии; древние стены, построенные в многоугольном стиле, можно увидеть в местах, служивших фундаментами для средневековых и современных укреплений. Существуют и другие остатки древности в виде вырубов в скале, лестниц, цистерн и так далее. Крутой южный склон скалы густо зарос кактусом. На северной стороне полуострова, между ним и берегом Аргонической равнины, раскинулась гавань, которая придает Науплии ее коммерческое значение. Несмотря на просторность, здесь очень мелко; большим пароходам приходится бросать якорь далеко от берега.

Полуостров с материком соединяет перешеек. Непосредственно на обращенной к суше, то есть на восточной стороне перешейки, массивная и внушительная скала Паламиди, одна из сильнейших крепостей Греции, круто вздымается на высоту более семисот футов. Укрепления, венчающие его вершину, были построены венецианцами и турками; сейчас они служат тюрьмой. На их стенах, как и на стенах Ицх-Кале, выбито множество венецианских надписей, на некоторых из них изображен лев Святого Марка. Три стороны могучей скалы обрывисты, но с юго-восточной стороны она доступна, поскольку соединяется грядой с холмами. Подъем из Науплии осуществляется по длинной лестнице в северо-западном углу крепости; она начинается недалеко от городских ворот. Название Паламиди происходит от Паламеда, сына Науплии. Паламедиум, вероятно, было древним названием крепости, хотя ни один классический автор не упоминает его. С вершины открывается прекрасный вид на залив и

Аргосскую равнину на фоне гор, окружающих равнину. Нелегко забыть и вид с набережной Науплии через залив на горы Арголиды, особенно если смотреть на него при лунном свете, когда море спокойно, сияют звезды, а высокие реи судна с латинским оснащением выделяются на фоне неба, как черные крылья, то заслоняя, то открывая звезду, когда лодки покачиваются на легкой зыби.

XXXIII. Источники Эразина.—Из Аргоса дорога в Тегею идет на юго-запад. Сначала она огибает подножие крутого холма Лариса, а затем проходит через южную часть Арголийской равнины. Справа возвышаются горы небольшой высоты, которые ограничивают равнину на западе. Примерно в трех милях от Аргоса мы съезжаем с шоссе и направляемся на запад, к холмам, по красивой аллее из серебристых тополей, платанов и олеандров. Вскоре это приводит нас к источникам.

Место очень живописное. Скалистая гора здесь спускается пропастями из желтоватого известняка к равнине, а у ее подножия несколькими потоками стремительно сбегает со скал чистая искрящаяся вода, частично вытекающая из низкой пещеры, частично бьющая из-под земли. Под камнями вода образует прозрачный, но неглубокий бассейн, где густо растут водяные растения ярко-зеленого цвета; затем, протекая через арки стены, которая частично перегораживает бассейн, она отводится в несколько каналов, затененных высокими тополями, ивами и шелковицей, и таким образом за короткое время вращает дюжину мельниц — Мельницы Аргоса, как их называют. После орошения рисовых полей каналы снова соединяются в реку, которая впадает в море по болотистой местности, среди густых зарослей тростника и осоки, всего в трех милях от своего истока у подножия холмов. Эта река, современная Кефалари, является Эразинусом ('прекрасной рекой') древности. Это единственная река на Арголийской равнине, которая течет одинаково летом и зимой; и мнение как древних, так и современных греков о том, что это исток Стимфалийского озера в Аркадии, представляется вполне обоснованным.

На поверхности известняковой скалы, в нескольких футах над истоками реки, находятся входы в две пещеры. К ним ведет лестница. Пройдя через устье более крупной пещеры, мы оказываемся в высокой, тускло освещенной пещере со сводчатым потолком, похожей на готический собор, которая вдается в гору на расстояние двухсот футов или более. С крыши капает вода, образуя длинные сталактиты. Через узкий вход в пещеру проникает немного света, но даже в полдень здесь царят тусклые сумерки. Летучие мыши, естественные обитатели мрачной пещеры, проносятся над нашими головами, словно возмущаясь вторжением. От главной пещеры отходят несколько ответвлений. Самый длинный из них, открывающийся влево, сообщается на своем самом внутреннем конце с верхним воздухом посредством отверстия, похожего на окно. В другом ответвлении, также слева, есть низкое, узкое, темное, как смоль, отверстие, которое, если исследовать со светом, обнаруживает на дальнем конце расщелину, спускающуюся, по-видимому, в недра горы. Меньшая из двух пещер, расположенная к северу, отгорожена стеной и образует часовню Панагии Кефалариотиссы. Поклонение Пану, о котором упоминает Павсаний, возможно, проводилось в этой или соседней пещере; ибо Пан, бог пастухов, любил

бывать в пещерах, и в этих двух пещерах пастухи со своими стадами до сих пор ищут укрытия от дождя и бури. Часовня Панагии, в которой сохранилось несколько древних блоков, вполне могла стать преемницей святилища Пана или, возможно, Диониса, которому здесь также поклонялись. Фестиваль по-прежнему ежегодно проводится на этом месте восемнадцатого апреля; возможно, это не что иное, как продолжение, в измененной форме, фестиваля Диониса под названием Тирба, о котором упоминает Павсаний.

Летом это место сейчас является излюбленным местом отдыха отдыхающих из Аргоса, которые находят свое удовольствие в побеленной беседке или крытом сарае у входа в пещеру. Весь пейзаж — скалистые обрывы, тенистые пещеры, кристально чистый ручей, спокойный пруд, зелень и тень деревьев — одновременно настолько красив и приятен, что, если бы это было недалеко от Афин, он, вероятно, прославился бы в песнях и легендах. Но в Аргосе не было Софокла, который воспел бы ему хвалу в бессмертных стихах.

XXXIV. Лернейское болото. — Гора Понтинус, возвышающаяся над деревней Лерна, представляет собой холм небольшой высоты, но широких массивных очертаний. На его гребне снизу видны на фоне неба стены и башни средневекового замка, венчающего вершину. Склон холма в направлении Лерны в целом ровный и однородный, поросший невысокими растениями, но к юго-востоку он прерывается несколькими высокими рядами скал. Транспортная дорога из Аргоса огибает подножие холма и пересекает деревню. Рядом с дорогой берут начало оба источника - ручей Понтинус и Амимон; а между дорогой и морем находится Лернейское болото. Приближаясь к Лерне из Аргоса и въезжая в перевал между горой Понтинус и морем, мы сначала подходим к окаймленному камышом источнику Понтинус на левой стороне дороги. Ручей представляет собой простой ручеек с чистой водой, окаймленный камышом и высокой травой и почти заросший зелеными водяными растениями. Большая часть воды отводится из источника для вращения мельницы, которая стоит на берегу. Все течение ручья от его истока до моря составляет всего несколько сотен ярдов.

Миновав исток Понтина и пересекая за несколько минут деревню Лерна, мы подходим к источникам Амимоне, которые берут начало рядом с дорогой на южной окраине деревни, в нескольких ярдах к северу от побеленной часовни святого Иоанна. Родники обильны и бьют из-под скал, образуя сразу неглубокий бассейн с удивительно чистой водой, из которого ручей течет к морю по руслу, окаймленному тростником. Большие заросли тростника, отмечающие место Лернейского болота, растут также рядом с прудом и на узкой полосе плоской заболоченной земли между ним и морем. Фиговое дерево пустило корни среди скал, из которых вытекают источники, а в нескольких ярдах дальше растут тутовое дерево и серебристый тополь.

Примерно в восьмидесяти ярдах к северо-востоку от источников, но полностью скрытое зарослями деревьев, находится Альционийское озеро, описанное Павсанием. Это бассейн со спокойной, темной, блестящей водой, окруженный большим тростником, травой и высокими белыми тополями с серебристыми стволами. Хотя это место находится всего в тридцати ярдах от большой дороги и деревни, оно такое же дикое и уединенное, как если бы оно находилось в

глубине какого-нибудь непроходимого леса Нового Света. Некоторое время я тщетно искал его, и когда наконец наткнулся на него в угасающем свете зимнего полудня, все, казалось, усилило естественный ужас этой сцены. Небо было темным, за исключением одного пронизанного солнечным светом облачка, которое отражалось в черной воде пруда. Ветер вздыхал в камышах и шелестел тонкими листьями тополей. В целом, я вполне мог себе представить, что вокруг этого уединенного водоема на болоте могли собираться суеверия. О таком месте в Англии рассказывали бы истории о несчастной любви, об убийствах и самоубийствах. Древним грекам это казалось одним из путей в ад. Человек, который увез меня из Аргоса, сказал, как и Павсаний, что пруд никогда не был изучен и был бездонным.

XXXV. Анигрейская дорога.—К югу от Лерны дорога на некотором расстоянии огибает берег. Покидая деревню Кивери, тропинка протекает вдоль склона горы Завица, которая слева круто обрывается к морю. Павсаний назвал этот район Аниграей. Дорога по-прежнему, как и в его дни, очень неровная и плохая. Время от времени мы попадаем в небольшую бухту с пляжем в устье узкой лощины, рассекающей склон горы; в других местах море на всем протяжении окаймлено отвесными скалами, над которыми тропинка взбирается на холм и спускается в долину. Склоны гор по большей части покрыты чечевицей и дикими оливками, кое-где виднеются участки кукурузных полей. Примерно через два с половиной часа от Кивери тропинка выходит к Анаволо, древнему Дайну. Это обильный источник пресной воды, берущий начало в море, примерно в четверти мили от узкого пляжа под утесами. Объем пресной воды достигает полных пятидесяти футов в диаметре. В тихую погоду можно увидеть, как он поднимается с такой силой, что образует выпуклую поверхность, возмущая море на несколько сотен футов вокруг. Очевидно, что это выход подземной реки некоторой величины, и, таким образом, соответствует описанию Павсания. После почти трехчасового карабка по Аниграе мы обнаруживаем, что гора резко обрывается, и на юге перед нами простирается приморская равнина Тирея. Это то, что Павсаний описывает как “участок местности слева, спускающийся к морю, где хорошо растут деревья, особенно оливы”. Равнина имеет около пяти миль в длину, но нигде не больше половины ширины; ее почва - богатый суглинок; кукурузные поля и оливковые рощи покрывают ее поверхность.

XXXVI. Поле битвы при Селлазии.—В настоящее время дорога из Араховы в Спарту проходит по руслу реки Келефина (древний Эну) на протяжении примерно семи или восьми миль. Тропинки там нет. Вы едете по каменистому руслу реки, снова и снова пересекая ее скудную воду взад и вперед. Пейзаж живописный, река петляет между высокими берегами, которые обычно покрыты кустарником и деревьями. Действительно, многие деревья растут в самом русле ручья, и путешественнику во время верховой езды иногда приходится быть осторожным, чтобы не быть

сбитым с ног их ветвями. Перед нами, по мере того как долина расширяется, мы видим высокий голубой заснеженный хребет Тайгетус. Точка, в которой, покинув русло ручья, мы поднимаемся на его западный берег, и через долину Евроты как на ладони открывается весь великолепный хребет Тайгетус, была местом битвы при Селлазии.

XXXVII. Спарта. — Древняя Спарта стояла на широком участке довольно ровной местности, прерываемом несколькими невысокими возвышенностями, на правом берегу Евроты, где река делает изгиб на юго-восток. Таким образом, город был ограничен с севера и востока широким, усыпанным гравием руслом реки. Приближаясь с севера по большой дороге из Тегеи, вы пересекаете реку по новому железному мосту, затем, пересекая ровную полосу земли, поднимаетесь по ложбине между двумя невысокими возвышенностями или холмами, которые входили в контур древней Спарты. Оставив эти возвышенности справа и слева, вы попадаете на юг, на ровный участок кукурузной поляны, густо усеянный оливковыми деревьями. Когда я увидел его, пшеница была высотой по грудь, а ее колышущаяся поверхность, испещренная тенями многочисленных оливковых деревьев, представляла собой богатый вид, похожий на парк. Эта равнина имеет около полумили в поперечнике; на юге она заканчивается низким широким хребтом, тянущимся с востока на запад, на котором стоит город Новая Спарта.

Этот новый город, возникший после войны за независимость, очарователен. Улицы, пересекающие друг друга под прямым углом, широкие и приятные. Многие дома окружены садами, и мягкая зелень деревьев, выглядывающих из-за низких стен, приятна и освежает взгляд. Сады изобилуют апельсиновыми деревьями, которые, когда на них растут плоды, напоминают сады Гесперид. Весной воздух, даже на улицах, насыщен богатыми ароматами. С юга город ограничен рекой Магула, которая здесь течет с запада на восток и впадает в Евроту чуть ниже города, напротив крутых высот Терапна. На запад равнина простирается на три или четыре мили до подножия великолепного хребта Тайгетус, который круто поднимается с крутыми скалистыми склонами на высоту почти восьми тысяч футов. Заметным ориентиром на западе, если смотреть из Спарты, является острый конический холм Мистра, опирающийся на хребет Тайгет, но все еще резко выделяющийся на его фоне. Хотя на самом деле это гора высотой более двух тысяч футов, она кажется совсем крошечной по сравнению с огромной стеной Тайгетуса, возвышающейся за ее спиной.

Местность между Спартой и Тайгетом предлагает места самой живописной красоты, особенно если вместо того, чтобы следовать по большой дороге, которая довольно скучна, вы направитесь прямо в Мистру от разрушенного театра Старой Спарты. Был ясный вечер весной или в начале лета (ближе к концу апреля, но лето в Греции наступает раньше, чем в Англии), когда я совершал эту прогулку, и впечатление, которое она произвела на меня, было невыразимым. Апельсиновые рощи, сады, свежие и зеленые со всех сторон, мужчины, отдыхающие на теплом вечернем воздухе в живописной таверне под большим раскидистым деревом, дети, играющие на зеленых дорожках, группа девушек-спартанок, наполняющих свои кувшины из источника, журчащего из серой, потрепанной временем стены, река (Магула), через которую перекинут причудливый старый мост и извивающаяся через рощи апельсиновых

деревьев, усыпанных золотыми плодами, и возвышающаяся над всей огромной заснеженной грядой Тайгет на западе, с закатным небом над ней... все это составляло картину или, скорее, последовательность картин, эффект от которых невозможно передать словами. Это была мечта об Аркадии, Аркадии поэтов и художников, подобных Пуссену.

В этом сочетании пышной зелени с величественными горными пейзажами долина Спарты напоминает более знаменитую, но не более красивую Гранаду с ее раскинувшейся зеленой Вегой, ее сиреневыми горами, купающимися под ярким небом Испании, и снежным хребтом Сьерра-Невада, лежащим подобно большому белому облаку на южном горизонте. Но Тайгет возвышается над зрителем в Спарте так, как Сьерра-Невада, конечно, не возвышается над зрителем в Гранаде. Увидеть его в ясный день со всеми его великолепными очертаниями — острыми пиками и величественными размашистыми изгибами, четко очерченными в прозрачном воздухе, с длинной чередой снежных вершин, сверкающих на солнце, и глубокими фиолетовыми тенями, лежащими на нижние склоны, — зрелище, которое невозможно забыть. Недавний исследователь Греции заметил, что из всех греческих городов Спарта находится в самом красивом месте. Насколько позволяет мой опыт, это наблюдение справедливо.

XXXVIII. Мистра. Пейзаж местности у восточного подножия горы Тайгет, к которой ведет нас Павсаний, хорошо описан Вишером следующим образом: “ Находясь в Терапне, Амиклах и круглых зданиях Вафио и Мармалии, мы встретились с остатками очень древней цивилизации, которая процветала на равнине Еврот до вторжения дорийцев; с другой стороны, когда мы достигаем первой линии скалистых высот Тайгет, мы оказываемся в средневековье — во времена франков и византийцев. Первая ступень Тайгетуса круто поднимается над равниной отвесными скалами, изрезанными множеством оврагов, из которых вытекают горные потоки. Венчающая своими живописными руинами вершину одной из этих высот, в часе езды к западу от Спарты, находится крепость Мистра, построенная Вильгельмом де Вильгардуэном в середине тринадцатого века. Ниже замка, на склоне горы, раскинулся обширный город, когда-то имевший гораздо большее значение, а теперь наполовину лежащий в руинах, с его многочисленными церквями и монастырями, приходящими в упадок. И все же для путешественника, несмотря на свой упадок, Мистра должна оставаться в силу своего местоположения одним из самых очаровательных мест, которые он может найти в Греции или где-либо еще; и вид с высоты замка, с одной стороны, на всю равнину, с другой стороны, на снежные вершины Тайгета, через плодородные равнины и лесистые склоны первой ступени горной лестницы, требует только вида на море, чтобы быть непревзойденным.

“ Весь район тоже отличается неопишуемой красотой. Путь из Новой Спарты мимо деревни Магула, раскинувшейся среди всевозможных фруктовых деревьев, достаточно восхитителен. Она проходит по равнине, орошаемой свежими ручьями, где поникшие ветви оливковых и фиговых деревьев часто буквально преграждают путь, и при езде верхом приходится следить за тем, чтобы голова не повисла на ветвях. Но все это почти забывается, когда мы едем из Мистры через Парори и Хагианнис вдоль подножия гор в Склавохори. Во время этой поездки все красоты долины Евротас сольются воедино, ибо здесь мы видим дикое величие в

сочетании с буйной красотой богатой южной растительности. Парори, который находится недалеко от Мистры и раньше был ее пригородом, находится в устье темного и глубокого ущелья, из которого с шумом вытекает ручей. Путешественникам указывают на это ущелье как на Каэдас, овраг, в который спартанцы обычно бросали военнопленных, а впоследствии и преступников; и, конечно, Каэдас, а также Апотеты, где выставляли слабых детей, следует искать в одном из ущелий горы Тайгет, из которых едва ли какое-либо кажется таким суровым и ужасным, как то, что находится в Парори. В устье ущелья, чуть выше деревни, есть очень красивое место. Из турецкого фонтана бьет обильная струя воды, которая стекает по всевозможным ползучим растениям в большой бассейн, а перед ним растут несколько прекрасных платанов.

Дальше дорога петляет через лес и чащу, где фруктовые деревья чередуются с высокими дубами, вязами и платанами, к деревне Агианнис, спрятанной среди апельсиновых, лимонных, фиговых деревьев и олив. Среди лесов темные кипарисы возвышались поодиночке, как колонны; многие иудины деревья были в полном цвету, создавая своим розово-красным цветом приятный контраст с различными оттенками зеленого, в то время как олеандры, росшие у каждого ручья высотой с дерево, еще не распустили свои почки. Дикие лианы взбираются на самые верхние ветви, а многие другие лианы, такие как плющ, вьюнок и клематис, часто оплетают деревья и кустарники в непроходимые заросли. По богатству растительности этот район не имеет себе равных в Греции, и ни один человек, ступивший на греческую землю, не должен не посетить его. И все же часто случается, что путешественники, довольные посещением Спарты, немедленно поворачивают обратно, а затем, переполненные впечатлениями, оставленными на них равнинами Триполицы, Аргolidы и окрестностями Афин, жалуются, что в Греции нет деревьев”.

Автор настоящего письма, хотя он и не был южнее Парори, может подтвердить общую точность этого описания. Вид на прекрасную долину Спарты с крутого холма Мистра, усеянного памятниками Средневековья, над которым возвышается гора Тайгет, возвышающаяся за ним подобно стене, сочетает в себе почти все элементы природной красоты и исторические ассоциации. Сразу под франкским замком, венчающим вершину холма, находятся руины просторного византийского дворца, некогда резиденции губернатора Мореи, занимавшего второе место после императора. Его большой зал выходил в дворцовый сад, с террасы которого открывался чудесный вид на долину. Опять же, фонтан, описанный Вишером в устье огромного ущелья, - это сцена, которую нельзя забыть. Вода хлещет из множества отверстий в стене, построенной у скалы. Каменная скамья окружает ствол большого раскидистого платана, который стоит перед фонтаном. Все это, с мрачным ущельем позади, составляет картину, которую чаще видишь во сне, чем наяву. Опять же, деревня Трипи, расположенная немного к северу от Мистры, у входа в знаменитый перевал Лангада над горой Тайгетус, отличается идиллической красотой. Он утопает в лесах и фруктовых садах на склоне горы; и, входя в него с юга, вы проходите мимо устья узкой долины, покрытой папоротником и поросшей деревьями.

XXXIX. По дороге из Спарты в Аркадию.—Павсаний возвращается с горы Тайгет в Спарту и направляется на север по дороге, которая вела в Мегалополис в Аркадии. До границы с Аркадией тропа следует по долине Евроты, держась правого или западного берега реки и обычно проходя близко к ручью, берега которого окаймлены олеандрами, фиговыми деревьями и платанами. На протяжении первых трех миль долина открыта и обладает тем сочетанием очарования, которое делает долину Спарты самым красивым регионом Греции. Река в целом протекает у подножия нескольких голых холмов, которые возвышаются на восточной стороне долины, во многих местах погружая свои скалистые склоны в свою воду. Но с другой стороны, низкие пологие холмы, покрытые превосходной почвой и пересеченные ручьями, простираются туда, где длинный хребет Тайгетус возвышается на фоне западного неба, его величественные снежные вершины прекрасно контрастируют с темными лесами на нижних склонах и пышной растительностью долины. В этой открытой части долины, должно быть, находились все места и предметы, упомянутые Павсанием между Спартой и образом Скромности; но никто еще не отважился идентифицировать их. Примерно в трех милях от Спарты долина сужается, и пейзаж меняется. Мы больше не в большой открытой долине, покрытой буйной растительностью и окруженной величественными горами. Мы проезжаем по узкой долине, окруженной невысокими холмами, у подножия которых река течет между берегами, густо поросшими ивами, тополями, олеандрами и платанами. Хорошо возделанные поля раскинулись на пологих нижних склонах холмов и занимают участки плоской земли там, где холмы отходят от реки. Голые верхние склоны тут и там усеяны несколькими оливками.

XL. Мыс Малеа. Склоны мыса Малеа, юго-восточной оконечности материковой Греции и Европы, образованы головокружительными утесами высотой около тысячи футов из темного голого камня, местами изрезанного трещинами. На крайней оконечности мыса есть большое естественное углубление в скале; и здесь, на склоне утеса, примерно в двухстах пятидесяти футах над уровнем моря, есть крошечная терраса, спускающаяся к перпендикулярному краю обрыва. На террасе построены две часовни, а рядом, частично высеченная в скале, находится келья полуголого и почти дикого отшельника. С террасы вы можете спуститься, рискуя сломать шею, в пещеру, выходящую на пену огромных валов, которые здесь вечно разбиваются. В самом дальнем углу пещеры находится груда человеческих костей. Ощущение полного одиночества и оторванности от мира, которое это место призвано вызывать в сознании, нарушается при виде проплывающих судов. В хорошую погоду мимо постоянно проходят пароходы всех наций, а маленькие греческие парусные лодки с красновато-коричневыми или белыми латинскими парусами скользят совсем рядом со скалами. Но мыс пользуется дурной славой из-за штормов и сильного прибоя; иногда даже большие пароходы не могут выдержать здесь целую неделю. Существовала древняя пословица: “Обогнув Малею, забудь о своем доме”.

XLI. Монеувасия. Древний Миноа ^[8] сейчас это Монеувасия, остров длиной около полумили, недалеко от берега, с которым он соединен длинным старым каменным мостом. Остров представляет собой высокую обрывистую скалу, напоминающую Гибралтар или Басс-Рок и Думбартон-рок в Шотландии. Вершина, увенчанная руинами средневековой крепости и множеством полуразрушенных церквей без крыш и домов, заросших сорняками, теперь представляет собой всего лишь овечью дорожку. С вершины скала обрывается отвесными и высокими пропастями, особенно на севере. Современный город приютился у подножия скал на южной стороне. Его окружают мощные стены, которые соединяются с разрушенной крепостью на вершине скалы. Внутри стен все быстро приходит в упадок. Прекрасные церкви, высокие арки, великолепные частные дома, все заброшенное и в руинах, свидетельствуют о былом процветании и нынешнем упадке города. Торговля в нем совершенно прекратилась; каботажные пароходы заходят лишь изредка. Из города зигзагообразная тропинка ведет вверх по склону скалы к старой цитадели на вершине.

8. Речь идет о Миноа на восточном побережье Лаконии, а не о более известном, но менее живописном Миноа близ Мегары.

В средние века Монеувасия была одним из главных мест левантийской торговли и одной из сильнейших крепостей в Мореи. Оно дало свое название мальмсийскому вину, которое выращивалось на Кикладах, особенно на Теносе, но было названо в честь порта, откуда его отправляли на запад.

XLII. Майна.—Большой центральный полуостров южной Греции, который подробно описывает Павсаний, был известен со времен средневековья под названием Майна или Мани. Хребтом полуострова является большой хребет Тайгет, который тянется на юг, пока не заканчивается в Таэнаруме, современном мысе Матапан, южной оконечности Греции. Пейзажи полуострова дикие; деревни, окруженные непроходимыми зарослями кактусов, цепляются, как орлиные гнезда, за грани, казалось бы, неприступных утесов, к ним ведут каменистые и чрезвычайно труднодоступные тропинки — единственное подобие дорог в этих уединенных высокогорьях. Почти везде на поверхности нет ничего, кроме голой скалы. Леса там нет, но несколько кустов и кое-где пучки травы пустили корни в расщелинах скал и служат скудным пастбищем для овец и коз. Жалкая каменистая почва, где бы она ни была, тщательно возделывается с помощью террас и под мягким южным небом Лаконии дает сносную отдачу. Здесь нет ни родников, ни

ручьев; воду добывают только из цистерн, которые их владельцы держат закрытыми, и за право черпать из них нужно платить.

Жители, майноты, майниоты, или Маниаты, - выносливая и воинственная раса горцев, которые утверждают, что произошли от древних спартанцев. Говорят, что в крепостях своих скалистых гор они сохраняли свое примитивное язычество до второй половины IX века; и туркам так и не удалось покорить их. Как пиратов их очень боялись. Они по-прежнему печально известны своей безжалостной кровной местью, которая настолько распространена, что у каждой влиятельной семьи есть башня, в которой можно укрыться от мстителей за кровь. Известно, что в этих башнях люди, замешанные в кровной мести, прожили много лет, так и не выйдя оттуда. По сей день многие главы семей не осмеливаются покидать свое убежище иначе, как под надежной охраной вооруженных слуг. В деревне может быть от двадцати до тридцати таких укреплений. Каждая башня окружена несколькими низкими хижинами, которые служат мастерскими и жилищем младших членов семьи. Часто башня и хижины вместе заключены в крепостную стену, усиленную башенками с бойницами. Ожесточенные распри часто бушуют между башнями одной и той же деревни.

XLIII. Фары и Мессенская равнина. Древние Фарае, или Феры, вероятно, занимали место современной Каламаты, промышленного города, расположенного на левом берегу широкого каменистого русла Недона, в миле от моря. Телемах, разыскивая своего отца, останавливался на ночь в Фараях по пути из Пилоса в Спарту и снова по возвращении. От Спарты до Каламаты долгий день пути по великолепному перевалу Лангада над горой Тайгетус. Павсаний не упоминает названия реки, на которой стояли Фараоны, но от Страбона мы узнаем, что это был Недон. Это поток, который вытекает из скалистого ущелья на горе Тайгетус, примерно в миле к северо-востоку от крутого холма, возвышающегося за городом. Этот холм увенчан средневековым замком, построенным или оккупированным последовательно франками, венецианцами и турками. Наличие древних тесаных камней в стенах, а также все устройство крепости, по-видимому, указывают на то, что в древности здесь тоже стоял замок. Других реликвий древности в Каламате нет.

Город с его узкими извилистыми улочками и оживленным базаром расположен на великой Мессенской равнине, недалеко от ее юго-восточной оконечности. Эта равнина, открытая с юга и защищенная с севера горами, является самой теплой частью Греции и из-за своего удивительного плодородия была известна древним как Макария, или Счастливая земля. Его природное богатство и восхитительный климат были воспеты Еврипидом в утраченной пьесе, некоторые строки из которой сохранил Страбон. В наши дни здесь сменяют друг друга апельсиновые, лимонные, фиговые деревья, оливки и виноградники, огороженные гигантскими живыми изгородями из колючих кактусов фантастической формы и алоэ, похожих на мечи, которые вместе с жарким воздухом напоминают путешественнику из северной Европы, что он находится в субтропическом климате.

XLIV. Послание.— Из Каламаты, вероятного места расположения древних Фараонов, дорога в Мессену идет на северо-запад через плодородную Мессенскую равнину между изгородами из огромных кактусов фантастической формы и рощами фиговых деревьев, олив и виноградных лоз. Перед нами все ближе и ближе вырисовываются вершины-близнецы Итоме и Ева, смело и круто поднимающиеся с единого подножия на западной стороне равнины и образующие, так сказать, естественную цитадель всей страны. Приблизившись к их базе, мы съезжаем с пыльного шоссе и направляемся на запад вверх по склону горы извилистыми и каменистыми тропами. Это вовремя подводит нас к монастырю Вуркано, где посетители Мессены обычно проводят ночь.

Монастырь прекрасно расположен на восточном склоне горы, примерно в четверти часа ходьбы ниже седловины, соединяющей вершины-близнецы. Здания, расположенные в форме четырехугольника вокруг небольшой церкви, стоят на прекрасной открытой террасе среди кипарисов, дубов и диких олив, откуда открывается беспрепятственный вид на Мессенскую равнину на юг, к сверкающим водам залива, и на север, туда, где равнина заканчивается у подножия холмов. Итоме и его соседний пик возвышаются над равниной примерно на полпути между этими северными холмами и заливом. Гора Эва, нижняя из двух вершин, находится к югу или юго-востоку от Итома, с которым она соединена хребтом или седловиной примерно на полпути к вершине двух гор. Восточная стена Мессены стояла и до сих пор стоит в руинах на этой седловине. Сам город располагался на западной стороне, в чаше, образованной сходящимися склонами двух гор. Это место можно сравнить с огромным театром, заднюю часть которого образует седловина, о которой идет речь, а крылья - гора Итоме и гора Ева. Жалкая деревушка Мавромати находится почти в середине этой похожей на театр ложины; по соседству с ней сохранилось много памятников старины. Но место древнего города сейчас в основном занято кукурузными полями, виноградниками и оливковыми рощами. [Оливковые рощи.](#)

Вид с вершины Итоме великолепен. Под нами раскинулась вся богатая Мессенская равнина. На юге виден весь простор Мессенского залива с великолепным заснеженным хребтом Тайгет, ограничивающим равнину и залив на востоке. Высоко на Тайгетусе видна пропасть, через которую проходит перевал Лангада. По этому перевалу, который образует прямой путь между Спартой и Мессенией, спартанцы, должно быть, часто совершали марши, атакуя своих древних врагов; и вполне возможно, что блеск их начищенного оружия на солнце, когда армия дефилировала по перевалу, мог быть виден часовым на Итоме. Дальше к северу мы видим горы Аркадии, а на северо-востоке заметна Ликейская группа. С запада вид в основном ограничен более близкими и низкими холмами, но там, где они опускаются на северо-западе и снова на юго-западе, мы замечаем проблески Ионического, или, как его еще называли древние, Сицилийского моря.

XLV. По дороге в Олимпию. Река Эримант, спускаясь с высоких гор северо-западной Аркадии, течет между холмами в широкую открытую долину Алфея и впадает в эту реку на ее северном берегу. У своего слияния с Алфеем она течет по гравию между крутыми утесами из пудингового камня. Её вода, если смотреть на нее, по крайней мере, с южной стороны широкой долины в солнечный день, ярко-голубого цвета. После перехода реки вброд и подъема на дальний берег тропа ведет через открытые пастбища, а затем, чтобы избежать большого изгиба реки, поднимается на перевал или лесистое ущелье, где прекрасные дубы и сосны, то поодиночке, то группами, разбросаны в диком разнообразии. Когда мы достигаем вершины и начинаем снова спускаться к Алфею, перед нами открывается ряд великолепных видов на реку, петляющую между лесистыми холмами. Ибо за пределами слияния её вод с Эримантом долина Алфея приобретает более мягкий и веселый вид. На правом берегу возвышаются умеренные высоты, их пологие склоны густо поросли деревьями и кустарниками самых разнообразных сортов. Сосны, клены, платаны и высокие чечевичные кустарники сменяют друг друга, кое-где сменяясь полями и зелеными пастбищами. По ту сторону Алфея раскинулись красивые лесистые холмы Трифилии, где среди сосновых лесов можно увидеть множество живописных деревень, а многие возвышенности, увенчанные церквями или руинами, резко и обрывисто возвышаются над рекой. Вся страна с её лесами, ручьями и широкой рекой, величественно текущей посреди ландшафта, похожа на большой парк. Иллюзию, однако, разрушает тропинка, которая карабкается вверх по холму и спускается в долину, продирается сквозь заросли и плещется в ручьях и стремнинах, чем угодно, только не аккуратными ухоженными дорожками и аллеями английского парка. Таков пейзаж и таков путь, по которому Павсаний сейчас движется на запад, к Олимпии.

Дион Хрисостом описал, как он заблудился в этой очаровательной стране и познакомился со старой дамой типа Мэг Меррилиз, которая утверждала, что обладает даром второго зрения. Он говорит: “Идя пешком из Гереи в Пизу по берегу Алфея, я мог, до определенного момента, различать тропинку. Но мало-помалу я оказался в лесу, на пересеченной местности, со множеством тропинок, ведущих к овчарням и загонам для скота. И, не встретив никого, у кого я мог бы спросить дорогу, я сбился с пути и бродил взад-вперед. Был полдень, и, увидев на возвышенности дубовую рощицу, как будто это могла быть роща, я направился туда в надежде, что оттуда смогу разглядеть какую-нибудь тропинку или дом. Здесь я обнаружил небрежно сложенные камни и шкуры принесенных в жертву животных, развешанные вместе с дубинками и посохами - приношениями, как я предположил, пастухов; а немного поодаль на земле сидела высокая и крепкая дама, несколько преклонных лет, в деревенской одежде, с длинными седыми волосами. Я спросил ее, что бы это могло быть. Она ответила очень вежливо, с сильным дорическим акцентом, что это место посвящено Геркулесу, а что касается её самой, то у неё есть сын-пастух, и она сама часто ухаживает за овцами; что по милости Матери Богов она обладает даром ясновидения, и все пастухи и фермеры по соседству приходят спросить её об урожае и скоте”.

XLVI. Олимпия.—Олимпия расположена на правом или северном берегу Алфея, где река извивается на запад через просторную долину, окруженную низкими лесистыми холмами мягких и округлых форм, за которыми на восточном горизонте появляются более высокие горы Аркадии. Почва долины, будучи аллювиальной, плодородна; кукурузные поля и виноградники простираются во всех направлениях. В целом пейзаж, не будучи грандиозным или впечатляющим, богат, спокоен и приятен. Русло Алфея широкое, но летом воды в нем мало, и оно разделяется на несколько ручьев, протекающих по широкому каменистому руслу. Священная территория Олимпии, или Альтис, расположена между рекой на юге и невысоким, но крутым холмом, густо поросшим соснами и кустарниками, который возвышается на севере. Этот поросший лесом холм - древняя гора Кроний. Непосредственно к западу от участка Кладей впадает между крутыми песчаными берегами в Алфей с севера.

В суровом жарком климате Олимпии особенно остро ощущается потребность в хорошем запасе питьевой воды. В течение нескольких месяцев дожди практически не выпадают; с мая по октябрь ливень - большая редкость. Великий фестиваль всегда проводился летом (в июле или августе), когда погода в Олимпии безоблачная, а жара невыносимая. Поэтому толпы, стекавшие посмотреть на игры, должно быть, были сильно измучены пылью и палящим солнцем, от которых раскинувшаяся тень платанов на священной территории могла обеспечить лишь несовершенную защиту. Действительно, Лукиан, несомненно, с сильным налетом преувеличения, говорит о зрителях, собравшихся вместе и толпами умирающих от жажды и чумы, вызванной чрезмерной засухой. Вода Алфея не годится для питья, так как даже в разгар лета в ней содержится в растворе некоторое количество мелового вещества. Вода Кладея, с другой стороны, пригодна для питья в своем обычном состоянии, но даже небольшой дождь разбухает и делает ее мутной в течение длительного времени. Следовательно, было необходимо рыть колодцы и доставлять воду издалека. Это делалось еще в греческие времена. В Олимпии были найдены девять колодцев, некоторые квадратные, некоторые круглые, некоторые облицованы обычным ракушечником, другие - терракотовыми плитами; вода доставлялась по акведукам из верхней долины Кладея. Но во времена Римской Империи предложение было значительно улучшено и расширено благодаря щедрости богатого софиста Ирода Аттика. Лукиан рассказывает нам, как шарлатан Перегринус осудил Ирода и его акведука за потворство роскоши и изнеженности того времени. Долг зрителей, сказал он, терпеть свою жажду и, если понадобится, умереть от нее. Это учение оказалось неприемлемым для его слушателей, и проповеднику пришлось спастись бегством, преследуемому залпом камней.

XLVII. Изображение Зевса-олимпийца Фидием.— Свидетельство древности о необычайной красоте и величии изображения очень сильное. Римский полководец Павел Эмилий был глубоко тронут этим зрелищем; он чувствовал себя так, словно находился в присутствии самого бога, и заявил, что только Фидию удалось воплотить гомеровскую концепцию Зевса. Цицерон говорит, что Фидий создал этот образ не по какому-либо живому образцу, а по той идеальной красоте, которую он видел только внутренним взором. Квинтилиан утверждает, что красота

изображения служила укреплению религии, а величие изображения равнялось величию бога. Один поэт заявил, что либо бог, должно быть, спустился с небес на землю, чтобы показать Фидию свой образ, либо Фидий, должно быть, отправился на небеса, чтобы созерцать его. Статуя считалась одним из семи чудес света, и умереть, так и не увидев ее, считалось несчастьем. Ритор Дион Хрисостом, человек тонкого вкуса, превознес его в одной из своих речей. Он называет его “самым прекрасным изображением на земле и самым дорогим для богов”. Он представляет Фидия, говорящего о своем “мирном и кротком Зевсе, так сказать, надзирающем за объединенной и гармоничной Грецией, которого с помощью моего искусства и мудрого и доброго города Элиды я создал мягким и величественным, с непринужденной позицией, подателем жизни, дыхания и всего хорошего, общим отцом и спасителем человечества”. И снова в прекрасном отрывке он говорит: “Я думаю, что если бы тот, у кого тяжелый ум, кто осушил чашу несчастий и печалей в жизни и кого больше не посещает сладкий сон, предстал перед этим изображением, он забыл бы все горести и неприятности, которые случаются в жизни человека”.

XLVIII. Гермес Праксителя. Гермес изображен стоящим с младенцем Дионисом на левой руке, а вес его тела приходится на правую ногу. Его фигура представляет собой совершенство мужественной грации и энергии; черты его овального лица под вьющимися волосами, обрамляющими лоб, утонченны, сильны и красивы; выражение их нежное и слегка задумчивое. Профиль имеет прямой греческий тип, с “полоской Микеланджело” над бровями. Левая рука бога покоится на пне дерева, поверх которого его мантия свободно свисает богатыми складками, которые хорошо контрастируют с его обнаженным телом. Его правая рука поднята. Младенец Дионис доверчиво кладет правую руку на плечо Гермеса; его взгляд прикован к предмету, что бы это ни было, который Гермес держал в правой руке, и его отсутствующая левая рука, должно быть, была протянута (как это видно на реставрации) к тому же объекту. Поскольку большая часть правой руки Гермеса отсутствует, мы не можем точно знать, что было у него в правой руке. Вероятно, это была виноградная гроздь. На настенной росписи в Помпеях изображен сатир, держащий на левой руке младенца Диониса, в то время как в поднятой правой руке у него болтается виноградная гроздь, к которой тянется ребенок. Весьма вероятно, что эта картина является имитацией, не обязательно сделанной из первых рук, работы Праксителя; и если это так, то это дает веские основания предположить, что отсутствующая правая рука Гермеса держала гроздь винограда. Единственное сколько-нибудь весомое возражение против этой точки зрения состоит в том, что на статуе Гермес не смотрит на ребенка, как мы должны были бы ожидать, а смотрит мимо него вдаль с выражением, которое было описано как внимающий или мечтательный взгляд. Следовательно, было высказано предположение, что Гермес держал в руке пару тарелок или кастаньет, к звуку которых прислушивались и он, и ребенок; был процитирован отрывок Кальпурния, в котором Силен изображен держащим младенца Диониса на руках и забавляющим его, потрясая погремушкой. Это, безусловно, хорошо объяснило бы позу и внешний вид Гермеса; но, с другой стороны, тарелки или погремушка не так хорошо послужили бы для характеристики младенца Диониса, как виноградная гроздь. То же самое можно сказать и о предположении, что Гермес, как бог

наживы, держал высоко кошелек и прислушивался к позвякиванию денег в нем. В левой руке Гермес, вероятно, держал свой характерный атрибут - посох глашатая; круглое отверстие для него в руке все еще видно.

На голове у него, по-видимому, был металлический венчик; в задней части волос видна глубокая канавка для его крепления. Следы темно-красной краски были обнаружены на волосах и на сандалии на ноге, когда была найдена статуя; предполагается, что этот цвет был нанесен в качестве основы для позолоты. Задняя часть статуи, которая плохо просматривается, обработана небрежно; на ней все еще видны следы резца. В остальном техническая отделка изысканна. Различия в фактуре нежной белой кожи бога, кожаных ремешков сандалий, шерстяной ткани плаща и вьющихся волос на голове выражены самым виртуозным образом.

Один покойный выдающийся критик придерживался мнения, что "Гермес" - раннее произведение Праксителя, выполненное до того, как он достиг полного мастерства в своем искусстве. Такого мнения, казалось бы, может придерживаться только тот, кто знает статую исключительно по фотографиям и слепкам. Но ни одна репродукция не дает адекватного представления о красоте оригинала. Гравюры с его изображением часто ничем не лучше карикатур. Опять же, мертвенно-белый цвет и мучнистая текстура слепков не дают представления о мягкой, глянцевой, телесной, кажущейся упругой поверхности оригинала, которая, кажется, светится божественной жизнью. Глядя на оригинал, кажется невозможным представить, что Пракситель или кто-либо другой когда-либо достигал большего мастерства в обращении с камнем, чем показано в этой удивительной работе.

XLIX. Поражение. Павсаний не упомянул древний город, который находился в дикой верхней долине Пеней, в самом сердце Элеанского нагорья, недалеко от границы с Аркадией. Это был Ласион, место, которое из-за своей близости к границе Аркадии было предметом пограничных распрей, аркадийцы претендовали на его владение, хотя на самом деле, похоже, оно по праву принадлежало Элиде. Он несколько раз переходил из рук в руки в пятом, четвертом и третьем веках до н.э. Руины этого уединенного маленького городка были обнаружены Г. Ф. Велкером в 1842 году недалеко от Кумани, деревни в верховьях Пеней. Их можно посетить по пути из Олимпии в Псофис, хотя для этого необходимо сделать небольшой крюк на запад.

Маршрут сначала проходит по долине реки Кладеус через мягкие лесные пейзажи самого богатого и очаровательного вида, между невысокими холмами, увенчанными сосновыми рощами. Затем, все еще следуя по долине Кладей, мы поднимаемся через романтически красивые сосновые и вековые дубы и оказываемся на широком, продуваемом бризом плоскогорье, с севера окруженном высокими горами северной Аркадии. В центре открытого и хорошо возделанного плато раскинулась разбросанная деревня Лала. Пересекая северную оконечность плоскогорья, покрытого здесь ковром из папоротников, мы снова поднимаемся по крутому склону и оказываемся на еще более высоком плоскогорье, покрытом прекрасными дубовыми лесами. Пройдя некоторое время по лесу, мы сворачиваем с тропы к Псофису, которая продолжает вести на север, и выбираем тропу, которая ведет на запад. Время от Лалы

до развилки дорог составляет около двух часов. Еще полчаса езды по лесу, который становится все гуще по мере нашего продвижения, приводят нас в Кумани, аккуратную зажиточную деревушку, красиво расположенную среди дубрав. Время полета от Олимпии составляет около шести часов.

Руины Ласиона, ныне называемого Кути, находятся к северу от деревни, по-видимому, на одном уровне с ней, но от деревни их отделяет глубокий овраг, и требуется полчаса трудоемкого спуска и подъема по его крутым склонам, чтобы добраться до руин. Местность чрезвычайно пересечена. Два притока Пенеуса, стекающие с более высоких гор на северо-востоке, протекают в глубоких оврагах, которые сходятся под острым углом. Между ними тянется длинный, сравнительно узкий горный хребет или полоска суши, которая с трех сторон круто спускается к долинам; только на востоке подъем пологий. Вершина хребта довольно плоская и хорошо приспособлена для размещения города. В одном месте она сужается до простого перешейка или горловины, которая делит ровную вершину на две части, восточную и западную. Западная и меньшая часть, несомненно, была древней цитаделью; искусно сложенная стена из тесаного камня, проходящая через самое узкое местоперешейка, отделяет ее от остальной части города. Восточная и большая часть хребта более или менее покрыта руинами, а на его восточном конце, где подъем самый легкий, до сих пор сохранился очень красивый фрагмент городской стены. Квадратные башни шириной около семи футов выступают из него через равные промежутки. Стены и башни построены из хорошо обтесанных блоков; каменная кладка напоминает мессенскую. По-видимому, ни на одной другой стороне плато нет следов крепостных стен; возможно, их вообще не существовало, жители считали глубокие ущелья достаточной защитой.

Расположение Ласиона не только прочное, но и красивое. Высокие платаны нависают над ручьями в глубоких долинах далеко под руинами. К северу и северо-востоку на небольшом расстоянии возвышается величественный и массивный хребет горы Эримантус; в то время как на запад открывается вид между высотами, окаймляющими узкую долину Пеней, на низменности Элиды до далекого моря.

Л. Эримантус.—Первое, что я увидел в Эриманте, среди гор северной Аркадии, - это одна из сцен, которые врезаются в память. Мы уже несколько часов ехали по густым дубравам, покрывающим отдаленные склоны иотроги горы Эримантус на юге, когда внезапно, выйдя из леса, увидели внизу длинную долину, по которой текла между холмами, поросшими лесом до самых вершин, сверкающая река Эримантус. В дальнем конце долины вид закрывали высокие голубые горы. Пейзаж, обрамленный ярким греческим небом, действительно был аркадским.

LI. Монастырь Мегаспелеум.— Древний Бураикус - это ручей, который сейчас называется рекой Калаврита, потому что он вытекает из города с таким названием. Долина, широкая и открытая в Калаврите, сужается к северу от города в узкое ущелье, обрамленное огромными скалами. В этой узкой долине находится великий монастырь Мегаспелеум, самый большой и богатый монастырь в Греции и действительно один из крупнейших и богатейших монастырей Восточной Церкви. Раньше у него были зависимости даже в России. Здание и его обстановка в высшей степени живописны. Это огромное побеленное здание с деревянными балконами снаружи, высотой в восемь этажей, расположенное на большой высоте над правым берегом реки, на крутом склоне горы, над которым сразу же нависает огромная скала, отвесно вздымающаяся на несколько сотен футов над крышей монастыря. Именно этот нависающий утес дал монастырю название Мегаспелеум ('великая пещера'). Он настолько полностью перекрывает высокое здание, что когда во время Войны за независимость египетские солдаты Ибрагима-паши попытались разрушить монастырь, обрушив на него каменные глыбы со скалы наверху, камни обрушились на монастырь, оставив его невредимым. Крутой склон горы внизу занят террасными садами монахов, которые с их богатой растительностью и кипарисами, возвышающимися тут и там над ними, значительно усиливают очарование этого места. Единственная зигзагообразная тропинка ведет вверх по этому крутому террасированному склону к монастырю. Голые пропасти наверху, увенчанные лесами, глубокая лесистая долина внизу и горы, круто поднимающиеся на дальней стороне, составляют пейзаж разнообразного восторга и величия, на котором художник хотел бы остановиться.

LII. Коринфский залив.—После описания вида, открывающегося из монастыря Трупия на холме Бура, Лик делает следующие замечания о пейзажах Коринфского залива, которые заслуживают того, чтобы их переписать, потому что они передают впечатление, производимое этим удивительно красивым заливом на того, кто в целом не был склонен заикливаться на прелестях природы. Он говорит: "Я сомневаюсь, что в Греции, изобилующей очаровательными пейзажами и интересными воспоминаниями, есть что-то, что может соперничать с Коринфским заливом. В Европе нет озерных пейзажей, которые могли бы соперничать с ним. Его берега, очерченные в бесконечном разнообразии очертаний постоянно меняющимся сочетанием крутых мысов, пологих склонов и возделанной равнины, со всех сторон увенчаны высокими горами самых приятных и величественных форм; прекрасное водное пространство, заключенное в это благородное обрамление, хотя и не так часто посещается кораблями, как следовало бы из-за его естественного приспособления к торговле, достаточно оживлено судами всех размеров и форм, чтобы во все времена представлять собой оживленную сцену. Каждый шаг по Коринфскому заливу открывает перед путешественником новую перспективу, не менее приятную для глаз, чем интересную для ума, благодаря исторической известности и прославленным названиям окружающих его объектов. И если в последнем отношении предпочтительнее знаменитая панорама Саронического залива, описанная Сульпицием, то этот рукав Эгейского моря почти во всех отношениях уступает Коринфскому морю по

живописной красоте; окружающие горы менее возвышенны и менее разнообразны по своей высоте и очертаниям, и, за исключением тех случаев, когда прекрасная равнина Афин находится достаточно близко, чтобы украсить перспективу, это картина почти полной стерильности и скалистой дикости, проявляющаяся во всех возможных формах гор, мысов и островов. Следует, однако, признать, что такое зрелище может быть недооценено только при сравнении ". Я могу только подтвердить эту оценку превосходного очарования Коринфского залива. Его воды показались мне еще более глубокого синего цвета; а нежность утренних и вечерних оттенков — лазурного, сиреневого и розового — на горах такова, что, глядя на них, трудно поверить, что они сделаны из твердой земли; такими невещественными, сказочными они кажутся, как великолепная фантазмагория страны облаков или гор, виденная во снах.

LIII. На побережье Ахайи.—Павсаний продолжает двигаться на восток вдоль побережья Ахайи. За рекой Бураикус, где она вытекает из своего романтического ущелья, заканчивается полоса плодородной равнины, которая огибает побережье на всем пути от Эгиума. Горы теперь подступают к берегу, и дорога проходит небольшое расстояние вдоль вершин утесов, окаймляющих побережье. Затем горы снова отступают от берега, оставляя у своего подножия небольшую приморскую равнину, покрытую оливковыми рощами. Ручей, река Диакоптон, пересекает равнину и впадает в море. Он спускается из дикого и великолепного ущелья, густо поросшего высокими елями и окруженного огромными обрывами голых скал. Увиденный с наступлением темноты под низким небом, с клочьями белого тумана, низко нависающими над черными горами, вход в это мрачное ущелье мог бы сойти за пасть ада; можно было бы представить Данте и его проводника, пробирающихся туда в темноте.

К востоку от этой небольшой равнины горы, покрытые сосновыми лесами, снова отвесно поднимаются из моря, обрываясь у их подножия железной дорогой. Вдоль поверхности гор тянется длинная гряда изящных утесов, их гребни поросли сосновыми лесами, а нижние склоны у их подножий также покрыты такой же мантией темно-зеленого цвета.

ЛИВ. Pellene.—Скудные и незначительные руины Пеллена расположены на вершине горы, которая возвышается на западном берегу реки Трикала (древний Ситас), недалеко от небольшой деревушки Зугра. От Ксилокастро, маленького городка в устье реки, до Зугры можно доехать за два с половиной часа. Мы пересекаем реку по большому каменному мосту недалеко от ее устья, а затем поднимаемся в долину на западном берегу ручья. Дно долины плодородно; большую ее часть занимают виноградники и прекрасные оливковые рощи, а высокие кипарисы возвышаются тут и там, подобно темным шпильям, над более зеленой листвой. Холмы, окружающие долину с востока и запада, не очень высокие, но они изрыты огромными скаврами и пропастями белой и бело-коричневой земли. В частности, на западной стороне долины

длинная линия высоких белых обрывов тянется почти непрерывно вдоль гребня холмов. Белая, вероятно глинистая, земля, которая таким образом расколота и выдолблена в виде пропастей, - это та же самая, которая образует большие пропасти на восточной стороне Сикиона. Действительно, он преобладает почти на всем протяжении южного побережья Коринфского залива от Сикиона до Девени, недалеко от Эгиры. Эта меловая земля образует плато разной высоты, отделенное от берега участком ровной равнины, ширина которой в среднем составляет около мили. Обращенная к морю сторона плато крутая, высокая и белая; его края острые, словно срезанные ножом, и неровные, как лезвие пилы. То тут, то там она разорвана ручьем или стремительным потоком, который вырыл для себя глубокое русло из рыхлой почвы. Долина Ситаса, вверх по которой мы направляемся в Пеллену, представляет собой не что иное, как один из таких изъеденных водой разломов гигантских масштабов. Когда мы поднимаемся по ней через виноградники и оливковые рощи, между суровыми изломанными холмами с их длинными рядами белых пропастей, массивная Киллена с ее высокой, голой, заостренной вершиной маячит перед нами на небольшом расстоянии, загораживая южный конец долины. Проехав час или больше по долине по дороге, которая для Греции превосходна, мы начинаем подниматься на гору на западном берегу реки. Долгий, трудный, извилистый, пыльный, а в дождливую погоду и грязный подъем, которому скорее мешает, чем способствует дорога с турецким покрытием, имеющая обычное отвратительное описание, вовремя приводит нас в маленькую деревушку Зугра. Когда мы поднимаемся по крутому склону, наша усталость в какой-то степени компенсируется прекрасным видом, который открывается позади нас на Коринфский залив и горы за ним.

LV. Дорога из Аргоса в Аркадию.—Из Аргоса два главных перевала ведут на запад через цепь горы Артемизий к Мантинее. Южная, более прямая из двух, на большей части пути представляет собой неровную тропу; местами она пересекает глубокие русла ручьев, которые во время моего путешествия пересыхали. Тропинка огибает северное подножие величественного аргосского акрополя и, огибая широкую аргонийскую равнину, выходит в долину Харадрус, или Ксериас, как ее теперь называют. Это длинная узкая долина с несколько однообразным видом, окруженная бесплодными скалистыми холмами и ограниченная на дальнем конце крутой горой, на которой, когда я увидел ее вдалеке ярким апрельским утром, лежали пурпурные тени. Русло реки широкое и каменистое, иногда шириной в несколько сотен ярдов; обычно оно пересыхает, но после сильных дождей очень страшны потоки воды, с ревом обрушивающиеся на него с гор. В долине пасутся стада овец и коз; пастухи носят с собой обычные длинные посохи с посохами на концах, а иногда и ружья. Встречались нам и вереницы нагруженных мулов или ослов, ведомые крестьянами. Начало долины, сразу под горным барьером, очень живописно. Дно частично покрыто кустарниками и деревьями, среди которых (ибо это место было тогда в своей весенней красоте) Я заметил ракитник и боярышник, оба в цвету, а также дикие розы и дерево с прекрасным пурпурным налетом, которое, как я полагаю, было деревом Иуды. За небольшой деревушкой Маци, состоящей из нескольких убогих каменных коттеджей, тропинка начинает долгий подъем и петляет по склону горы серией зигзагов. С вершины перевала открывается великолепный вид на дикие горы, море и острова Гидра и Спеца вдалеке. С вершины перевала

тропа спускается очень круто, почти обрывисто, на плоское промокшее пространство Залежной равнины, через которую мы смотрим на унылую цепь серых известняковых холмов. Деревня Ципиана стоит у подножия перевала, ее дома с красными крышами и большой церковью посреди них, ярусами возвышающиеся на крутом склоне горы. На уступе высоко над деревней среди кипарисов стоит монастырь, а еще выше вздымается огромная фантастическая скальная вершина. Путешественник, достигший Ципианы, находится в Аркадии, и если это его первый взгляд на эту поэтическую страну, он может обнаружить, что реальность соответствует его ожиданиям, если не его мечтам.

С невысокого каменистого холма, который, как мыс, переходит в равнину, он смотрит на север, на Залежную равнину, которая больше не залеживается, а покрыта лоскутным одеялом кукурузных полей, и ее пересекает ручей, извивающийся по ней серпантином. На юг взгляд простирается по ровному пространству до того места, где оно заканчивается невысокими голубыми холмами, у подножия которых, смутно различимый на расстоянии, раскинулся город Триполица. Вдалеке, на выступающем холме, виднеется разрушенный средневековый замок. Деревенское уединение пейзажа с его раскинувшейся зеленой равниной, извилистой рекой, одинокими холмами и царящими над всем этим тишиной и покоем не является недостойным Аркадии.

ЛЕВИ. Мантинея.—Руины Мантинеи расположены на плоской, болотистой и безлесной равнине примерно в девяти милях к северу от нынешнего города Триполица. Равнина имеет около семи миль в длину с севера на юг, но в последнем направлении она переходит в Тегейскую равнину; разделение между ними отмечено только выступом скалистых холмов с обеих сторон, которые здесь сужают равнину примерно до мили в ширину. С востока равнина ограничена цепью гор Алезий, голой и высокой на севере, низкой и поросшей кустарником на юге; между двумя участками цепи, отделенными таким образом друг от друга, находится провал, через который ведет тропа в Нестане и, следовательно, маршрут Принуса в Аргос. На западе равнины возвышается высокий изрезанный хребет горы Меналус, ее нижние склоны голые или поросшие кустарником, а более высокие склоны опоясаны темными сосновыми лесами. При взгляде с равнины к северу от Мантинеи в яркий осенний день этот прекрасный хребет с его темно-синими огнями и фиолетовыми тенями напоминает бушующее море волн, окаменевших от волшебства. Наконец, на севере равнина Мантинеи отделена от равнины Орхомена низкой цепью красноватых холмов.

Большая часть равнины, включая почти всю южную часть, покрыта виноградниками, сочная зеленая листва которых, когда лозы распускаются, контрастирует с серыми засушливыми склонами окружающих гор. Но на месте самой Мантинеи сейчас в основном кукурузные поля. На обширной территории нет ни одного дома, и вряд ли хоть один находится в пределах видимости. Весной болотистую равнину пересекают вялые ручьи, немногим лучше канав, - пристанище бесчисленных лягушек, которые загорают на берегах и с громким плеском плюхаются в воду при приближении путника. Вся сцена пропитана меланхолией и запустением. Поскольку равнина возвышается примерно на две тысячи футов над уровнем моря, климат

здесь пронзительно холодный зимой и обжигающе жаркий летом. Болота сейчас постоянно делают это место нездоровым, но в древности оно, несомненно, было лучше осушено. От дубового леса, через который во времена Павсания проходила дорога из Мантинеи в Тегею, ничего не осталось. Действительно, дуб давным-давно переместился с равнин в горы Аркадии.

LVII. Дорога в Стимфал.—Дорога на Стимфал, после отклонения от дороги на Фенеус, продолжает огибать подножие гор в северо-восточном направлении. Позади нас остается гора Трахи, которая при взгляде с севера представляет собой внушительную гору, ее крутые склоны изрезаны параллельными оврагами. Постепенно холм и равнина Орхомена исчезают позади нас, и тропинка ведет в дику долину, окруженную дикими скалистыми горами, голыми и безлюдными, высоко возвышающимися по обе стороны. Вдали, перед обрывом, справа от тропинки, виднеется маленький монастырь Кандила, расположенный в, казалось бы, почти недоступном месте. Зимой по середине долины течет поток, наполняющий болото на равнине Орхоменус. Примерно в миле за монастырем мы достигаем деревни Кандила, разбросанной по широкому каменистому руслу ручья, затененной платанами и шелковицами и окруженной со всех сторон высокими скалистыми горами, чьи склоны покрыты еловым лесом, а вершины большую часть года покрыты снегом. От верхней оконечности деревни перевал ведет на восток через горы к Бугиати и древней Алеа; тропа, которая очень неровная и крутая, поднимается по дикому оврагу, над которым с юга нависает огромная скала-жук; спуск с восточной стороны гор, в сторону Бугиати, настолько крутой, что почти непроходим для лошадей.

Но в настоящее время мы следуем по тропе в Стимфалус, которая, покидая деревню Кандила в северном направлении, поднимается на гору зигзагами по краю пропастей. Снег здесь иногда лежит глубоко уже в конце марта, что делает восхождение трудным и опасным. Перевал проходит на северо-восток между высокой горой Скипьеа высотой почти шесть тысяч футов слева и остроконечной горой Святого Константина, увенчанной франкским замком, справа. От первой вершины перевала тропинка ответвляется вправо, спускаясь в узкую долину Скотини, которая, как мы видим, простирается под нами на восток. Еще через полчаса мы поднимаемся на вторую вершину, откуда открывается вид на равнину и озеро Стимфал, а также на величественную громаду горы Киллена, возвышающуюся на дальней стороне долины. Теперь дорога идет вниз по ущелью, окруженному с обеих сторон высокими горами, поросшими елями, и известному как Волчье ущелье из-за волков, которые, как говорят, водятся в нем в изобилии. Спускаясь таким образом, мы достигаем долины Стимфал и западной оконечности озера.

LVIII. Озеро и долина Стимфал.—Долина Стимфал лежит непосредственно к востоку от долины и озера Феней, от которого ее отделяет только гребень горы Геронтеум. Общие черты обеих долин схожи. Оба они так тесно окружены со всех сторон горами и возвышенностями, что вода,

которая скапливается в них, не имеет выхода, кроме подземных расщелин, и образует на дне каждой долины озеро, которое летом высыхает. Но долина Стимфала меньше и уже, чем долина Фенея, и ее озеро совсем другое. Вместо глубокого, похожего на море пространства голубой воды, мы имеем здесь небольшое озеро самой прозрачной прозрачности, мелководье которого бросается в глаза благодаря зарослям камыша и других водных растений, выступающих из поверхности воды даже в середине озера. Пальма первенства по красоте, как мне кажется, обычно присуждается озеру Фенеус; но очарование Стимфала более редкое и утонченное. Голубые озера, окруженные крутыми горами, поросшими соснами, можно найти во многих странах; но где нам искать гармоничное сочетание величественных гор и мрачных сосновых лесов со спокойным, прозрачным, неглубоким, но не заболоченным озером, поросшим изящными водными растениями, такими, какие встречаются нам в Стимфале?

Озеро Стимфал может иметь полторы мили в длину и полмили в ширину. На севере он омывает подножие хребта или цепи невысоких высот, покрытых неровными серыми скалами и заросших колючим кустарником, который достигает своей высшей точки на западе и постепенно спускается террасами на восток, где его последние скалы возвышаются над равниной и озером всего на несколько футов. На гребне этого скалистого хребта, ближе к его восточной оконечности, находятся некоторые остатки цитадели Стимфал. В задней части хребта ровная местность отделяет его от крутых склонов величественной Киллены, которая стеной возвышается на северной стороне долины. Склоны этой огромной горы в основном голые и красновато-серого оттенка; но серое плечо ее соседнего пика на востоке, соединенное с ним высоким гребнем, испещрено черными соснами. Горы на южной стороне озера также крутые и высокие; низкие кустарники покрывают их нижние склоны, а темные сосновые леса - верхние. Среди них, между огромными, поросшими соснами склонами, выделяется глубокая долина, известная как Волчье ущелье, через которую ведет дорога в Орхоменус.

В долине царят одиночество и тишина, нарушаемые пронзительными криками водоплавающих птиц, которые часто посещают озеро. Несколько деревушек приютились в укромных уголках и лощинах у подножия гор, но на широкой равнине и по берегам озера не видно ни одного человеческого жилья. Впечатление, производимое пейзажем на некоторые умы, - это впечатление мрака и запустения. И все же в жаркий день, когда весь пейзаж залит ярким южным солнцем, приятно посидеть на скалистом гребне Стимфала, глядя вниз на прохладную чистую воду озера и слушая крики водоплавающих птиц, сонное гудение пчел и далекий звон козьих колокольчиков. В такую погоду даже темные сосновые леса в горах, какими бы мрачными они ни были под пасмурным небом, наводят только на мысль о прохладе и тени; ими можем легко представить, что древний Стимфал с его колоннадами и террасами, поднимающимися над озером, должен был быть идеальным местом для времяпрепровождения в томные часы греческого лета. Высокогорный характер долины способствует тому, что водное пространство смягчает жар летнего солнца. Путешественник, который за один день проходит путь от прохладного влажного воздуха долины до знойной жары Аргосской равнины, поражен контрастом между климатами. Утром он мог видеть цветущие вишневые деревья в Стимфале; вечером он мог видеть жнецов, собирающих урожай на равнине Аргоса.

ЛИКС. Озеро Фенеус. Озеро Феней (ибо то, что во времена Павсания было равниной, теперь превратилось в озеро) представляет собой широкую и красивую полосу зеленовато-голубой воды, окруженную высокими горами, которые скалистыми спусками или отвесными пропастями спускаются к кромке воды, их верхние склоны покрыты черными сосновыми лесами, а вершины покрыты снегом в течение многих месяцев в году. Прямо над озером на северо-востоке возвышается могучий конус Киллены, самой высокой горы Пелопоннеса, кроме одной; в то время как на северо-западе Дурдувана вздымает свой длинный зубчатый гребень, завершающийся острой голой вершиной из серой скалы, у подножия которой, утопая в деревьях и садах, приютилась деревня Фония, представительница древнего Фенея. Здесь, на севере, между деревней и озером, находится единственный участок ровной местности, разрывающий кольцо гор, и пышная зелень его виноградников и кукурузных полей приятно контрастирует с мрачным оттенком сосновых лесов вокруг. Первый взгляд на это голубое озеро, окруженное лесистыми горами, застаёт путешественника врасплох, настолько оно непохоже ни на что другое в Греции; и он чувствует себя так, словно внезапно перенесся с засушливых холмов и выжженных равнин Греции в северную страну - из страны олив, виноградной лозы и апельсинов в страну сосен, гор и озер.

Озеро настолько полностью окружено горами со всех сторон, что ни один ручей не может вытекать из него над землей, и вода выходит только через два подземных канала, или *Катавотры*, как их называют греки, на юго-восточном и юго-западном концах озера. Через последний источник вода проходит под горой и, вытекая с другой стороны, примерно в шести милях от озера и на восемьсот футов ниже его уровня, образует исток Ладона. От состояния этих эмиссаров зависит, является ли великая горная котловина Фенея плодородной равниной или широким озером. С древности и до настоящего столетия периоды, когда бассейн был полностью осушен, чередовались с периодами, когда он был занят озером. Во времена Теофраста (четвертый век до н.э.) дно долины, по-видимому, в основном представляло собой сухую землю, поскольку он упоминает, что однажды, когда посланцы захлебнулись, вода поднялась и затопила равнину, затопив ивы, ели и сосны, которые, однако, снова появились на следующий год, когда наводнение спало. В следующем столетии, по крайней мере, часть долины, по-видимому, была озером, поскольку географ Эратосфен, цитируемый Страбоном, сообщает нам, что река Аниас образовала перед городом Феней озеро, которое было осушено подземными ходами, и что когда эти ходы были закрыты, вода поднялась над равниной, но когда они были открыты снова, она была сброшена в Ладон и, следовательно, в Алфей в таком объеме, что священная территория Олимпии была затоплена, в то время как озеро, с другой стороны, уменьшилось. Сам Страбон упоминает, что течение Ладона однажды было остановлено из-за препятствия посланникам, возникшего из-за землетрясения. Согласно Плинию, до его времени в состоянии долины произошло пять изменений отвлажного состояния к сухому и от сухого к влажному, и все они были вызваны землетрясениями. Во времена Плутарха наводнение поднялось так высоко, что вся долина оказалась под водой, что благочестивые люди приписывали гневу Аполлона на Геракла, который, как говорили, украл пророческий треножник в Дельфах и унес его Фенею около тысячи лет назад. Однако позже, в том же столетии, вода снова спала, поскольку Павсаний обнаружил, что дно долины представляет собой сушу, и знал о прежнем существовании озера только по преданию.

Со времен Павсания и до начала девятнадцатого века у нас нет никаких сведений о состоянии долины. В 1806 году, когда Лик и Додуэлл посетили ее, великая долина все еще была болотистой равниной, покрытой полями пшеницы или ячменя, за исключением юго-западной оконечности, где вокруг входа в эмиссары вода образовывала небольшое озеро, которое никогда не пересыхало даже летом. Но в 1821 году, несомненно, из-за препятствий эмиссаров, вода начала подниматься над равниной, и к 1829-1830 годам, когда французские топографы нанесли район на карту, весь бассейн был занят глубоким озером длиной пять миль и шириной пять миль. 1 января 1834 года эмиссары внезапно открылись снова, Ладон превратился в глубокий и бушующий поток, долина была осушена, и на богатой илистой почве проросла свежая растительность. Но когда Велькер посетил Фенеус в 1842 году, долина снова была занята озером, и так было, если ему правильно сообщили, по крайней мере, с 1838 года. И, похоже, с тех пор это озеро так и оставалось. В 1853 году швейцарский ученый Вишер обнаружил большое озеро, в точности такое, каким оно было изображено французскими геодезистами на их карте; холм на северо-западной стороне долины, на котором находятся скудные остатки древнего акрополя, выступал в озеро как полуостров, а место древнего города находилось глубоко под водой. У. Г. Кларк в 1856 году с энтузиазмом описывает “широкое пространство спокойной воды глубоко среди холмов, отражающее черные сосновые леса и серые скалы, и небо, теперь багровое от заката”; по его словам, озеро было семь миль в длину и столько же в диаметре. широкий. В июне 1888 года мистер Филипсон обнаружил широкое чистое озеро темно-зеленого цвета; а осенью 1895 года я с удовольствием наблюдал ту же прекрасную картину, хотя я бы описал цвет воды скорее как зеленовато-голубой, чем зеленый. Однако с середины века площадь озера значительно сократилась. Длинный участок ровной равнины, покрытой виноградниками и кукурузными полями, теперь отделяет древний акрополь Фенея от берега озера.

LX. От Фенея к Нонакрис.—Маршрут от Фенея до Стикса, по крайней мере, до современной деревни Заручла, является одним из самых красивых во всей Греции. Величие гор, богатство растительности, аромат и очарование сосновых лесов, далекие виды на голубое озеро Феней - все это способствует тому, что дневное путешествие оставляет в памяти одно из самых приятных впечатлений, которые путешественник привозит с собой из Греции.

Из нижней деревни Фония мы поднимаемся через роскошные сады и переулки деревни к горному хребту, который ограничивает равнину Фенеус на северо-западе. Когда мы достигаем его, перед нами открывается великолепный вид на запад, на могучую гору Хелмос (древний Ароаниус), с ее голой вершиной и поросшими соснами нижними склонами. Гора возвышается над глубокой долиной, похожей на котловину, дно и бока которой покрыты богатейшей растительностью. Высоко на склоне горы к северо-западу (гора Кратис), среди деревьев, находится восхитительно расположенный монастырь Святого Георгия. Наша тропинка ведет вниз, в долину; на склоне растут белые тополя и кипарисы, а земля частично покрыта папоротником. Со дна долины, которая в основном занята очаровательной платановой рощей,

мы поднимаемся по прекрасному лесу, в основном дубовому, к монастырю Святого Георгия. Продолжая подниматься после того, как мы миновали монастырь, мы снова погружаемся в лабиринт красивых лесов и густых зарослей, пронизанных ручьями сверкающей воды. В Греции редко встретишь растительность такого уровня роскоши. Выйдя из этих восхитительных лесных массивов, мы пересекаем, постоянно поднимаясь, участок голых, поросших кустарником склонов, который находится между зелеными полянами внизу и мрачными сосновыми лесами выше. Пройдя эти склоны, мы въезжаем в сосновый лес, через который теперь наш путь занимает несколько часов.

Мало что может быть более восхитительным, чем эта поездка по сосновому лесу. Был ясный октябрьский день, когда я проезжал через них по пути в Солос; во многих местах лес был покрыт папоротником, теперь пожелтевшим, а между стволами деревьев мы могли видеть за долиной высокие склоны горы Киллена, отливавшие пурпуром в ярком солнечном свете. Время от времени мы также любовались видом на голубые воды озера Фенеус, окруженного горами, поросшими темными соснами. Ко всему этому добавлялся восхитительный аромат сосен, свежесть и бодрящий воздух на высоте около шести тысяч футов. Но кульминация красоты, насколько позволяют дальние виды, достигается на вершине хребта, прежде чем мы начнем спускаться по северному склону в сторону Заручлы. С одной стороны, на юго-востоке, мы оглядываемся на озеро Фенеус и окружающие его величественные горы, прежде всего гору Киллена. С другой стороны, на северо-западе, мы смотрим вниз, на длинную узкую долину реки Кратис, окруженную с обеих сторон высокими горами, над которыми на юге возвышается голый острый пик горы Хелмос, в то время как на дальнем конце долины вид закрывают голубые горы Акарнании за Коринфским заливом.

С гребня холма мы теперь спускаемся через лес по крутой, извилистой, каменистой тропинке, пока не достигнем русла ручья, текущего среди романтических скал и лесов, чтобы соединиться или, скорее, образовать с другими ручьями Кратис. На дне долины богатство растительности еще увеличивается. Мы ехали через заросли платанов, растущих в виде больших кустов или небольших деревьев, такие густые, что нам приходилось постоянно наклоняться к шеям лошадей, чтобы ветви не касались наших лиц. Вокруг нас в изобилии росли другие деревья и растения, названий которых я не знал. И над всей этой эдемской зеленью лесов, переулков и зарослей вздымались огромные острые вершины Хелмоса и его родственных гор, голубые и пурпурные в солнечном свете. В этом райском уголке находится деревня Заручла. За ней тропаследует по долине Кратиса, держась по большей части правого берега ручья. Долина очень узкая и окружена огромными крутыми горами, склоны которых, везде, где это практически возможно, покрыты террасами для выращивания виноградных лоз или других культур. Кратис, когда я его увидел, представлял собой чистый стремительный ручей, который легко перейти вброд в любом месте. Сначала тропинка проходит по дну долины через запутанные заросли. Кое-где, где долина достаточно широка, чтобы в нее можно было влезть, выращивают кукурузу. Но вскоре, по мере того как мы продвигаемся дальше, долина сужается слишком сильно, чтобы позволить даже это, и поэтому тропа, часто неровная и трудная для лошадей, поднимается и ведет вдоль более голого склона горы на некоторой высоте над ручьем.

Продвигаясь таким образом, мы, наконец, оказываемся напротив устья глубокой долины, по которой Стикс впадает в Кратис на его западном берегу. Здесь мы пересекаем Кратис и попадаем в долину Стикса. Пейзажи глубокой и узкой долины почти угнетающе величественны.

Горы огромны и чрезвычайно массивны; вверху они голые и каменистые; но их нижние склоны расположены террасами, напоминающими гигантские лестницы, а на террасах примостилось несколько очень живописных деревень, дома которых разбросаны на разных уровнях и утопают в зелени деревьев. На верхнем конце долины возвышается могучий конус горы Хелмос. Величие пейзажа, который в противном случае был бы почти ужасен, смягчается чудесной пышностью растительности в долине. Особенно интересны конские каштаны с их огромными корявыми стволами. Говорят, что соловьи здесь очень распространены и поют с февраля по июнь. Долгий трудоемкий подъем по извилистой тропинке приводит нас в процветающую деревню Соло на восточной стороне долины. Деревни на противоположной стороне долины, разбросанные по террасированным склонам, образуют, поодиночке, почти единое поселение. Один из них, вероятно, занимает место древнего Нонакриса.

LXI. Падение Стикса. — Деревня Солос стоит, как мы уже видели, на правом берегу Стикса, недалеко от того места, где этот ручей впадает в Кратис. Но исток ручья находится в начале долины, в нескольких милях к югу, где вода падает или сочится, в зависимости от времени года, по гладкой поверхности огромного отвесного утеса, вершина которого находится недалеко от конической вершины горы Хелмос, горы высотой почти восемь тысяч футов. Прогулка от Солоса до подножия водопада и обратно чрезвычайно утомительна, и очень немногие путешественники справляются с ней; большинство из них довольствуются наблюдением за водопадом с удобного расстояния в подзорную трубу. Первые две мили или около того тропа удобна для лошадей, и путешественникам, которые твердо решили добраться до водопада, лучше проехать так далеко, чтобы лошади ждали их здесь по возвращении. Также необходимо взять с собой гида или гидов. Тропа вьется по долине, держась сначала высоко на правом берегу. Русло ручья здесь красиво заросло тополями и другими деревьями и перекинуто через мост с единственной высокой аркой. На значительном расстоянии над деревней вода Стикса, если смотреть сверху, кажется прозрачного светло-голубого цвета с зеленоватым оттенком. Этот цвет, однако, только кажущийся и обусловлен сланцеватыми скалами бледно-зеленовато-голубого цвета, среди которых протекает река. На самом деле вода довольно прозрачная и бесцветная.

Примерно через двадцать минут после выезда из деревни мы видим утес, с которого спускаются воды Стикса. Это огромный утес, абсолютно перпендикулярный, немного левее или восточнее высокой конической вершины горы Хелмос. Весь этот северный склон горы на самом деле представляет собой не что иное, как отвесный, а местами даже нависающий обрыв из серого камня — безусловно, самая ужасная линия обрывов, которую я когда-либо видел. Скалы Дельф, какими бы величественными они ни были, кажутся незначительными по сравнению с огромной скальной стеной, в которой гора Хелмос спускается на севере в долину Стикса. Утес, с которого стекает вода, является всего лишь восточным и нижним концом этой огромной каменной стены. При взгляде издалека кажется, что она испещрена перпендикулярными черными и красными прожилками. Черная полоса отмечает линию водопада, которому она дала современное название Мавро-неро, 'Черная вода'. Цвет

создается темной коркой, которая распространяется по гладкой поверхности скалы везде, где ее омывает падающая вода или брызги, в которых вода растворяется, прежде чем достичь земли. В расщелинах скал справа и слева от водопада круглый год остаются огромные снежные покровы. Я видел их и проходил рядом с самым большим из них теплым осенним днем, после летней жары и перед первым снегом зимы.

Примерно через двадцать пять минут после выезда из Солоса мы пересекаем Стикс вброд, и с этого момента маршрут пролегает по левому или западному берегу ручья. В пяти минутах ходьбы от брода мы оказываемся на мельнице, живописно расположенной среди деревьев, где ручей, журча, стекает в небольшую долину, поросшую ивами и платанами. Прямо над мельницей Стикс обрушивается ревущим каскадом на прекрасную каменистую равнину Лин. За этим местом крутые склоны холмов на противоположном берегу ручья покрыты папоротником, который, когда я поднимался по долине, отливал осенним золотом. Перед нами все ближе и больше вырисовывается конус горы Хелмос с ее длинной линией обрывов.

В десяти-двенадцати минутах езды от мельницы оставляют лошадей, и путешественник отправляется дальше пешком. По мере нашего продвижения долина становится все более дикой и безлюдной, но первые полмили или около того она довольно открытая, тропа проходит близко к руслу ручья, и особых трудностей не возникает. Глубокая долина теперь соединяется с долиной Стикса с юго-востока. Здесь мы начинаем подниматься по склону и пересекаем искусственный канал, по которому вода поступает на мельницу. Теперь всякое подобие тропинки исчезает, и с этого момента, пока мы не достигнем подножия водопада, нам ничего не остается, как карабкаться по камням и ползти по склонам, часто таким крутым и обрывистым, что найти на них точку опоры нелегко, а внизу они уходят на такие глубины, что лучше не смотреть вниз, а смотреть в землю у своих ног. Грохот камня, скатывающегося по одному из этих склонов, будет слышен еще долгое время, и этот звук отражается эхом от скал с такой поразительной отчетливостью, что поначалу кажется, будто камень с грохотом обрушивается на путника сверху. В самых неблагоприятных местах гиды указывают путешественнику, куда поставить ноги, и поддерживают его, если он начнет поскользаться. Кустарники, жесткая трава и кое-где низкорослые сосны дают желанную опору, но на самых крутых склонах их не хватает. Последний спуск к подножию утеса — очень длинный и крутой спуск из рыхлого гравия, который осыпается на каждом шагу, — самый утомительный. Пока я медленно поднимался по ней с проводниками, мы услышали яростный лай собак далеко в горах на противоположной стороне долины. Лай раздавался все ближе и ближе, и, отражаясь эхом от скал, издавал странный впечатляющий звук, который хорошо гармонировал со сценой, как будто адские псы лаяли на незнакомцев, осмелившихся приблизиться к адской воде. Однако собаки подошли не ближе, чем к подножию склона, по которому мы взбирались, и несколько криков и залпов камней удержали их на расстоянии.

В начале этого длинного склона из рыхлого гравия мы достигаем подножия водопада. Вода, как я уже указывал, спускается с гладкой поверхности огромного утеса, высота которого, как говорят, превышает шестьсот футов. Он поступает в основном со снежных полей на вершине горы Хелмос, и, следовательно, его объем меняется в зависимости от сезона. Когда я посетил водопад в начале октября, после долгой летней засухи, вода просто стекала по черной полосе на поверхности утеса, о ее присутствии свидетельствовал только блеск, который она придавала темной поверхности скалы. У подножия утеса она образовывала небольшой ручей, стекавший по очень крутому каменистому руслу на дно долины далеко внизу. Вода была прозрачной и не

слишком холодной. Даже когда из-за таяния снегов количество воды становится значительным, говорят, что вся она растворяется в брызгах, падая с такой высоты, и достигает земли в виде мелкого дождя. У подножия водопада видна только нижняя часть скалы, вероятно, потому, что скала несколько нависает. Конечно, скалы немного правее водопада значительно нависают. С этими огромными, похожими на жуков утесами из серого камня, возвышающимися с трех сторон, пейзаж поражает возвышенным, но диким и безлюдным величием. Я нигде не видел ничего подобного. С третьей стороны, глядя вниз по долине и вдаль, на ближайшие холмы, мы видим голубые горы Акарнании за Коринфским заливом; мой гид сказал, что эти горы находятся в Румелии. На поверхности скалы, в нескольких ярдах справа от водопада, высечены имена или инициалы людей, посетивших это место, с датами их посещений. Среди имен есть имя короля Отона с датой 1847 года.

LXII. Долина Ароаниуса. Пересекая горную равнину Судена по широкому каменистому руслу, которое осенью пересыхает, река впадает в ущелье в юго-восточном углу равнины. Через это ущелье, образованное на востоке склонами горы Хелмос, а на западе холмами, которые замыкают равнину Судена с юга, бок о бок проходят Ароаниус и дорога на Клитор. Сначала пространство между холмами широкое и ровное, кое-где усеянное деревьями. Вскоре, однако, долина сужается и начинает спускаться, открывая прекрасную перспективу хребта за хребтом гор на юге, переходящих в зависимости от расстояния от темно-фиолетового к бледно-голубому. Сначала тропинка проходит по восточному берегу русла реки, которое было сухим, когда я увидел его в начале октября. Но после того, как к ней присоединился приток, который стекает с горы Хелмос по глубоко вырытому руслу между склонами из красной земли, река достигла размеров приличного шотландского залива. Постепенно, по мере того как горы смыкаются с обеих сторон, долина превращается в лощину, по которой ручей течет среди платанов в поросшем красивым лесом русле. Здесь тропинка пересекает правый или западный берег, по которому она следует и впредь. Дальше долина сужается, переходя в глубокое скалистое ущелье между крутыми горами, но только для того, чтобы снова расшириться и позволить реке с приятным журчанием течь по своему лесистому руслу через участок возделанной земли. Таким образом, долина постепенно переходит в равнину Клитор. Виноградники и кукурузные поля занимают ее низовья. Когда я пересекал эту прекрасную долину, было время сбора винограда. Гроздь спелого винограда лежали в качестве подношений перед святыми образами в маленьких придорожных святилищах; нам встречались вереницы ослов, нагруженных набухшими бурдюками из-под вина или корзинами с виноградом; а на виноградниках, мимо которых мы проезжали, крестьяне работали, отжимая пурпурные гроздья, которыми они настояли на том, чтобы бесплатно нагрузить фартуки наших погонщиков мулов.

LXIII. Источники Ладона. Аркадийский Ладон, величайший из притоков Алфея, возвышается посреди долины на западной стороне горы Саита, древней Ориксиды. Долина довольно широкая, и ее дно с обеих сторон изрезано пересохшими руслами двух водотоков. Между двумя водотоками посреди долины возвышается невысокий холм из красноватого камня, который заканчивается на юге отвесным склоном высотой около ста пятидесяти футов. У подножия этой красной отвесной скалы раскинулось большое тихое озеро с непрозрачной темно-синей водой, окаймленное остроконечными травами и другими водными растениями, а рядом с ним среди скал растут несколько низкорослых ив, остролистных дубов и платанов. Этот пруд является истоком Ладона, который вытекает из него бурным потоком темно-синей воды, его берега окаймлены ивами. Вода попадает в бассейн не со скал наверху, а из глубокой расщелины в земле, которая видна только тогда, когда, как это иногда бывает, источник пересыхает. Крестьянин, который был рядом с бассейном, когда я посетил его в 1895 году, рассказал моему драгоману, что три года назад, после сильного землетрясения, вода перестала течь на три часа, и на дне бассейна открылась щель, и было видно рыбу, лежащую на сухой земле. Через три часа родник начал понемногу течь, а через три дня раздался громкий взрыв, и вода хлынула наружу в огромном объеме. Мистеру Филипсону на месте сообщили о подобном событии, произошедшем в 1880 году. О подобных внезапных извержениях воды у истоков Ладона сообщалось ранее, в нынешнем столетии и в древности. Остановка воды и ее резкое возобновление, несомненно, происходят из-за попеременного засорения и расчистки подземных ходов, по которым осушается озеро Фенеус. Ибо древние были правы, предполагая, что вода, поднимающаяся в истоке Ладона, поступает непосредственно под землей из озера Фенеус. Она имеет тот же глубокий зеленовато-голубой оттенок, что и вода в озере, и на вкус ровная и тепловатая, как стоячая вода, а не холодная и пресная, как вода горного источника. Исток находится всего примерно в пяти милях от озера, от которого его отделяет высокий хребет горы Саита. Холмы на противоположной, или западной, стороне долины намного ниже; их склоны из красноватых скал частично покрыты низким зеленым кустарником. Можно увидеть множество крестьянских женщин, стирающих одежду у бассейна обычным греческим способом; намочив одежду в воде, они взбивают ее чем-то вроде широкой лопатки в деревянном корыте.

LXIV. Ущелье реки Ладон.—Тропа из деревни Стрецова ведет по заросшим кустарником и каменистым склонам, а затем через голые каменистые поля к северному берегу реки. Здесь, в долине Ладон, выращивают индийскую кукурузу; на ее южном берегу возвышаются лесистые горы, а более высокие горы внушительных очертаний закрывают вид на юго-восток. В том месте, где мы впадаем в реку, два источника бьют из-под камней и образуют заводь, затененную прекрасными раскидистыми платанами, откуда ручей, пройдя несколько ярдов, впадает в Ладон. От этой точки до моста Спатари ехать около пяти часов, пейзажи здесь непревзойденные в Греции. Река здесь прокладывает себе путь по дну глубокого ущелья, окруженного высокими лесистыми горами, которые местами спускаются огромными

пропастями, поросшими в своих расщелинах деревьями и кустарниками, к берегу быстрого потока. Узкая тропинка проходит высоко по правой или северной стороне ущелья, иногда над ней нависают нависающие утесы, и с нее открываются виды, то величественные, то почти ужасающие, в глубины огромного ущелья и через него на высокие лесистые склоны или пропасти на дальней стороне.

Можно сказать, что ущелье разделяется надвое у деревни Диврица, где горы немного отступают от реки, и пейзажи двух частей несколько отличаются. В первой половине, заканчиваясь немного выше деревни Диврица, река огибает подножие высоких крутых гор, которые на южной стороне ущелья поросли лесом до самых вершин и время от времени прерываются глубокими долинами, склоны которых также покрыты лесом сверху донизу. Горы на северной стороне, как правило, не покрыты лесом, а голые или поросшие кустарником. Это умалило бы красоту пейзажа, если бы тропинка проходила по южной стороне ущелья, с которой были бы видны более голые склоны гор на севере. Как бы то ни было, тропинка проходит по крутым склонам гор с северной стороны, и взгляд постоянно останавливается на могучей стене зелени, возвышающейся на другом берегу реки. Мне посчастливилось пересечь это чудесное ущелье погожим октябрьским днем, когда прекрасные леса только кое-где тронулись первыми оттенками осени. Далеко внизу была видна и слышна река, несущаяся то гладким бурлящим потоком непрозрачной зеленой воды с журчащим звуком, то с могучим ревом низвергающаяся с огромных скал и валунов в облаках зеленовато-белой пены.

Ниже Диврицы величие ущелья возрастает до такой степени, что становится почти непреодолимым. Лесистые горы, круто поднимающиеся от реки, теперь уступили место огромным отвесным или нависающим утесам, поросшим деревьями и кустарником в своих расщелинах везде, где дерево или кустарник могут найти опору, и нависают над ущельем так, что под ними едва остается место для прохода, и кажется, что они закрывают небо и сходятся надрекой. Добавьте к этому, что тропинка узкая и проходит высоко над ручьем по краю пропасти, где поскользнувшаяся лошадь может сбросить своего всадника в ужасные глубины внизу. Поэтому нам кажется, что мы дышим свободнее, когда немного выше моста Спатари мы наконец выбираемся из ущелья и видим над собой огромное свободное пространство неба, более низкие холмы и реку, петляющую между ними по лесистым пейзажам красивого, но обычного вида.

LXV. Алифера.—Из цитадели, да и вообще со всей вершины хребта, открывается великолепная панорама на долину Алфея на многие мили. Все горы северной Аркадии раскинулись подобно панораме; и через широкую долину, которая находится между ними и высотой, на которой мы стоим, виден Алфей, извивающийся далеко внизу. Воздух на высоте веет свежестью и сладостью, а умиротворенность, тишина, удаленность от мира этой маленькой горной цитадели неотразимо напоминают строки Китса из “Оды греческой урне”:

Какой маленький городок на берегу реки или моря,

Или построенная на горе мирная цитадель,

Опустел ли этот народ, это благочестивое утро?

LXVI. Димитсана.— Древний Тевтис, возможно, занимал место современной Димитсаны, деревни, которая очень живописно стоит на высоком хребте на левом или восточном берегу реки Гортиниус, окруженная со всех сторон крутыми и возвышенными горами. Река полукругом протекает по дну глубокого оврага вокруг западной части города, который, таким образом, стоит на высоком скалистом мысу, выступающем в овраг. Крутые и узкие улочки, которые немногим лучше скалистых лестниц, застроены магазинами и представляют собой оживленную сцену. Воздух прохладный и полезный. На юге око простирается над поросшими виноградной лозой холмами по обе стороны реки, к зеленой равнине Мегаполиса, пронизанной серебристым потоком Алфея и ограниченной далеко на юге снежным хребтом Тайгетус. Крутая, неровная и зигзагообразная тропинка ведет вниз через террасные виноградники к руслу реки у южного подножия холма. Здесь мост перекинут через ручей, чуть ниже места, где река спускается на пятьдесят футов на протяжении стольких же ярдов, перекаываясь через огромные каменные глыбы между высокими обрывами, поросшими кустарником. Холм на противоположной, или западной, стороне ущелья еще круче и выше, чем у Димитсаны.

По всему гребню хребта, занятого городом, расположены остатки древней стены, части которой перемежаются с дворами, стенами и фундаментами частных домов. В некоторых местах сохранилось несколько рядов каменной кладки. Стиль кладки прямоугольный на востоке, но многоугольный на западном конце гребня. Блоки на последнем конце огромны. Здесь также находятся фундаменты внушительного здания, обращенного на восток и запад и построенного из прекрасных прямоугольных блоков. Несомненно, это был храм. Среди террасных виноградников на южном склоне холма также можно увидеть несколько древних фундаментов.

LXVII. Гортис. —На правом берегу Гортиниуса, или реки Димитсана, примерно в двух с половиной милях от ее слияния с Алфеем, находятся руины Гортиса. Они занимают довольно просторную вершину холма, который высокими обрывами обрывается на востоке к реке. Посетить их удобнее всего из Каритены. Из этого живописного городка, расположенного высоко на правом или восточном берегу Алфея, мы спускаемся на север по очень труднопроходимой и каменистой тропинке в глубокую долину Алфея. Долину окружают крутые засушливые горы, а позади нас возвышается внушительная скала Каритена с ее разрушенным средневековым замком. Примерно через полчаса мы достигаем слияния реки Гортиниус с Алфеем. Теперь мы покидаем долину Алфея и следуем по долине реки Гортиниус в северо-восточном направлении, держась сначала левого берега ручья. Эта долина, хотя и окружена

бесплодными каменистыми горами, гораздо менее мрачна и неприступна, чем долина Алфея, которую мы покинули. Менее чем через полчаса мы спускаемся в русло Гортиниуса, стремительного потока с прозрачной голубовато-зеленой водой, и пересекаем его по каменному мосту, который опирается на высокую стрельчатую арку и вымощен, как обычно делают подобные мосты в Греции, булыжниками самых причудливых форм и размеров. Сразу за мостом долина углубляется и сужается, превращаясь в ущелье с крутыми скалистыми склонами, и вид, открывающийся с нее, со старым мостом с высокой аркой на переднем плане и стремительным потоком зеленой воды внизу, очень живописен. Я пил здешнюю воду и нашел ее отнюдь не холодной, несмотря на то, что Павсаний говорит о чрезвычайной холодности воды в Гортинии. Но когда я проходил этим путем, стояла жаркая осенняя погода. Павсаний, возможно, видел реку зимой или весной, когда ее течение охлаждалось льдом или тающим снегом. От моста крутая и неровная тропинка поднимается по правой, или западной, стороне долины. Мы следуем по ней и продолжаем подниматься на холм и спускаться в долину вдоль склона бесплодных гор, а рекатечет по дну глубокого ущелья справа от нас. На полпути к обрывам, возвышающимся по эту сторону ущелья, возвышается маленький монастырь с красной крышей. Примерно через три четверти часа после пересечения моста мы достигаем руин Гортиса.

Руины, как мы уже видели, занимают вершину холма, нависающего над правым, или западным, берегом реки Гортиниус. На своей восточной оконечности холм обрывается отвесными обрывами огромной высоты в долину реки. Именно глядя вниз с этих огромных обрывов, мы оцениваем высоту холма. С другой стороны, при взгляде с юга, когда вы приближаетесь к нему со стороны Каритены, холм представляет собой всего лишь слегка вздымающийся спуск. Причина этого в том, что от моста через реку мы постепенно поднимались, и что местность непосредственно к югу от Гортиса сама по себе представляет собой холм такой же высоты, как холм Гортис, от которого ее отделяет только небольшая ложина, сейчас в основном занятая виноградниками. Но когда мы поднялись на то, что кажется пологим возвышением, занимаемым руинами Гортиса, мы увидели, что холм спускается длинным склоном на северо-восток к долине реки Гортиниус, которая огибает холм большим изгибом на северо-востоке. Вершина холма тянется в виде довольно узкого гребня с юго-востока на северо-запад, постепенно поднимаясь к своей высшей точке на северо-западе. С этой целью холм, естественно, защищен с южной стороны массивами неровных скал, которыми воспользовались древние инженеры, вставив фрагменты стен в промежутки между скалами. В расщелинах скал теперь пустили корни кусты.

Длинный склон холма, спускающийся к долине Гортиниус на северо-востоке, голый и каменистый. Каменистыми и бесплодными также являются горы, окружающие Гортис со всех сторон. В сером холодном свете или под облачным небом они были бы чрезвычайно мрачными и унылыми; но под теплым солнцем Греции они всего лишь голые и заброшенные. Самый приятный вид открывается на долину Гортиниус на северо-востоке, где река вытекает из узкого ущелья между высокими обрывами, над которыми с обеих сторон возвышаются горы. В устье ущелья среди деревьев есть один или два дома. Несмотря на свою высоту над рекой, Гортис расположен, по сути, в котловине, окруженной со всех сторон горами. Следовательно, летняя жара здесь, должно быть, очень сильная. Даже в октябре, когда я посетил это место, хотя дул свежий ветерок, среди руин было невыносимо жарко. Сладкий запах тимьяна, позвякивание овечьих колокольчиков, лай собак и крики пастухов вдалеке, казалось, усиливали ощущение

лета и приглашали вздремнуть в тени. Но было приятно и почти прохладно слышать рев реки и видеть ее сине-зеленую воду и зеленовато-белую пену далеко внизу, в долине.

LXVIII. Равнина Мегаполиса. Мегаполис располагался на великой западной равнине Аркадии, которая, подобно великой восточной равнине Мантинеи и Тегеи, простирается в направлении с севера на юг. По природной красоте равнина Мегаполиса намного превосходит своего восточного соседа. Последний представляет собой голую однообразную равнину, лишенную деревьев или рек и окруженную бесплодными горами, так что его общий вид несколько унылый и гнетущий; только к его северной оконечности горы возвышаются более величественными массивами и с более живописными очертаниями. Равнина Мегаполиса, с другой стороны, окружена горами прекрасных и разнообразных очертаний, некоторые склоны которых покрыты лесом, а поверхность самой равнины разнообразна перелесками, волнистыми спусками и пригорками, освежаемыми многочисленными ручьями, затененными платанами, и орошаемыми широким, хотя и неглубоким потоком Алфея, извивающимся посреди нее. Пейзаж, в отличие от восточной равнины, чрезвычайно яркий, улыбающийся, и жизнерадостный. Пожалуй, лучше всего это видно после дождя погожим утром в начале лета. Растительность тогда зеленая, воздух прозрачный, очертания окружающих гор четкие, а их оттенки варьируются от темно-фиолетового до сиреневого.

LXIX. Пещера Черной Деметры.—Пещера Черной Деметры была идентифицирована с небольшой пещерой в долине Неды, примерно в часе ходьбы к западу от Фигалии. Это место известно по соседству как *стомион тес Панагиас* или Ущелье Пресвятой Богородицы. Чтобы добраться до пещеры, необходимо спуститься в ущелье по крутой и узкой тропинке, которая дает очень мало опоры для ног и нависает над глубинами, которые могут вскружить голову слабому человеку. Однако в неудобных местах, как правило, можно держаться руками за кусты или камни. Таким образом, мы спускаемся к руслу реки, которая здесь с ревом несется по дну узкого лесистого ущелья, обрывистые склоны которого вздымаются по обе стороны на огромную высоту. Пещера расположена на склоне огромного утеса на северной стороне ущелья, примерно в ста футах над руслом реки, откуда к ней можно добраться только по узкой и труднопроходимой тропинке. Овраг в этом месте огибает крутой изгиб, и пещера находится как раз в начале поворота. На противоположной стороне лина, примерно в пятидесяти футах от нас, огромная скала, чьи склоны покрыты зеленой травой и деревьями везде, где они могут найти опору, вздымается над пещерой примерно на такую же высоту, на какой пещера возвышается над ручьем. Холмы закрывают вид как вверх, так и вниз по долине; те, что на верхнем конце, высокие, крутые и поросшие лесом.

Сама пещера, первоначально представлявшая собой просто неглубокую впадину в склоне утеса, была искусственно закрыта грубой каменной стеной, по-видимому, недавней; штукатурка показалась мне свежей. В образовавшейся таким образом пещере на высоте около четырех футов над землей был выложен грубый дощатый пол. Таким образом, грот разделен на два отсека, верхний из которых был превращен в крошечную часовню с алтарем вконец и двумя святыми изображениями Христа и Иоанна Крестителя. На одной из стен несколько выцветших фресок. Свет проникает в маленькую пещеру через маленькое окошко в стене рядом с алтарем. По крайней мере, половина крыши искусственная и построена из той же грубой каменной кладки, что и стены. Рядом с этой крошечной пещерой, к востоку от нее, можно увидеть еще более крошечный грот, отделенный от первого небольшим выступом в скале. Один и тот же выступ скалы дает доступ к обоим гротам.

То, что называется Ущельем Пресвятой Девы, представляет собой туннель длиной около ста ярдов, образованный из обвалившихся камней и земли, по которому Неда устремляется в ущелье под пещерой. Зимой вздувшийся ручей протекает по крыше туннеля, но летом, когда уровень воды в реке низкий, вы можете прогуляться по туннелю и полюбоваться сталактитами, которые свисают с его крыши.

LXX. Храм Аполлона в Бассах.—Этот храм, безусловно, лучше всего сохранившийся из всех древних храмов Пелопоннеса, стоит в поразительно диком и уединенном месте на высоте почти четырех тысяч футов над уровнем моря, с широкой перспективой на юг, к далеким горам Мессении и Лаконии. Земля, на которой построен храм, представляет собой узкую платформу на южной стороне холма, древней горы Котилий. Скалистые склоны этого холма, быстро поднимающиеся за храмом, закрывают все отдаленные виды на север и северо-восток. Но к югу склон постепенно спускается к долине Неда. Прямо на юг, через прогалину в холмах, видна кажущаяся плоской вершина Итома. К юго-востоку, через другой проход, виднеется хребет Тайгетус с его красивыми очертаниями и острыми снежными вершинами. На ближайшем переднем плане, между Итомом и Тайгетом, возвышается гора Ира, последний оплот мессенской расы в ее борьбе за свободу со Спартой. К востоку простираются голые неровные холмы, усеянные дубами, западные отроги горы Ликей, в то время как дальше к югу виднеются высокие Тетрази с круглыми вершинами, возможно, номийские горы древних. Моря не видно, но его можно увидеть, поднявшись по склону позади храма. Мрачные пустынные горы образуют поразительный фон для одинокого храма, который, построенный из того же холодного серого известняка, из которого состоят окружающие скалы, скорее усугубляет, чем смягчает меланхолию пейзажа, разрушенный храм молчаливо свидетельствует о бренности человеческого величия и тщетности человеческой веры.

LXXI. Храм Артемиды в Авлиде.—От истока залива Аулис небольшая долина, плавно поднимающаяся вверх, тянется вглубь материка между холмами примерно на милю. Ее орошает ручей, впадающий в залив. Примерно в миле вверх по долине от берега находится разрушенная византийская часовня Святого Николая, которая, как предполагается, находилась на месте храма Артемиды, упомянутого Павсанием, где Ифигению привели к алтарю для принесения в жертву перед отплытием греческого флота в Трою. Сцена, если это действительно так, этого знаменитого события из греческой легенды, была несколько мрачной и безрадостной, когда я увидел ее под свинцовым небом пасмурным ноябрьским днем. Разрушенная часовня с упавшим куполом и стенами без крыши имела унылый вид, одиноко стоя на голом, каменистом, вспаханном поле на склоне невысоких холмов, окружающих небольшую долину с юга. Похожие холмы — низкие, каменистые и безлесные - с более высокими холмами, возвышающимися над ними на севере и западе, окружали долину со всех сторон, кроме востока, где под зимним небом виднелся бледно-сине-зеленый кусочек залива Авлида, за ним открытое русло Еврипа, а еще дальше, купающиеся в мрачном пурпуре, побережье и горы Эвбеи. Голые вспаханные поля, с небольшими деревцами, разбросанными тут и там среди них, занимали все дно долины и составляли передний план печальной сцены. И все же голые поля, каменистые холмы, свинцовое небо, холодное стальное море и пурпурные горы, мрачнющие вдаль, казались подходящим обрамлением для разрушенного святилища с его воспоминаниями об ушедшей славе.

LXXII. Прыжок Главка.—Сразу за холмом с плоской вершиной, который, вероятно, отмечает место Салганеуса, равнина резко обрывается, и тропинка протекает вдоль крутого, поросшего кустарником, но не обрывистого склона горы Мессапиус на некоторой высоте над морем, которое в яркий солнечный день имеет красивый зеленый цвет, чистый, как хрусталь, и испещренный фиолетовыми вкраплениями. Пройдя таким образом по крутому склону горы около мили, мы оказываемся напротив красивого скалистого острова, поросшего соснами, который лежит немного в стороне от берега. На острове есть руины, которые, насколько я мог судить с берега, казались средневековыми или современными. Поблизости также можно заметить ряд больших камней, лежащих на дне чистой воды, но они кажутся скорее валунами, чем обтесанными камнями. Дальше, недалеко от берега, возвышается высокий утес, который при взгляде с востока напоминает скалу Лорелея на Рейне. Тропинка здесь спускается и проходит вдоль узкого пляжа у подножия утеса, из которого в море бьет очень обильный источник воды. Этот высокий утес, вероятно, и есть то, что древние называли Прыжком Главка. В то утро, когда я проезжал мимо него, чистая, залитая солнцем зеленовато-голубая вода у его подножия выглядела очень привлекательно; можно было представить себе морского бога, ныряющего в его прохладные восхитительные глубины. За утесом тропинка снова протекает вдоль подножия длинного склона, покрытого лентином и кустарниками остролиста, который спускается с высокой, заостренной вершины горы Мессапиус непрерывной линией к морю.

LXXIII. Вечер на Еврипиде.—Виды из Антедона на прекрасный Эврип очаровательны, особенно на закате, когда противоположные горы Эвбеи переливаются нежными розовыми и сиреневыми оттенками, а хлопья золотистых и розовых облаков отражаются в зеркальной поверхности пролива, который, по-видимому, не имеет выхода к морю со всех сторон и напоминает спокойное озеро. Эффект усиливается, если рыбацкая лодка с красновато-коричневыми парусами, переливающимися в теплом вечернем свете, в это время скользит по воде, и с нее доносится обрывок песни.

LXXIV. Озеро Копайк.—Как и другие озера, которые осушаются не реками, а естественными подземными ходами в окружающих их известняковых горах, уровень озера Копайк время от времени сильно менялся. Такие колебания зависят от двух различных групп причин: во-первых, от различной вместимости эмиссаров и, во-вторых, от различного количества воды, выливаемой в озеро.

Во-первых, эмиссары не только подвержены постепенному и регулярному процессу изменения, их проходы медленно засоряются, а устья забиваются аллювиальными отложениями, которые с течением веков поднимают дно озера; но они также подвержены внезапным и неисчислимым изменениям, вызванным землетрясениями, оползнями, плавающими бревнами и так далее, которые могут за несколько минут либо расширить проходы, либо полностью их закупорить. Во-вторых, в то время как эти изменения, будь то постепенные или внезапные, влияют на отток воды, другие, не менее заметные, влияют на ее приток. Количество осадков, от которых в конечном итоге зависит приток воды, меняется не только в зависимости от года, но и от сезона. В субтропическом климате Средиземноморья летом дождей почти не бывает, и, как следствие, ручьи в это время года либо текут с меньшим объемом, либо полностью пересыхают.

Все эти различные причины в совокупности приводят к вековым и периодическим, а также нерегулярным и непредвиденным колебаниям уровня озер, таких как Копайк-мер. Пожалуй, ни на одном озере ежегодные изменения не были более регулярными и заметными, чем на Копейском; ибо, хотя зимой это была заросшая тростником пустошь, пристанище тысяч диких птиц, летом это была более или менее болотистая равнина, где пасся скот и сеяли и собирали урожай. Эти перемены времен года были настолько хорошо известны, что в таких местах на берегу озера, как Орхомен, Лебадея и Копай, были летние дороги и зимники, по которым они сообщались друг с другом, зимние дороги шли по склонам холмов, в то время как летние дороги пролегли по равнине. С началом сильных осенних дождей в ноябре озеро начало подниматься и достигло наибольшей глубины в феврале или марте, к этому времени устья эмиссаров были полностью затоплены и выдавали их существование только водовороты на поверхности озера. Но даже тогда озеро представляло собой нечто иное, чем сплошную водную гладь. При взгляде с такой высоты, как Орхоменский акрополь, он представлялся огромным болотом ярко-зеленого

цвета, простирающимся на многие мили, заросшим осокой, камышом и тростником, сквозь которое медленно сочилась река Кефизус или Мелас, в то время как тут и там поблескивала залитая солнцем вода, особенно в северо-восточном углу озера, привлекая внимание к тому, что выглядело как пруды в обширном зеленом болоте. Голые серые горы, возвышающиеся на севере и востоке, и красивые лесистые склоны Геликона на юге ограничивали болото. Весной вода начала спадать. Изолированные бурые участки, где не рос тростник, первыми показались островками на равнине; и по мере приближения сезона они расширялись все больше и больше, пока не встретились. К середине лета обширные участки, особенно в середине и по краям, были обнажены. В более высоких частях жирная аллювиальная почва, оставленная отступающими водами, была засеяна крестьянами и дала урожай кукурузы, риса и хлопка; в то время как нижние части, заросшие высокой травой и тростником, были заняты стадами крупного рогатого скота и свиней. В самых глубоких местах вода часто застаивалась на все лето, хотя были годы, когда она отступала даже из них, оставляя после себя только болото или, возможно, участок совершенно сухой белой глинистой почвы, которую летняя жара покрыла сетью мельчайших трещин. К концу августа большая часть бассейна в целом пересыхала, хотя вода не достигала своей самой низкой точки до октября. В то время то, что еще недавно было болотом, было всего лишь огромным коричневым пространством, прерываемым тут и там участками зеленого болота, где росли тростник и другие водные растения. В ноябре озеро снова начало быстро наполняться.

Таков был обычный годовой цикл изменений в озере Копайк в наше время, и у нас нет оснований предполагать, что в древности все было существенно иначе. Но во все времена вода в озере могла подниматься выше или опускаться ниже своего обычного уровня из-за необычно сильных или скудных осадков зимой или из-за случайного засорения или открытия расщелин. Как мы читаем у древних авторов о затонувших городах на берегу озера, так и современный путешественник рассказывает о деревенских жителях, вынужденных бежать перед надвигающимся наводнением, и о виноградниках и кукурузных полях, оказавшихся под водой.

План осушения озера Копайк, который был успешно реализован в течение последних нескольких лет, был задуман и, по-видимому, приведен в исполнение в очень отдаленные времена древности. Страбон сообщает о предании, согласно которому весь бассейн озера когда-то был осушен и возделан жителями Орхомена, и это предание было поразительно подтверждено недавним открытием полной и очень древней системы дренажных сооружений на дне озера. Открытие было сделано инженерами, которым было поручено выполнение современных дренажных работ. По их описанию, древние сооружения представляли собой хитроумную комбинацию дамб и каналов, которые полностью окружали озеро и, принимая воды ручьев, впадавших в него с запада и юга, отводили их в пропасти на восточном и северо-восточном берегах. Там, где канал вплотную огибал обрывистый скалистый берег озера, было достаточно одной дамбы или насыпи, так как вода направлялась между дамбой и берегом. Но там, где канал должен был пересекать залив, или там, где берег озера не был достаточно высоким и крутым, чтобы служить одной стороной канала, были построены две параллельные дамбы, и вода текла между ними. Остатки этих древних дренажных сооружений в русле озера бывают двух видов. Во-первых, мы видим их как низкие широкие насыпи, около пяти футов в высоту и пятидесяти-шестидесяти ярдов в ширину, тянущиеся на большие расстояния по равнине либо сплошной линией, либо со случайными промежутками. Иногда мы видим один холмик, иногда два параллельных холмика на небольшом расстоянии друг от друга. А между двумя параллельными насыпями или рядом с единственной длинной неглубокой впадиной

проходит линия древнего канала. Эти длинные, низкие, широкие насыпи, несомненно, являются остатками дамб, которые когда-то окружали каналы и которые постепенно опустились до своего нынешнего уровня в результате непрерывного смыва вод в течение веков. Во-вторых, линию древних каналов можно проследить по стенам, построенным из больших многоугольных блоков, которые во многих местах поддерживают и обрамляют внутреннюю сторону дамб. В некоторых местах эти стены хорошо сохранились, но в других от них не осталось ничего, кроме заметной линии белых камней, протянувшейся на многие мили через безкаменную равнину.

Когда только что описанная система дренажа по каналам работала в полную силу, бассейн озера Копайк, должно быть, был почти сухим. Но поскольку у нас нет оснований предполагать, что в исторический период древности озеро когда-либо осушалось, то, по-видимому, мы должны отнести эти древние дренажные сооружения к доисторическим эпохам. Страбон, как мы видели, сохранил предание о том, что дно озера когда-то было осушено и возделано жителями Орхомена. Поэтому мы вряд ли ошибемся, приписав миньянам из Орхомена — голландцам древности - обширную систему дамб и каналов, с помощью которых обширная равнина была освобождена от воды и превращена в колышущиеся кукурузные поля и улыбающиеся виноградники, которые вливали богатство в казну бюргеров. Это был золотой век Орхомена, когда его богатства соперничали с сокровищами Дельф и египетских Фив.

LXXV. Великая Катавотра.—Чтобы добраться до Ларимны из святилища Аполлона на горе Птос, мы покидаем впадину или небольшую опоясанную горами долину, в которой видны остатки святилища, и поднимаемся на горный хребет, который ограничивает его с северо-запада, образуя седловину между горой Цукуриэли и горой Мегало Вуно. С вершины хребта или седловины мы бросаем последний взгляд назад, на долину Аполлона с ее разрушенным святилищем и прекрасное озеро Ликери с его извилистыми берегами, за ним и под ним на юге; затем, повернув на север, мы несколько круто спускаемся в узкую долину с высокими, поросшими кустарником склонами, которая ведет нас прямо к северо-восточному углу великой Копейской равнины. Через этот уголок равнины, который еще несколько лет назад был болотом или даже озером в течение многих месяцев в году, но теперь возделывается, мы направляемся к Великой Катавотре, самой большой из естественных пропастей в линии утесов, через которые вода озера Копайк попадала в море. Это огромная пещера с высоким сводчатым потолком, открывающаяся в скале из кремово-белого известняка. В отличие от большинства других пропастей или эмиссаров, она все еще используется; река Мелас (современный Мавропотамос или Черная река), пересекая весь северный край Копейской равнины по руслу, похожему на канал, постоянным потоком вливает свои воды в пещеру и исчезает в глубине. Немного дальше от входа в пещеру в крыше есть отверстие. Когда солнечный свет струится через это отверстие, освещая заднюю часть мрачной пещеры с ее нависающим скалистым сводом и стремительной рекой, эффект получается очень живописным; это похоже на сказочный грот, и нам почти кажется, что мы стоим

Где текла Альф, священная река

Через пещеры , недоступные человеку

Вниз, к морю без солнца.

Но увы! женщины, которых можно увидеть каждый день стирающими грязное белье у входа в пещеру, разрушают чары.

LXXVI. Долина муз.Роща Муз располагалась у северного подножия горы Геликон в долине, которую пересекает ручей, текущий с запада на восток. К своему западному концу долина сужается, оказавшись зажатой между крутыми, возвышенными и лесистыми склонами Геликона на юге и другой неровной, но менее высокой горой на севере. Седловина, соединяющая две горы, ограничивает Долину Муз с запада. Прекрасный вид на долину открывается с разрушенной средневековой башни, которая возвышается на скалистом холме небольшой высоты на северной стороне долины, примерно на полпути между Аскрой и деревней Палео-Панагия. Через долину к югу поднимаются крутые склоны Геликона, каменистые внизу и поросшие соснами вверх. В долине у подножия этих больших склонов видны деревья, скрывающие уединенный монастырь Святого Николая, под которым далеко вниз по склону тянутся темные миртовые кусты. В начале долины на западе зубчатая вершина Геликона кажется укороченной, а немного по эту сторону от самой высокой точки виднеется монастырь Загара, восхитительно расположенный на лесистом склоне, который спускается в уединенную долину, где стоят две деревни, также называемые Загара. Слева от вершины вдалеке едва виднеется заснеженная вершина Парнаса. На ближайшем переднем плане, с другой стороны долины, смело выделяется конический холм Аскра, увенчанный разрушенной башней. Виноградники покрывают пологие холмы на северной стороне долины, а посередине нее протекает ручей Архонтица (вероятно, древний Термез или Пермессус), питаемый множеством источников, через поля кукурузы.

LXXVII. Гиппокрена.—Чтобы добраться до знаменитой Гиппокрены (‘Лошадиного источника’) из святилища Муз, мы поднимаемся по крутому восточному склону Геликона по поросшим мхом скалам, через густой еловый лес. После трудного подъема, длившегося около двух часов, мы выходим из леса на крошечную открытую поляну круглой формы, усыпанную россыпью камней и заросшую травой и папоротником. Кругом возвышается темный еловый лес. Здесь, на поляне, находится Гиппокрена, которая теперь называется Криопегади, или ‘холодный источник’. Это колодец с треугольным отверстием, окруженный древней каменной кладкой. Прозрачная ледяная вода находится на глубине около десяти футов ниже перекрытия колодца. Но спуститься к воде можно с помощью отверстий для ног, прорезанных в стене, или держась за

крепкий плющ, который, вырастая из камня в воде, обвивает стенки колодца. Холодная и прозрачная вода этого многолетнего источника известна в округе, особенно среди пастухов, которые любят наполнять ею свои меховые фляги.

LXXVIII. Лебадея.—Современный город Ливадия сохранил древнее название Лебадея, но с небольшими изменениями. Он очень живописно расположен в устье дикого ущелья в горах, обращенного на север через равнину. Белые дома с красными крышами и деревянными балконами взбираются на склоны холмов по обоим берегам Герцины, чистого и полноводного потока, который вытекает из ущелья и шумно мчится по улицам в каменистом русле, вращая несколько мельниц и перекинутый через несколько мостов. За городом крутой скалистый холм, увенчанный руинами большого средневекового замка, отвесными обрывами спускается в ущелье на левом берегу ручья. Дома спускаются на равнину, разбросанные среди садов и групп деревьев, которые придают городу, если смотреть снизу, приятный вид. Горы, у подножия которых раскинулась Лебадея, являются северными отрогами горы Геликон; высокая коническая вершина на востоке - древняя гора Лафистий, ныне гора Граница. Равнина, раскинувшаяся ниже города на севере, переходит на востоке в великую Копейскую равнину; на севере она отделена цепью невысоких холмов от параллельной равнины Херонеа.

Большая часть воды Герцины поднимается в глубокое ущелье сразу за городом. Здесь, у подножия большого обрыва, над которым возвышаются руины замка, из скал бьет холодный источник под названием Кριο ("холодный"), который ведет в небольшой колодец. В скале над ним вырублено несколько ниш для хранения обетных подношений. Самая большая из этих вырубков представляет собой квадратную камеру, высеченную в скале, примерно в шести футах над землей. Справа и слева по бокам зала расположены скамейки, вырубленные в скале. В этом прохладном убежище турецкий губернатор Лебадеи обычно курил свою трубку в разгар дневной жары. На противоположной стороне оврага, в нескольких шагах от нас, возле платанов, несколько родников с чистой, но чуть теплой водой бурно бьют из-под земли и, соединяясь с водой Кριο, образуют Герцину. Они вращают хлопчатобумажную фабрику недалеко от того места, где они растут. Весьма вероятно, что некоторые из этих источников являются водами Памяти и Забвения, из которых должны были испить все, кто хотел посоветоваться с Трофонием, прежде чем спуститься в яму оракулов; но у нас нет средств идентифицировать эти мистические воды. Известно, что изменение течения одного из источников произошло в девятнадцатом веке; и многие подобные изменения, возможно, произошли со времен античности. Однако общие черты этого места, вероятно, мало изменились, и они хорошо приспособлены для того, чтобы поразить воображение. Многочисленные источники, с силой бьющие из земли, зеленые платаны, покрытые пещерами скалы, огромные пропасти, возвышающиеся с трех сторон от нас и нависающие на западе над руинами средневекового замка, составляют картину, которую, однажды увидев, нелегко забыть. Но овраг, устьем которого это, в конце концов, всего лишь устье, здесь не заканчивается. Его глубокое, узкое, каменистое русло, иногда пересыхающее, иногда пересекемое бушующим потоком, уходит далеко в сердце гор, окруженное с обеих

сторон, как каньон, огромными скалами. Если вы пройдете по ней вверх на несколько миль, местность начнет открываться, и вы окажетесь в унылом и пустынном высокогорье. Воцаряется глубокая тишина, нарушаемая только криком водопоя у ручья или криками ястребов далеко на утесах.

LXXIX. Беотийский Орхомен. Орхомен, один из старейших и известнейших городов Греции, занимал восточную оконечность резко очерченной цепи холмов — горы Аконтий ('копье') древних, — которая простирается на восток и запад примерно на шесть миль, ограничивая широкую ровную равнину Кефиса на севере. Начинаясь почти напротив Херонеи, которая лежит у подножия холмов на южной стороне равнины, горный хребет постепенно поднимается на значительную высоту, тянется на этом уровне на несколько миль на восток, а затем спускается к Копейской равнине. От начала до конца это самая каменистая, голая, бесплодная и неприступная цепь холмов, которую только можно себе представить; глядя на нее, задаешься вопросом, ступала ли когда-либо нога человека по этим труднопроходимым безлюдьям. Недалеко от южного подножия этих пустынных холмов Цефисус — довольно широкий и глубокий ручей с мутной беловатой водой — протекает между низкими берегами, окаймленными высокими ивами; на его поверхности резвятся утки, а свиньи барахтаются в трясине на его берегах. В зависимости от того, была погода сухой или дождливой, течение вялое или быстрое. Проезжая рядом с ним под ивами серым ноябрьским днем, вы могли бы вообразить себя на берегах английского Уза или Эйвона, если бы хлопковые поля у реки и возвышающаяся за ней гряда голых скал не напоминали вам, что вы находитесь в чужой стране.

На своем восточном конце хребет спускается длинным и пологим склоном, расширяющимся веерообразно по мере спуска к Копейской равнине. Этот длинный склон был местом раскопок Орхомена. Позиция отличается огромной природной мощью. С юга и севера она защищена крутыми и неровными склонами хребта, которые образуют, так сказать, первую линию обороны. У подножия этих склонов воды Кефиса на юге и Меласа на севере образуют вторую линию обороны; в то время как на востоке, где спуск к равнине постепенный, это место до недавнего времени было защищено большим Копейским болотом, которое простиралось на несколько сотен ярдов от конца склона. Древние стены, от которых сохранились значительные остатки, начинались от широкого восточного подножия холма и поднимались вверх по его северной и южной кромкам, все больше и больше сходясь по мере подъема, пока на верхнем конце склона не оказались примерно в тридцати ярдах друг от друга. Здесь, на вершине склона, стены заканчиваются у подножия утеса, который подобно стене поднимается на значительную высоту. Его небольшая вершина, на которую вела длинная, крутая и узкая лестница, вырубленная в скале, была древним акрополем. Однако этот утес, который представляет такой внушительный вид с востока, отделен на западе лишь неглубокой впадиной в несколько футов от длинной изрезанной гряды холмов. Это, следовательно, было слабым местом в цепи, и пришлось прибегнуть к искусству, чтобы восполнить недостаток естественной защиты. Соответственно, маленькая цитадель, защищенная обрывами с востока и севера, была укреплена с запада и юга огромными стенами массивной каменной кладки, остатки которых

являются одними из лучших существующих образцов древнегреческой фортификации. Образовавшаяся таким образом крепость настолько мала, что напоминает скорее замок, чем обычный греческий акрополь. Но великолепный стиль каменной кладки не оставляет места для сомнений в том, что это греческая крепость самого лучшего периода, вероятно, четвертого века до нашей эры — золотого века греческой военной инженерии.

LXXX. Равнина Херонея.—Равнина Херонея — одна из самых больших равнин Греции — простирается непрерывной полосой от подножия горы Парнас на восток до того места, которое раньше было озером Копайк. Его длина с востока на запад составляет около двенадцати миль, а ширина с севера на юг — около двух. Равнина представляет собой мертвую равнину, покрытую полями хлопка и кукурузы и окруженную голыми, каменистыми, бесплодными холмами как с севера, так и с юга. При взгляде на ясный летний день, когда горы за Копейской равниной кажутся голубыми вдалеке, а Парнас величественно возвышается на западе, пейзаж достаточно красив; но серым ноябрьским утром, когда туманы опускаются на далекие горы, он приобретает унылый вид, который вполне подходит для поля битвы, где была потеряна свобода нации.

LXXXI. Панопеус.—Пространство, окруженное крепостными стенами и скалистыми гребнями, демонстрирует лишь несколько признаков жилья. На самой высокой точке холма, среди нескольких остролистных дубов, находятся жалкие полуразрушенные руины средневековой башни, построенной обычным способом из мелких камней с забитыми в щели кирпичами и раствором. Немного ниже и дальше к востоку находится небольшая часовня с остатками выцветших картин на стенах. По холму, особенно вокруг часовни, разбросано много битой керамики. Прекрасная роща прекрасных остролистных дубов теперь затеняет часть вершины, растая на травянистом склоне среди невысоких растений и кустарников. В разгар дня приятно отдохнуть в тени этих деревьев, вдохнуть запах дикого тимьяна, который в изобилии растет на холме, и наслаждаться далекими перспективами. На севере, через широкую Херонейскую равнину, мы смотрим прямо в ущелье, по которому Кефисус течет из Фокиды в Беотию; на северном конце ущелья виден невысокий холм, на котором находятся жалкие руины Парapotамии. На западе Парнас поднимает свою могучую голову на небольшом расстоянии от нас, его средние склоны затемнены сосновыми лесами, которые похожи на тени облаков, лежащих на склоне горы.

LXXXII. Недалеко от Хьямполиса.—Из скального выступа, который ограничивает плато с юга, рядом с разрушенной часовней, бьет источник с удивительно чистой водой. У источника валяются несколько древних блоков, а напротив него растет высокий тополь. День был очень жарким, когда я проезжал мимо него по дороге к руинам Хьямполиса и обратно; но листья тополя шелестели на ветру, а вода с успокаивающим журчанием струилась из-под камней. Парнас смутно вырисовывался вдалеке в дымке зноя. Вернувшись из руин, я встретил у источника мальчика-пастуха, который предложил поделиться со мной своим хлебом. Это живописное место, о котором поэт из Антологии мог бы написать эпиграмму, возможно, является местом расположения храма Артемиды, упомянутого Павсанием.

LXXXIII. Титорея.—На месте Титореи, впервые обнаруженном Кларком в 1801 году, находится современная деревня Велица, которая очень живописно стоит среди деревьев на северо-восточных склонах Парнаса, откуда открывается вид на широкую долину Кефиса. Около двух третей территории деревни окружено древними стенами, увитыми плющом, которые наряду с стенами Мессены и Элеутеры считаются одними из лучших существующих образцов греческих укреплений. На южной окраине деревни возвышается огромный горный утес из серого камня, по уступам которого растут сосны. Между подножием этого огромного утеса и деревней находится очень крутой склон, по большей части заросший кустами остролиста. С востока деревня, как и место расположения древнего города, ограничена очень глубоким скалистым ущельем, которое петляет на юг, в самое сердце гор. На дне ущелья с Парнаса по широкому щебнистому руслу течет ручей, который соединяется с Кефисом на равнине внизу. Этот поток, ныне называемый Какоревмой или Потоком Зла, является древним Кашалесом. По его словам, во времена Павсания горожанам приходилось таскать воду в ведрах из глубин лина. В настоящее время часть воды ручья отводится выше по долине и по трубопроводу поступает в деревню, где она вращает две мельницы и поливает сады и огороды. Поскольку Титорея, таким образом, естественным образом была защищена с двух сторон, а именно большим утесом на юге и глубоким ущельем на востоке, ей требовались стены только с двух сторон, западной и северной. Эти стены, начинаясь от подножия скалы, сначала спускаются по крутому склону по прямой линии над деревней, затем следуют по более пологому склону внутри деревни, все еще в направлении строго на север, пока не поворачивают под тупым углом и не уходят на восток к краю оврага. Здесь они останавливаются. Вдоль края оврага можно увидеть несколько древних блоков, но неясно, являются ли они остатками древней крепостной стены. Возможно, глубокий обрывистый склон оврага мог считаться достаточной защитой сам по себе. Стены, насколько они существуют, изящны и прочны, сложены из обычной тесаной кладки и обрамлены массивными квадратными башнями, построенными в том же стиле. Стены и башни лучше всего сохранились в нижней части среди домов и садов деревни, но на крутом склоне над деревней их остатки также значительны.

Можно заметить, что исследование разрушенных укреплений на этом склоне представляет некоторую трудность, поскольку склон не только очень крутой, но и зарос колючим кустарником

и завален огромными упавшими блоками. Антиквар, с трудом пробирающийся сквозь эти препятствия, огорчен контрастом между своим собственным медленным продвижением и продвижением сопровождающих его деревенских мальчишек; ибо они взбираются и скачут, как козлы, по верхушкам стен, то внезапно появляясь на самых высоких шпилях, то снова перепрыгивая с камня на камень с удивительной уверенностью и проворством.

С другой стороны, остатки стен в деревне можно исследовать без дискомфорта, и они лучше оплачивают изучение. Здесь, на севере и северо-западе, стена, обрамленная квадратными башнями, тянется непрерывной линией на значительное расстояние. В целом каменная кладка стен и башен великолепна, массивна и почти совершенно правильна, хотя и не является абсолютной таковой. Красоту этих почтенных стен значительно усиливает густая зеленая завеса плюща и других лиан, которая обвивает их стены и изящными гирляндами свисает с их вершин. Такой покров цепляющейся зелени очень редок в Греции, где древние храмы и крепости, в отличие от увитых плющом аббатств и замков Англии, по большей части и по сей день остаются такими же голыми, как тогда, когда они были построены, без даже клочка мха, который смягчал бы их жесткие очертания и говорил бы о прошедших веках.

Виды вдаль дополняют очарование Титореи. С его увитых плющом стен, возвышающихся среди садов и домов деревни, мы смотрим вверх на огромную серую скалу, скрывающую более высокие склоны Парнаса, или вниз по длинному постепенному склону к широкой долине Кефиса и через нее на холмы, несколько низкие и покорные, у подножия которых лежат жалкие руины Элатеи.

LXXXIV. Из Амфиссы в Гравию.— Улыбающаяся зелень Амфиссы и ее окрестностей составляет разительный контраст с суровыми, засушливыми и скалистыми пейзажами Дельф, которые находятся всего в десяти милях отсюда. В Амфиссе мы действительно находимся на границе почти швейцарского пейзажа. Ибо поросшие елями и изрезанные бурными потоками горы Локрис и Дорис, возвышающиеся на северо-западе, являются самыми высокими в нынешнем королевстве Греция. Высота двух из этих вершин превышает восемь тысяч футов. Прекрасный образец этого альпийского пейзажа можно получить, пройдя по тропе для мулов, которая ведет на север от Амфиссы через горы к деревне Гравия в древнем кантоне Дорис. За исключением деревни Тополия, которую мы оставляем справа, и кое-где небольших ферм далеко на склоне горы, не видно ни одного человеческого жилья. Сначала тропа поднимается по западным склонам Парнаса. Посмотрев вниз налево, мы видим под собой узкую долину, где в начале лета русло ручья, сейчас почти пересохшего, отмечено красными цветами олеандра. За долиной возвышается снежная вершина горы Киано, самой высокой горы в Греции; а за ней виднеется длинный и почти такой же высокий хребет Вардусия, простирающийся на север и юг. Лучшая точка маршрута находится у чистого источника, который бьет ключом на вершине перевала, как раз там, где дорога преодолевает горный хребет, соединяющий Парнас с горами Локрис. До сих пор мы поднимались с юга; с этого места дорога начинает спускаться к северу. Теперь долина сужается. Заснеженные вершины на западе исчезают, но их нижние отроги образуют с западными склонами Парнаса узкий проход, вниз по которому по камням и журчит ручей, берега

которого поросли платанами. Сосны и дубы различных пород приятно контрастируют с крутыми утесами и поросшими кустарником склонами; время от времени мы попадаем на небольшую травянистую поляну или заросли кукурузы. “Это, ” говорит швейцарский путешественник Вишер, чье описание дороги я позаимствовал, “ почти швейцарский край, и я мог бы вообразить, что перенесся на родину, если бы остролистные дубы и восточные платаны не напоминали мне, что я на юге”. Таким образом, спускаясь по крутой и неровной тропе, мы достигаем деревни Гравия на северной оконечности перевала, в пяти или шести часах езды от Амфиссы.

LXXXV. Daulis.— Расположение древнего Даулиса чрезвычайно красиво. Он занимал широкую, но несколько неровную вершину прекрасного массивного холма, круто поднимающегося из долин у восточного подножия Парнаса. Повсюду склоны холма— который по великолепию своих очертаний почти заслуживает звания горы, высоки и круты, за исключением одной точки на западе, где узкий гребень соединяет его с основной массой Парнаса. На юге холм обрывается отвесными и высокими обрывами из серых скал в глубокую романтическую долину, склоны которой, там, где они не обрывистые, поросли темно-зеленым кустарником. За хребтом на западе возвышаются необъятные серые обрывистые склоны Парнаса, кое-где поросшие темными соснами. Высоко на его склоне виднеется белый монастырь в устье темного ущелья, через которое тропинка поднимается на вершину. В ложбине между холмом Даулис и этими величественными склонами живописно примостилась среди деревьев мельница; воду к ней подают по мельничному ходу. На севере разрушенные стены Даулиса, здесь густо заросшие плющом и остролистым дубом, выходят через глубокую лощину на красивую деревушку Давлия, утопающую в зелени деревьев и садов на противоположном склоне холма. Спуск в долину с этой стороны крутой и поросший кустарником, но не обрывистый, за исключением того места, где линия скал проходит наискось вверх по ней на северо-западе. Кое-где в долине последние склоны холма выложены террасами и засажены виноградными лозами. У восточного подножия холма начинается великая равнина — место стольких знаменитых сражений, — которая простирается на многие мили мимо руин Панопея и Херонеи, пока у Орхомена не переходит в еще более обширные просторы Копейской равнины. На юго-востоке, за грядой невысоких холмов, проступают резкие очертания Геликона. В этом направлении, на южном конце узкой долины, отделяющей эти низкие холмы от могучих круч Парнаса, находится знаменитая Расщелина, где, как говорят, Эдип совершил темное деяние, ставшее началом всех его бед.

Всего лишь несколько мест в Греции превосходят Даулис по романтической красоте обстановки и богатству исторических и легендарных воспоминаний, которые способен вызвать пейзаж, как ближний, так и дальний. Стоя на краю его пропастей, мы чувствуем, что эта горная твердыня, хмуро взирающая на богатую страну шампейн внизу, вполне подходила для того, чтобы стать владением такого дикого, злого лорда, как Терей, о злодеяниях которого крестьяне могли бы рассказывать ужасные истории детям своих детей. Но сейчас в Даулисе все очень мирно и уединенно, потому что поток жизни давно отхлынул от него. Парнас по-прежнему смотрит на

него сверху вниз, как в былые времена; но руины увиты плющом, на холме сладко пахнет диким тимьяном, а из долины доносится мелодичный звон козьих колокольчиков. Только тень древнего преступления и скорби лежит на прекрасном пейзаже.

LXXXVI. Путь в расщелину. Примерно в пяти милях к юго-западу от Даулиса дорога, огибая восточное подножие могучего массива горы Парнас, резко поворачивает на запад и начинает подниматься по длинной, узкой и глубокой долине, которая ведет к Дельфам. Как раз в том месте, где дорога поворачивает на запад, и перед началом долгого подъема к ней с юго-востока присоединяется прямая дорога из Лебадеи и Фив. Место пересечения трех дорог — дороги из Даулиса, дороги из Дельф и дороги из Фив — это Расщелина, или Тройная дорога, место легендарного убийства Лая Эдипом. Сейчас он известен как Перекресток Мегасской дороги в честь доблестного Йоханнеса Мегаса, который встретил здесь свою смерть в июле 1856 года, истребляя банду разбойников с небольшим отрядом солдат. На его памятнике, стоящем на скале у перекрестка дорог, написано несколько стихов на новогреческом. Помимо каких-либо легендарных ассоциаций, это место является одним из самых диких и грандиозных в Греции, напоминая своими общими чертами, хотя и в гораздо большем масштабе, устье Гленко. По обе стороны долины горы резко возвышаются огромными пропастями; утесы Парнаса на северной стороне долины поистине величественны. Не видно ни следа человеческого жилья. Кругом запустение и тишина. Едва ли можно было найти более подходящее место для сцены памятной трагедии.

LXXXVII. Дельфы.—Место в Дельфах, до недавнего времени занимаемое современной деревней Кастри, в высшей степени поразительно и впечатляюще. Город располагался у южного подножия огромных утесов Парнаса, образующих отвесную скальную стену высотой около восьмисот футов. Через эти ужасные пропасти Филомел прогнал часть побежденных локрийцев. Как раз под тем углом, где эта обширная скальная стена изгибается к югу, она прорезана сверху донизу глубоким и мрачным ущельем, шириной около двадцати футов, где доносится прекрасное эхо. Напротив друг друга через эту узкую пропасть возвышаются два огромных утеса, чьи остроконечные вершины значительно возвышаются над остальной линией утесов. Они почти перпендикулярны спереди и идеально расположены там, где отвесно спускаются в ущелье. Восточная из двух скал в древности называлась Хьямпией; говорят, что с ее вершины дельфийцы сбросили Эзопа. Было высказано предположение, хотя, возможно, и без достаточных оснований, что, когда позднейшие авторы античности, особенно римские поэты, говорят о двух вершинах Парнаса, они на самом деле имеют в виду эти две скалы. На самом деле эти утесы находятся далеко не рядом с вершиной Парнаса, но при взгляде из Дельф они полностью скрывают более высокие склоны горы. Зимой или в сырую погоду поток, пенясь,

стекает по ущелью каскадом высотой около двухсот футов, низвергая воду с более высоких склонов горы. В устье ущелья, под восточным утесом, находится вырубленная в скале впадина многолетнего кастальского источника, в нескольких шагах над шоссе. Вода из источника впадает в ручей из ущелья, который, перейдя дорогу, ныряет в глубокую скалистую впадину, которую он вырыл для себя на крутом склоне горы. По этой долине спускается ручей, впадающий в Плист, который течет по дну Дельфийской долины с востока на запад, на большой глубине ниже города.

От скал позади Дельф земля так круто спускается к руслу Плиста, что только с помощью череды искусственных террас, ярусами возвышающихся друг над другом, почву можно возделывать и сделать пригодной для жилья. Таких террас насчитывается около тридцати, поддерживаемых каменными стенами, в основном из многоугольной кладки. Святилище Аполлона занимает всего пять или шесть самых высоких террас у подножия скал, на западной стороне Кастальского ущелья. Он так высоко возвышается над дном долины, что требуется двадцать минут, чтобы спуститься по крутому террасированному склону к ложу Плиста. На террасах под святилищем выращивают кукурузу, а склоны на восточной стороне Кастальского ущелья поросли прекрасными оливковыми и туловыми деревьями. По ту сторону долины, на южной стороне Плиста, возвышаются голые отвесные скалы горы Цирфис, поросшие еловым лесом. С западной оконечности обрывов, возвышающихся за Дельфами, высокий скалистый гребень выступает на юг, к руслу Плиста. Этот горный хребет замыкает Дельфийскую долину с запада, закрывая весь вид на Крисайскую равнину и Коринфский залив, хотя со стадиона, самой высокой части Дельф, можно увидеть воды залива.

Таким образом, окруженные скалистым хребтом с запада, огромными пропастями с севера и востока и обращенные на юг, через долину Плиста, более низкими, но все еще обрывистыми склонами горы Цирфис, Дельфы лежали в уединенной горной долине; и, возвышаясь террасами полукруглой формы, они напоминали огромный театр, с которым их справедливо сравнивали древние и современные авторы. Вся эта сцена исполнена сурового и устрашающего величия, вполне подходящего для того, чтобы стать резиденцией великой религиозной столицы. Что касается природных пейзажей, то не может быть более разительного контраста, чем контраст между двумя великими религиозными столицами Древней Греции, Дельфами и Олимпией — Дельфы прилепились к скалистому склону бесплодных гор, с хмурыми пропастями вверх и глубокой ложиной вниз; Олимпия раскинулась на ровном берегу реки, которая величественно изгибается среди кукурузных полей и виноградников улыбающейся долины, расположенной между мягкими лесистыми холмами.

LXXXVIII. Эсхин в Дельфах.—То, что место собрания Амфикионического совета в Дельфах должно было располагаться недалеко от часовни Святого Ильи, показано отрывком Эсхина, в котором он говорит, что Циррейская равнина простиралась под местом проведения Амфикионического Совета и как на ладони. Сам оратор, по его словам, был одним из афинских

представителей на заседании Совета. Обращаясь к нему, он указал на улыбающуюся и мирную равнину, раскинувшуюся у их ног, с ее оливковыми рощами и кукурузными полями, коттеджами и гончарными мастерскими, а вдалеке сверкали воды залива, рядом с которым виднелся портовый город. “Ты видишь, ” воскликнул он, - вон ту равнину, возделанную жителями Амфиссы, и гончарные мастерские, и коттеджи, которые они построили. Вы видите своими глазами укрепления проклятого порта. Вы сами знаете, что эти люди взимают пошлину и забирают деньги из священной гавани ”. Затем он напомнил своим слушателям о клятве, данной их предками, что эта прекрасная равнина навсегда останется дикой. Его слова были встречены бурными аплодисментами, и на следующий день на рассвете жители Дельф, вооруженные лопатами и мотыгами, спустились на равнину, сравняли укрепления порта с землей и предали дома огню. Отрадно знать, что на обратном пути их яростно преследовали вооруженные амфиссейцы, и им пришлось бежать, спасая свои жизни. Это было началом цепи событий, которые еще через несколько месяцев привели Филиппа во главе македонской армии в Грецию и закончились свержением греческой свободы в Херонее.

Вид, описанный оратором, чье зловещее красноречие повлекло за собой все эти несчастья, открывается не с платформы, на которой стоит часовня Святого Ильи, а с точки немного к юго-западу от нее, где путешественник, идущий из Дельф, достигает конца высокого хребта, который обрывается в долине Дельф на западе. Здесь, когда он поворачивает за угол, внезапно открывается вид на всю Крисайскую равнину, ныне покрытую пышными оливковыми лесами. Сцена снова такая же богатая и мирная, как и до того, как Эсхин возвысил свой голос, подобный крику какой-то мерзкой птицы, нюхающей падаль вдалеке, и превратил ее в пустыню. Мы можем предположить либо, что в его время в этом месте заседал Амфиктионический собор, либо, что гораздо более вероятно, что описание оратором событий того дня более наглядно, чем черно.

LXXXIX. Пифийская мелодия.—Говорят, что Сакадас был первым, кто сыграл пифийскую мелодию на флейте в Дельфах. Мелодия была описана для нас Поллуксом и Страбоном. Мелодия, призванная музыкально изобразить битву Аполлона с драконом, исполнялась одной флейтой, но время от времени в нее вступали трубы и флейты. Сначала было слышно, как Аполлон готовится к битве и выбирает свою позицию. Затем последовал вызов дракону, затем битва, обозначенная ямбическим тактом. Здесь, вероятно, музыка имитировала звон серебряного лука и свист стрел, летящих к своей цели. Ясно сказано, что был слышен скрежет зубов чудовища, когда оно стискивало их друг о друга в агонии. Тут зазвучали трубы, но не долгими извилистыми залпами, а короткими одиночными звуками, возможно, по одному на каждый выстрел стрелы, каждый росчерк знаменовал попадание. Пронзительные воющие звуки флейт имитировали предсмертные крики дракона. Затем флейта заиграла легкую мелодичную мелодию, отбивая такт триумфальному ритму, отбитому богом-победителем.

ХС. Лакедемонянский трофей в Дельфах. Многочисленные статуи богов, адмиралов и генералов, составлявшие гордый трофей лакедемонян в Дельфах, по-видимому, стояли, как солдаты, строгими формальными рядами на разной высоте ступеней пьедестала, хмуро глядя на афинский трофей, который, вероятно, стоял перед ними на противоположной стороне дороги.

Плутарх неоднократно упоминает этот лакедемонянский трофей, посвященный великой морской победе при Эгоспотах. Он говорит, что из трофеев битвы Лисандр установил бронзовые статуи себя и всех адмиралов вместе с золотыми звездами диоскуров; и в другом месте он сообщает нам, что в его время эти старые бронзовые статуи адмиралов были покрыты красивой синей патиной, наростом веков, так что люди говорили о них как о настоящей голубой соли. Цицерон особо упоминает статую Лисандра в Дельфах. Причина посвящения золотых звезд диоскурам, по-видимому, заключалась в том, что Кастор и Поллукс, как говорили, выступали на стороне лакедемонян в битве при Эгоспотах точно так же, как они выступали на стороне римлян в битве при Регильском озере. Рассказывают, что после битвы при Левктрах, которая нанесла смертельный удар престижу и могуществу Спарты, золотые звезды исчезли из Дельф, и их больше никогда не видели, как бы в знак того, что звезда удачи Спарты зашла. Посвящение звезд в память о появлении диоскуров является интересным подтверждением мнения, что близнецы Кастор и Поллукс были Утренней и Вечерней Звездой, эквивалентами санскритских Ашвинов. Примечательно, что в римской истории появления диоскуров как вестников победы, по-видимому, всегда происходили в одно и то же время года, а именно в день летнего солнцестояния или в первое полнолуние после него. По любопытному совпадению старый хронист Холинshed сообщает, что накануне битвы при Бэннокберне, которая также пришлось на канун Летнего солнцестояния, в Гластонбери появились двое мужчин, заявивших, что они собираются помочь шотландцам в битве на следующий день; а одинокий рыцарь в ярких доспехах въехал в Абердин днем в день битвы, и было замечено, что вечером он переправился на Оркнейские острова. ^[9]

9. За этот современный пример я должен поблагодарить моего друга мистера Р. А. Нила из Пембрук-колледжа.

ХСІ. Боги в битве.—

Говорят, что Аполлон, Артемида и Афина появились лично, сражаясь на стороне греков против галлов. Герои Тесей и Эхетл были замечены сражающимися на стороне греков при Марафоне. Во время великого морского сражения при Саламине были замечены призраки вооруженных людей, протягивающих руки с Эгины, чтобы защитить греческие корабли; считалось, что это Эакиды, к которым молились о помощи перед битвой. Говорили, что дух Аристомена сражался на стороне фиванцев против своих старых врагов - спартанцев при Левктре. Мантинейцам казалось, что они видят Посейдона, воюющего на их стороне против лакедемонян. В битве

между жителями Кротоны и Локри были замечены двое неизвестных юношей удивительного роста, в странных доспехах, одетых в алое и верхом на белых конях, сражавшихся на флангах локрийской армии; после битвы они исчезли. Этих двух юношей, вероятно, считали Кастором и Поллуксом, сообщения о появлении которых в битве при озере Регилл, атакующих с копьями во главе римской кавалерии, хорошо известны. Говорят, что когда Аларих приблизился к Афинам, он увидел Афины в полном вооружении, патрулирующую стены, и Ахилла, охраняющего их с той же пламенной доблестью, с какой он отомстил за смерть Патрокла; напуганный этим видением, свирепый варвар отказался от всякой мысли о нападении на город. Точно так же в битвах между испанцами и индейцами Мексики серьезные историки утверждают, что святого Иакова, покровителя Испании, видели скачущим на своем молочно-белом коне во главе христианского рыцарства. В одном из таких сражений рядом с собором Святого Иакова была видна дама в белом, предположительно Пресвятая Дева, пускавшая пыль в глаза неверным. Отважный старый хронист Берналь Диас, участвовавший в этих войнах, признается, что за свои грехи он не был признан достойным лицезреть славного Апостола. ^[10]

10. Этими испанскими параллелями я обязан моему оплакиваемому другу, покойному У. Робертсону Смигу. Нибур ранее проводил точно такое же сравнение.

XCII. Желание Сивиллы. Автору "Обращения к грекам" показали в Кумах бронзовый сосуд, в котором, как говорили, хранились останки Сивиллы. Трималхион в "Петронии" говорит: "В Кумах я собственными глазами видел Сивиллу, подвешенную в кувшине, и когда дети спрашивали ее: "Сивилла, чего ты хочешь?", она обычно отвечала: "Я хочу умереть". Ампелий рассказывает нам, что Сивиллу, как говорили, заперли в железной клетке, которая висела на колонне в древнем храме Геркулеса в Аргире. Доктор М. Р. Джеймс указал, что параллели с историей о желании Сивиллы можно найти в немецких народных сказках. Одна из этих историй звучит следующим образом: "Давным-давно в Лондоне жила девушка, которая хотела жить вечно, так говорят:

- Лондон, Лондон - прекрасный город.

Одна девушка молилась о том, чтобы жить вечно.

И до сих пор она живет и висит в корзинке в церкви, и каждый День Святого Иоанна около полудня она съедает булочку". Другая история рассказывает о даме, которая жила в Данциге и была так богата и так благословлена всем, что может дать жизнь, что хотела жить всегда. Поэтому, когда она подошла к своему последнему концу, на самом деле она не умерла, а только выглядела как мертвая, и очень скоро ее нашли в углублении колонны в церкви, наполовину стоящей, наполовину сидящей, неподвижной. Она не пошевелила ни единым членом, но они совершенно ясно видели, что она жива, и она сидит там по сей благословенный день. Каждый

Новый год приходит ризничий и кладет ей в рот кусочек святого хлеба, и это все, на что ей остается жить. Долго, очень долго сожалела она о своем роковом желании, о том, что поставила эту преходящую жизнь выше вечных радостей рая. Третья история рассказывает о том, как благородная девица лелеяла такое же глупое желание бессмертия. Поэтому они положили ее в корзину и повесили в церкви, и там она висит и никогда не умирает, хотя прошло много-много лет с тех пор, как они положили ее туда. Но каждый год в определенный день ей дают булочку, и она ест ее, восклицая: “Навсегда! навсегда! навсегда!” И когда она так выплакалась, то снова замолкает до того же времени в следующем году, и так это будет продолжаться вечно. Четвертая история, снятая недалеко от Ольденбурга в Гольштейне, рассказывает о веселой даме, которая ела, пила и жила очень весело, и у нее было все, чего только могло пожелать сердце, и она хотела жить всегда. Первые сто лет все шло хорошо, но после этого она начала уменьшаться и иссыхать, пока, наконец, не смогла ни ходить, ни стоять, ни есть, ни пить. Но умереть она не могла. Сначала они кормили ее, как маленького ребенка, но когда она становилась все меньше и меньше, они поместили ее в стеклянную бутылку и повесили в церкви. Иона до сих пор висит там, в церкви Святой Марии в Любеке. Она маленькая, как мышка, но раз в год шевелится.

XCIII. Орфей в аду.— Непонятно, почему художник Полигнот в своей картине ада изобразил Орфея, прикасающегося к ветвям ивы. Сам Павсаний справедливо заметил, что в роще Прозерпины росли ивы, но этого недостаточно, чтобы объяснить жест Орфея на картине. Мистер Дж. Сикс остроумно предполагает, что, когда Орфей отправился в ад за душой своей потерянной Эвридики, он, возможно, нес в руке ивовую ветку, точно так же, как Эней нес Золотую Ветвь, которая служила пропуском или “Сезамом, откройся”, чтобы открыть врата Смерти живому человеку, и что в память об этом бывшем деянии художник, возможно, изобразил барда, прикасающегося к иве. Вергилий рассказывает, как при виде Золотой Ветви, “которую давно не видели”, угрюмый Харон повернул свою сумасшедшую барку к берегу и принял Энея на борт. Мистер Сикс предполагает, что здесь слова “недолго видели” относятся к тому времени, когда Орфей, подобно Энею, переправился через паром с Золотой Ветвью в руке. Если он прав, Полигнот придерживался иного взгляда на эту мистическую ветвь, чем Вергилий, который, безусловно, считал ее прославленной омелой. Профессор К. Роберт принимает объяснение мистера Сикса. Ранее он считал, что Павсаний неверно истолковал жест Орфея. Бард, по более раннему представлению профессора Роберта, был изображен просто держащим лиру одной рукой и играющим на ней другой, а ветка ивы, под которой он сидел, наклонилась и коснулась руки, перебиравшей струны. Эта точка зрения, от которой профессор Роберт мудро отказался, допускает несколько возражений. Он заменяет обычный жест, который Павсаний вряд ли мог так грубо перепутать, замечательным жестом, который, как бы это ни объяснялось, явно показался Павсанию необычным и значительным. Опять же, если бы Орфей был изображен играющим, разве не был бы изображен кто-то слушающий? Но, насколько следует из описания Павсания, ни одна живая душа не обращала никакого внимания на волшебные напевы великого менестреля. Поэтому, кажется, лучше предположить, что,

подобно слепому Тамирису, он сидел печальный и молчаливый, мечтая о жизни в светлом мире, о любви и музыке.

XCIV. Ахерон. Ахерон — это река, ныне известная как Сулиотико или Фанариотико, которая спускается с гор некогда знаменитого Сули и петляет, вялый, мутный и заросший сорняками поток, по широкой равнине Фанари, пересекая несколько болот, прежде чем впасть в море. Эти болота, которые простираются почти до моря и никогда не пересыхают, хотя летом они сокращаются, называются Ахерузианским озером. Равнина, где она не слишком заболочена, покрыта полями кукурузы и риса и лугами, по которым пасутся стада буйволов. Несколько платанов и невысоких тамарисков окаймляют берег извилистой реки. В остальном равнина по большей части безлесна. На его восточной стороне огромной серой стеной возвышаются дикие и бесплодные горы Сули.

Прежде чем выйти на равнину, спускаясь с этих суровых высокогорий, Ахерон протекает по глубокому и мрачному ущелью, одной из самых темных и глубоких долин Греции. По обе стороны от кромки воды отвесно поднимаются пропасти на высоту сотен футов, их уступы и расщелины поросли карликовыми дубами и кустарником. Выше, там, где склоны долины отступают от перпендикуляра, горы поднимаются на высоту более трех тысяч футов, а черные сосновые леса, цепляющиеся за их отвесные склоны, дополняют мрачное величие пейзажа. Ненадежная тропинка ведет вдоль опасного выступа высоко на склоне горы, с которого путешественник смотрит вниз, в глубины огромного ущелья, где можно увидеть глубокую и быструю реку, несущуюся с пеной, часто низвергающуюся каскадом в темную пропасть, но так далеко внизу, что даже рев водопада теряется в воздухе, прежде чем достигает его слуха.

В том месте, где река выходит из ущелья на равнину, на правом берегу есть несколько коттеджей с руинами церкви и крепости. Это место называется Глики. Церковь, по-видимому, располагалась на месте древнего храма; повсюду можно увидеть фрагменты гранитных колонн и куски белого мраморного карниза, украшенного узором из листьев аканта. Возможно, здесь находилось место того Оракула Мертвых, где посланцы Периандра, тирана Коринфа, вызвали дух его убитой жены Мелиссы и где Орфей тщетно пытался вернуть свою потерянную Эвридику из мира теней.

XCV. Поездка по Парнасу. Мы покинули новую деревню Дельфы, которая стоит немного к юго-западу от древнего святилища, вскоре после восьми часов и сразу же направились вверх по склону горы за деревней. Путь к хорошему пути такой же, как и к Корисианской пещере. Она взбирается по голому скалистому склону горы серией зигзагов, от которых по мере того, как мы

поднимались все выше и выше, позади нас открывалась широкая перспектива на Коринфский залив и далекие горы Пелопоннеса. Достигнув вершины этого длинного и крутого склона, мы оказались на краю сравнительно ровной, хотя и неровной местности, поросшей редким сосновым лесом, за которым возвышались верхние склоны Парнаса, вершина которого была слегка покрыта снегом. Высокое плато, на котором мы сейчас стояли, ограничено с севера отдаленным отрогом Парнаса, покрытым сосновым лесом, в южной части которого находится Корисианская пещера. Вместо того чтобы пересекать плоскогорье в направлении пещеры, мы обогнули его юго-западный угол, держась лесистой горы справа от нас. В течение нескольких часов тропинка петляла по серым каменистым склонам, где более или менее густо росли сосны. По обе стороны возвышались мрачные горы одинакового общего характера — серые и скалистые, с участками соснового леса по бокам. Время от времени немного мха подчеркивало своей зеленью бесплодность скал, а каменистая поляна, по которой мы проходили, была усеяна бледно-фиолетовыми крокусами. На этих высотах воздух казался прохладным, потому что был конец октября, и ночью выпало немного снега — первого за осень, — едва коснувшегося белизной вершин Парнаса и высоких локрийских гор на западе. Утро было ясным, когда мы выезжали из Дельф, но к концу дня небо затянули тучи, их холодный и унылый вид хорошо гармонировал с диким и безлюдным пейзажем, по которому мы ехали. Звяканье бубенчиков на мулах и крики погонщиков мулов были почти единственными звуками, нарушавшими тишину, хотя однажды в лесу справа мы услышали похожий на трескотню крик пеликана, а однажды на открытой поляне мы встретили нескольких дровосеков, рубивших сосновые бревна. Со временем тропинка начала спускаться, камни уступили место земляным склонам; на полянах росло немного бледной жидкой травы и несколько увядших папоротников; солнце проглядывало между облаками, и когда мы спускались в более теплые низины, казалось, что мы преследуем уходящее лето.

Примерно в четырех часах езды от Дельф высокие пурпурные горы, залитые солнцем и испещренные тенями облаков, показались на севере за сосновым лесом и над ним. Дальше лес редел, а затем исчезал с каменистого дна долины, хотя верхние склоны гор по обе стороны все еще были окутаны темной мантией сосен. Было около часа дня, когда мы добрались до Ано-Агориани, деревни, приютившейся среди деревьев в горной лощине, через которую протекал журчащий ручей. После привала, длившегося около часа, мы покинули деревню и спустились в глубокое русло ручья; затем, круто поднявшись на его западный берег, мы продолжили наш путь по скалистому склону горы высоко над долиной. Через три четверти часа мы увидели широкую долину Кефиса, раскинувшуюся под нами и окруженную горами на севере. По крутым, каменистым, извилистым тропинкам мы спустились в долину и без четверти четыре достигли Като-Агориани. Деревня стоит прямо у подножия Парнаса. Примерно в миле к востоку серые разрушенные стены и башни Лилеи взбираются на крутой и неровный склон холма — последнее падение Парнаса на равнину. Расположение этого места у северного подножия горы таково, что оно может получать очень мало солнца в любое время года, что, хотя и является преимуществом в условиях изнуряющей жары греческого лета, должно быть, делает зимний климат суровым. Когда мы спускались к Като-Агориани, солнце село за горы у нас за спиной вскоре после трех часов, но только спустя почти два часа его свет померк на холмах на противоположной, или северной, стороне долины. Это может проиллюстрировать замечания Павсания относительно климата Лилеи.

ХСVI. Перикл. Перикл, великий афинский государственный деятель и один из самых замечательных людей древности, был сыном Ксантиппа, который командовал греками в битве при Микале. Через свою мать Агаристу, племянницу Клизфена, которая реформировала демократию в Афинах после изгнания Писистратидов, он был связан как со старым княжеским родом Сикиона, так и с великим, но неудачливым домом Алкмеонидов. Дата его рождения неизвестна, но его юность, должно быть, пришлось на тревожные времена великой персидской войны. Судя по его дружбе с поэтом Анакреоном, его отец был человеком со вкусом, а поскольку он пользовался гостеприимством спартанских царей, его дом, без сомнения, был как политическим, так и литературным центром. Перикл получил лучшее образование, какое только могла дать та эпоха. Учителями у него были Пифоклидес и выдающийся музыкант Деймон, который привносил в свои уроки музыки привкус философии, за что навлек на себя подозрения вульгарных людей и подвергся ostracism. Перикл также прислушивался к тонкой диалектике элеата Зенона. Но человеком, который повлиял на него наиболее глубоко и надолго, был философ Анаксагор. Влияние умозрительного гения, благородного и мягкого характера философа, который отказался от своего имущества, чтобы более упорно обращать свои мысли к небесам, которые он называл своим домом, и который в качестве последней почести просил, чтобы у школьников были каникулы в день его смерти, можно проследить как в интеллектуальной широте, так и в возвышенном моральном тоне ученика, в его превосходстве над вульгарными суевериями, и в невозмутимом спокойствии, которое он сохранял во время бурь политической жизни. Вероятно, величественные манеры Перикла даже в большей степени, чем его красноречие, принесли ему прозвище Олимпийского Зевса. ^[11]

11. Рассказывают, что однажды, когда Перикл вел дела публично, какой-то низкий человек ругал его весь день напролет, а с наступлением темноты преследовал до самого дома, понося на самых грязных выражениях. Перикл не обращал на него внимания, пока не подошел к своей двери, после чего приказал одному из слуг взять факел и осветить дом этого человека.

В юности он отличился на поле боя, но избегал политики, опасаясь, как говорят, подозрений, которые могли бы возбудить в народе не только его богатство, высокое происхождение и могущественные друзья, но и поразительное сходство с тираном Писистратом, которое старики находили в его внешности, музыкальном голосе и плавной речи. Но когда изгнание Фемистокла и смерть Аристиды несколько очистили политическую сцену, Перикл выступил в качестве защитника демократической или прогрессивной партии в противовес Кимону, лидеру аристократической или консервативной партии. Два лидера отличались друг от друга едва ли меньше, чем своей политикой. Оба действительно были людьми аристократического происхождения и темперамента, благородными, храбрыми и щедрыми, верными и трудолюбивыми на службе Афинам. Но Кимон был настоящим моряком, прямолинейным, веселым, развязным, который пел отличную песню и всегда был одинаково готов выпить или подраться, для которого бесхитростный ум (он не знал даже нескольких букв ^[12]) казарменная жизнь варваров-спартанцев казалась образцом человеческого совершенствования, и чья

простая программа была сформулирована в максиме “сражайся с персами”. Естественно, новым идеям политического прогресса и интеллектуального развития не было места в его честной голове; естественно, он был твердым сторонником старых добрых времен, лучшим воплощением которых, по мнению большинства, он был. Серьезный, прилежный, сдержанный Перикл сам был проникнут идеями прогресса и культуры, которые он взялся претворить в политическую и социальную реальность; философия была его развлечением; за всю свою политическую карьеру он лишь однажды принял приглашение на обед, и его никогда не видели гуляющим, кроме как между его домом и народным собранием и зданием сената. Он бережно относился к своему наследству и регулировал свои внутренние дела с жесткой экономией, чтобы избежать как соблазна, так и подозрений в обогащении за государственный счет.

12. Забавно читать у Плутарха, как этот крепкий старикан судит о соответствующих достоинствах Эсхила и Софокла.

Невозможно с уверенностью проследить, по каким ступеням он поднялся к главенствующему положению, которое занял в дальнейшей жизни. Согласно Плутарху, Перикл, чье состояние не позволяло ему подражать обильному гостеприимству, которым Кимон снискал расположение народа, пытался перекупить его, щедро распределив государственные деньги между беднейшими классами; этот прием был предложен ему Дамонидом, говорит Плутарх, ссылаясь на авторитет Аристотеля. Мы можем сомневаться в мотивах, на которые ссылается Плутарх, но мы не можем сомневаться в том факте, что Перикл распространил, если не положил начало, практике распределения крупных сумм среди граждан либо в качестве чаевых, либо в качестве оплаты за оказанные услуги — практика, которая впоследствии достигла самых пагубных масштабов. Согласно Платону, было распространено мнение, что Перикл с помощью введенной им системы платежей развратил афинян, сделав их праздными, трусливыми, болтливыми и скупыми. Именно Перикл ввел плату присяжным заседателям, и, поскольку ежегодно их отправляли на службу шесть тысяч, из которых значительная часть заседала ежедневно, выплаты из казны были значительными, в то время как бедным и праздным было предложено жить за государственный счет. Но плата за посещение общественного собрания или парламента (членами которого были все граждане зрелого возраста), хотя, вероятно, и предполагалась оплатой работы присяжных, не была введена Периклом и, похоже, действительно не существовала при его жизни. Именно он ввел плату гражданам за военную службу — меру, без которой афиняне, вероятно, не стали бы так затягивать Пелопоннесскую войну и, в частности, не были бы так готовы отправиться в роковую сицилийскую экспедицию.

Возможно, было больше оснований для зародившейся при Перикле практики выплачивать беднейшим гражданам из государственной казны плату за вход в театр. Ибо в эпоху, когда изучение поэтов составляло главный элемент образования, и когда великие драмы Эсхила, Софокла и Еврипида ставились на сцене во всей их свежести, такую меру можно было рассматривать почти как государственное обеспечение образования граждан. Частью политики Перикла было одновременно просвещать народ и радовать его многочисленными и великолепными празднествами, шествиями и зрелищами. Но добро было смешано с семенами зла, которые пустили корни и распространялись до тех пор, пока во времена Демосфена деньги, которые должны были быть потрачены на борьбу с врагами Афин, не были растрочены на

зрелища и театрализованные представления. Впечатляющий фонд, или *Теоретикон*, был назван раковой опухолью Афин. Кроме того, Перикл потратил огромные суммы на украшение города этими зданиями, которые даже в своих руинах являются чудом света. Среди них были Парфенон, или Храм Девы Марии, и Эрехтеум, оба на акрополе, первый был завершен в 438 году до н.э., второй остался незаконченным после смерти Перикла; великолепные Пропилеи, или вестибюль к акрополю, построенный между 437 и 432 годами; и Одеум, или мюзик-холл, на юго-восточном склоне акрополя, построенный до 444 года. Музыкальные состязания, учрежденные Периклом, правила которых он сам устанавливал и выступал в качестве судьи, проходили в Одеуме. Многим художникам и архитекторам было доверено выполнение этих великих работ, но под руководством вдохновителя Фидия, скульптора, архитектора, живописца — Микеланджело античности.

Но Перикл не только украсил, но и укрепил Афины. Политикой Фемистокла было сделать ее в первую очередь морской и торговой державой, и для этого он укрепил морскую пехоту и дал городу, насколько это было возможно, преимущества островного положения с помощью укреплений, которые сделали и его, и порт неприступными со стороны суши. Основав таким образом афинское государство на торговле, а не, подобно Солону, на сельском хозяйстве, он в то же время передал политическое господство демократической или прогрессивной партии, которая так же естественно рекрутировалась из коммерсантов, как консервативная или аристократическая партия - из сельскохозяйственного населения. Эта политика была полностью принята и проводилась Периклом. Именно в его время и, вероятно, по его совету были построены Длинные стены, которые, соединив Афины с Пиреем, превратили столицу и ее морской порт в одну огромную крепость. Кроме того, чтобы обучить афинян морскому делу, он держал флот из шестидесяти кораблей в море восемь месяцев в году.

Расходы, связанные с этими грандиозными планами, покрывались главным образом за счет ежегодной дани, которую афинские союзники первоначально предоставляли с целью ведения войны против Персии, но которую Афины, как глава лиги, впоследствии использовали в своих собственных целях. Если, как кажется вероятным, перевод казны лиги с Делоса в Афины, который закрепил превращение афинского главенства в империю, произошел между 460 и 454 годами, этот шаг, вероятно, был предложен или поддержан Периклом, и, во всяком случае, он управлял фондом после его передачи. Но, хотя отклонение фонда от его первоначального назначения, вероятно, началось не при Перикле, все же, однажды создав его, он непоколебимо поддерживал его. Афиняне, по его мнению, выполнили возложенное на них доверие, защитив своих союзников от всех желающих, и данью была их заработная плата, которую они имели право и привилегию тратить на работы, которые благодаря использованию рабочей силы и стимулированию торговли приносили пользу в настоящее время, а благодаря их красоте были бы “радостью навеки”. Он полностью признавал, что Афины правили силой, что их империя на самом деле была тиранией, но оправдывал эту тиранию высокими и славными целями, которым она служила.

Приход Перикла к власти, хотя за ним и нельзя проследить шаг за шагом, имеет очевидное и достаточное объяснение в сочетании его мудрости и красноречия. Платон связывает свое красноречие в значительной степени с влиянием Анаксагора; общение с этим философом, по его словам, наполнило ум Перикла возвышенными рассуждениями и истинным представлением о природе разума, и, следовательно, его ораторское искусство обладало интеллектуальным величием и художественной завершенностью, характерными для высшего

красноречия. Диапазон и направленность его риторики были замечательными, простираясь от самого убедительного убеждения до самого ошеломляющего обличения. Поэты-комики того времени, в целом весьма недружелюбные к нему, с восхищением отзываются о его ораторском искусстве: “величайший из греческих языков”, - говорит Кратин; “убедительность звучала на его устах, таково было его очарование”, и “он единственный из ораторов оставлял свое жало в слушателях”, - говорит Эвполис; “он зажигал, он гремел”, - говорит Аристофан. Его речи готовились с особой тщательностью; перед тем как встать, он обычно молился, чтобы ни одно неподобающее слово не сорвалось с его губ. Он не оставил письменных речей, но те немногие его высказывания, которые дошли до нас, раскрывают страстное воображение, подобное тому, которым дышат фрагменты Сапфо. Таким образом, говоря о тех, кто погиб на войне, он сказал, что молодежь ушла из города, как весна из года в год. Он назвал враждебный остров Эгина “бельмом на глазу Пирея” и заявил, что видит, как война “спускается с Пелопоннеса”. Три из его речей были переданы Фукидидом, который, возможно, слышал их, но, хотя их содержание может быть правильно передано, при прохождении через беспристрастный ум историка они были лишены яркого воображения оратора, и по своей холодной железной логике их едва ли можно отличить от других речей Фукидида. Исключением из этого правила является речь, которую, по сообщению Фукидида, произнес Перикл над убитыми в первый год Пелопоннесской войны. Эта речь стоит совершенно особняком от других; и так же хорошо в отдельных штрихах (например, в высказывании о том, что “могила великих людей - это мир”), как и во всем ее содержании, мы улавливаем голос великого оратора, каким не был Фукидид при всем его гении. Вероятно, это довольно точное воспроизведение речи, фактически произнесенной Периклом.

Первое публичное появление Перикла, о котором у нас есть записи, вероятно, произошло около 463 года. Когда Кимон по возвращении из похода на Тасос предстал перед судом по совершенно невероятному обвинению в том, что он был подкуплен македонским царем с целью предать интересы Афин, народ назначил Перикла помогать в проведении судебного преследования; но, возможно, больше из убежденности в невинности обвиняемого, чем, как было сказано, в соответствии с мольбами сестры Кимона Эльпиники, он не стал настаивать на предъявлении обвинения, и Кимон был оправдан. Вскоре после этого Перикл нанес удар консервативной партии, напав на ареопаг, совет, состоящий из пожизненных членов, достойно исполнявших обязанности архонта. О характере функций ареопага в этот период известно мало; по-видимому, он осуществлял общий надзор за магистратами, народным собранием и гражданами и осуществлял этот надзор в высшей степени консервативно. Он заседал также как суд для рассмотрения некоторых преступлений, особенно убийств. Перикл, похоже, лишил его почти всех функций, за исключением юрисдикции в делах об убийстве. Поэт Эсхил сочинил свои “Эвмениды” в оправдание древних привилегий ареопага. Хотя Перикл был настоящим автором нападения на ареопаг, номинально это мероприятие проводил Эфиальт.

Действительно, частью политики Перикла было держаться на заднем плане и действовать, насколько это было возможно, через агентов, приберегая себя для важных случаев. Эфиальт, друг Перикла и непреклонный патриот, дорого заплатил за это отличие; он пал от руки наемного убийцы, нанятого олигархической партией, — событие, тем более поразительное, что политические убийства в истории Греции были редкостью. Народная партия, по-видимому, немедленно последовала за своей победой над ареопагом, подвергнув остракизму Кимона, что укрепило позиции Перикла, устранив его самого влиятельного противника. Перикл участвовал в

битве при Танагре и вел себя с отчаянной храбростью. После битвы Кимон был отозван из изгнания, и именно Перикл предложил и привел в исполнение указ о его отзыве.

В 454 году Перикл вывел афинскую эскадру из порта Пеги на берегу Коринфского залива, высадился в Сикионе и разбил жителей, осмелившихся выступить против него; затем, взяв с собой отряд ахейцев, он переправился в Акарнанию и осадил город Эниады, но был вынужден вернуться домой, так и не захватив его. Вскоре после этого он провел успешную экспедицию во фракийский Херсонес, где он не только укрепил греческие города, присоединив к ним тысячу афинских колонистов, но и защитил их от вторжений варваров, укрепив перешеек от моря до моря. Это была лишь одна из многочисленных мер Перикла по расширению и укреплению афинской военно-морской империи. В разное время им были основаны колонии на Наксосе, Андросе, Ореусе на Эвбее, Бреа в Македонии и Эгине. Они служили двойной цели - установлению афинской власти в отдаленных районах и ослаблению давления населения дома, предоставляя более бедным гражданам земли. Несколько иными были знаменитые колонии, основанные под влиянием Перикла в Туриях в Италии, на месте древнего Сибариса, и в Амфиполе на Стримоне, поскольку, хотя они и были основаны под руководством Афин, они не были исключительно афинскими колониями, другим грекам разрешалось и даже приглашалось принимать в них участие. Это было особенно верно в отношении Турии, которая в некотором смысле была национальной греческой колонией и никогда не находилась в подчинении Афинам. Однажды Перикл отплыл во главе великолепного войска в Черное море, где помогал греческим городам и внушал благоговейный трепет варварам. В Синопе он оставил отряд кораблей и людей под командованием доблестного Ламаха, чтобы сотрудничать с жителями против тирана Тимесилея, и после изгнания тирана и его партии он издал указ об отправке шестисот афинских колонистов в Синопу, чтобы занять земли, освобожденные изгнанниками. Но, обладая присущей ему трезвой мудростью, Перикл никогда не позволял своим планам выходить за рамки возможного; он не был политическим мечтателем, подобным Алкивиаду, чтобы быть ослепленным видением всемирной афинской империи в Греции, Италии и Африке, такой, какая проносилась перед умами многих в том и последующих поколениях. Катастрофическая экспедиция, которую афиняне послали в Египет для поддержки мятежника Инара против Персии, не получила одобрения Перикла.

Когда Кимон умер в 449 году, аристократическая партия попыталась уравновесить власть Перикла, выдвинув Фукидида, сына Мелесия, в качестве нового главы партии. Он, кажется, был честным патриотом, но, как показали события, ему было не сравниться с Периклом. Священная война в 448 году еще раз показала, что Перикл знал, как защищать интересы Афин. Фокейцы под защитой Афин вырвали контроль над дельфийским оракулом у своих врагов дельфийцев. Последние были дружественны к Спарте, и, соответственно, спартанцы вошли в Фокиду и вернули дельфийцам оракул. Когда они ушли, Перикл во главе афинского отряда снова передал оракул в руки фокейцев. Как резиденция великого оракула, Дельфы были для древней Греции во многом тем же, чем Рим был для средневековой Европы, и дружба бога или его жрецов была немалым политическим преимуществом.

Когда афиняне послали небольшой отряд под командованием Толмида подавить восстание в Беотии, они сделали это вопреки предупреждениям Перикла. Эти предупреждения вскоре были оправданы неудачной битвой при Коронее, которая одним ударом лишила Афины континентального владычества, приобретенного ими несколькими годами ранее в битве при Энофите. Остров Эвбея теперь восстал против Афин, и едва Перикл переправился с армией,

чтобы подавить его, как пришло известие, что мегарцы вырезали афинский гарнизон и в союзе с Коринфом, Сикионом и Эпидавром подняли оружие, в то время как пелопоннесская армия под командованием царя Плистоанакса была на грани вторжения в Аттику. Перикл поспешно вернулся в Аттику. Пелопоннессцы вернулись домой, продвинувшись не дальше Элевсина и Фрии. Говорили, что Перикл подкупил Клеандрида; несомненно то, что и Клеандрида, и Плистоанакс были обвинены в Спарте в неправильном руководстве экспедицией и признаны виновными. Спасши Аттику, Перикл вернулся на Эвбею, подчинил ее себе, изгнал гистианцев и основал на их землях афинскую колонию Орей.

Тридцатилетний мир, заключенный вскоре после этого со Спартой, вероятно, был в значительной степени делом рук Перикла. Афиняне эвакуировали Беотию сразу после битвы при Коронее и по условиям мира теперь отказывались от других своих континентальных владений — Ахайи, Трезены, Нисеи и Пегеи. Мир предоставил Периклу свободу разрабатывать свои планы по содействию внутреннему благосостоянию Афин и превращению их в центр интеллектуальной и художественной жизни Греции. Но сначала ему пришлось свести счеты со своим политическим соперником Фукидидом; исход борьбы вскоре был решен ostracismом последнего в 444 году. С тех пор и до конца своей жизни Перикл единолично управлял судьбами Афин; по словам историка Фукидида, правительство номинально было демократическим, но на самом деле это было правление первого гражданина. Беспрецедентное господство, которым он так долго обладал над непостоянными людьми, является одним из лучших доказательств его необычайного гения. Он был полностью обязан этим своему личному характеру и использовал его в самых мудрых и чистых целях. Он не был ни вульгарным демагогом, потакающим страстям и капризам толпы, ни вульгарным деспотом, запугивающим ее наемными солдатами; он был гражданином среди граждан, которые повиновались ему, потому что доверяли ему, потому что знали, что в его руках честь и интересы Афин в безопасности. Период, в течение которого он правил Афинами, был самым счастливым и величайшим в их истории, поскольку это была одна из величайших эпох мира. В другие эпохи были свои особые яркие звезды; эпоха Перикла - это Млечный Путь великих людей. При его жизни в Афинах жили и творили поэты Эсхил, Софокл, Еврипид, Кратин, Кратес, философы Анаксагор, Зенон, Протагор, Сократ, астроном Метон, художник Полигнот и скульпторы Мирон и Фидий. Современниками этих людей, хотя и не проживавшими в Афинах, были Геродот, отец истории; Гиппократ, отец медицины; Пиндар, “фиванский орел”; скульптор Поликлит; и философы Эмпедокл и Демокрит, последний соавтор атомной теории Левкиппа. Когда умер Перикл, над горизонтом восходили или вскоре должны были взойти другие звезды — историки Фукидид и Ксенофонт, поэты Эвполис и Аристофан, ораторы Лисий и Исократ, а также одаренный, но беспринципный Алкивиад. Платон родился незадолго до или после смерти Перикла. Центром этого блестящего круга был Перикл. Его щедрая и богато одаренная натура откликалась на все прекрасное и благородное не только в литературе и искусстве, но и в жизни, и справедливо, что эпоха Перикла получила свое название по имени человека, в котором больше, чем в ком-либо другом, встретились и были гармонизированы все различные направления греческой культуры. В этой совершенной гармонии и завершенности природы, в классическом спокойствии, которое было ее плодом, Перикл является образцом идеального духа не только своего времени, но и античности.

По-видимому, вскоре после ostracismа Фукидида Перикл задумал созвать всеобщий конгресс всех греческих государств, который должен был состояться в Афинах. Его целями были восстановление храмов, разрушенных персами, выполнение обетов, данных во время войны, и установление всеобщего мира и безопасности на море. Приглашения были разосланы грекам

Азии, островов от Лесбоса до Родоса, Геллеспонта, Фракии, Византии, Беотии, Фокиды, Пелопоннеса, Локриды, Акарнании, Амбрады и Фессалии. Целью Перикла, по-видимому, было укрепить союзные узы между греками и сформировать национальную федерацию. Благотворный проект потерпел поражение из-за близорукого противодействия спартанцев. Но если в этом плане Перикл поднялся над мелочной завистью греческих политиков, то другой его шаг доказывает, что он разделял греческие предрассудки относительно происхождения. В ранний период своей карьеры он принял или, возможно, только возродил закон, ограничивающий права афинского гражданства лицами, оба родителя которых были гражданами Афин. В 444 году при тщательном изучении списка граждан было доказано, что почти пять тысяч человек, называвших себя гражданами, являются иностранцами в соответствии с этим законом и были безжалостно проданы в рабство.

Период тридцатилетнего мира не был для Афин периодом непрерывного спокойствия. В 440 году разразилась война между островом Самос (ведущим членом Афинской конфедерации) и Милетом. Афины встали на сторону Милета; Перикл отплыл на Самос с афинской эскадрой и установил демократию вместо прежней олигархии. Однако после его ухода некоторые изгнанные олигархи в союзе с Писсутнесом, сатрапом Сард, собрали войска и, переправившись на Самос, разгромили народную партию и восстали против Афин. В этом восстании к ним присоединилась Византия. Ситуация была критической; примеру Самоса и Византии могли последовать и другие союзники. Перикл заметил опасность и быстро встретил ее. Он повел эскадру из шестидесяти кораблей против Самоса; и, выделив несколько судов для вызова подкрепления с Хиоса и Лесбоса, а другие для наблюдения за финикийским флотом, который персы, как ожидалось, пошлют на помощь Самосу, он дал бой сорока четырем кораблями самосскому флоту из семидесяти парусников и разгромил его. Получив подкрепление в шестьдесят пять кораблей, он высадился на Самосе и осадил столицу. Но когда он отплыл с шестидесятью кораблями навстречу финикийским судам, которые, как сообщалось, были поблизости, самойцы совершили вылазку со своими судами, разбили осаждающих и оставались хозяевами моря в течение четырнадцати дней. Однако по его возвращении они снова попали в блокаду и были вынуждены сдаться через девять месяцев после начала войны.

Хотя Перикл пользовался доверием народа в целом, его политика и мнения не могли не вызывать неприязни и подозрений у многих, и в последние годы его жизни враги объединились, чтобы напасть на него. В частности, для нападков были выделены два момента: его распоряжение общественными средствами и его религиозные взгляды. Что касается первых, всегда должно быть определенное количество людей, которые не поверят, что другие могут сопротивляться и презирать искушение, которое для них самих было бы непреодолимым; что касается последних, подозрение, что Перикл придерживался еретических взглядов на национальную религию, несомненно, было вполне обоснованным. Однако поначалу его враги не осмелились объявить ему импичмент, а нанесли удар в лицо его друзей. В 432 году Фидия обвинили в присвоении части золота, предназначенного для украшения статуи Афины в Парфеноне. Но по благоразумному совету Перикла золотые украшения были прикреплены так, что их можно было снять и взвесить, и когда Перикл предложил обвинителям прибегнуть к этой проверке, обвинение рухнуло. Более опасным, ибо более правдивым, было обвинение против Фидия в том, что он представил свои портреты Перикла в битве амазонок, изображенные на щите богини: скульптор предстал в образе лысого старика, поднимающего камень, в то время как Перикл был изображен сражающимся с амазонкой, его лицо было частично скрыто

поднятым копьем. Благочестивым афинянам это показалось осквернением храма, и поэтому Фидий был заключен в тюрьму. Умер ли он там или в Элисе, неизвестно.

Еще глубже был уязвлен Перикл обвинением, брошенным женщине, которую он любил. Это была знаменитая Аспазия, уроженка Милета, чьи таланты вызвали всеобщее восхищение в Афинах. Перикл развелся со своей женой, дамой хорошего происхождения, которая родила ему двух сыновей, Ксантиппа и Парала, но с которой он был несчастлив, и привязался к Аспазии. С ней он жил в условиях преданной привязанности до конца своей жизни, хотя, поскольку она была иностранкой, их союз не был законным браком. Она пользовалась высокой репутацией преподавателя риторики и, по-видимому, была центром блестящего интеллектуального общества, в которое входили Сократ и его друзья. Поэт-комик Гермипп привлек ее к суду по двойному обвинению в нечестии и развращении афинских женщин ради ублажения Перикла. Далее религиозный фанатик по имени Диопит издал указ, согласно которому все, кто отрицал существование богов или обсуждал природу небесных тел, должны были предстать перед судом как преступники. Этот удар был направлен непосредственно против престарелого философа Анаксагора, но косвенно против его ученика Перикла, а также против Аспазии. Когда этот указ был принят и, по-видимому, пока суд над Аспазией все еще продолжался, сам Перикл был призван народным указом отчитаться о деньгах, прошедших через его руки. Результат не упоминается, но мы не можем сомневаться в том, что дело либо было прекращено, либо закончилось оправдательным приговором. Безупречная честность Перикла подтверждается безукоризненными свидетельствами его современника, историка Фукидида. Аспазия была оправдана, но не раньше, чем Перикл пустил в ход все свое красноречие в ее защиту. Анаксагор, которого судили по обвинению в нечестии, был вынужден покинуть город.

Именно в том же 432 году разразилось великое противостояние между Афинами и Спартой, известное как Пелопоннесская война. Мы можем отмахнуться как от вульгарной клеветы от утверждения, часто повторяемого в древности, но совершенно не подтверждаемого Фукидидом, что война была развязана Периклом с целью избежать судебного преследования. Война была на самом деле неизбежна; ее истинной причиной была ревность Спарты к растущему могуществу Афин; ее непосредственным поводом стала помощь, оказанная Афинами Коркире в ее войне с Коринфом. Сначала, с лицемерным отношением к религии, спартанцы потребовали в качестве условия мира, чтобы афиняне изгнали расу Алкмеонидов (включая, конечно, Перикла), чьи предки были виновны в святотатстве около двух столетий назад. Афиняне ответили тем же, и, после еще небольшого дипломатического фехтования, спартанцы были вынуждены показать свои силы, прямо потребовав, чтобы Афины вернули грекам их независимость — другими словами, отказались от своей империи и отдались на милость Спарты. Перикл призвал афинян отклонить это требование. Он указал, что Афины обладают преимуществами перед пелопоннессцами в превосходстве богатства и большем единстве советов. Он посоветовал афинянам в случае войны не выходить на поле боя против численно превосходящих сил пелопоннессцев, а позволить врагу опустошать Аттику по своему усмотрению, пока они ограничатся обороной города. С помощью своего флота они поддерживали связь со своей островной империей, закупали припасы и беспокоили врага внезапными нападениями на его побережья. Проводя эту оборонительную политику, не пытаясь расширить свою империю, он предсказал, что они одержат победу. Люди прислушались к нему и ответили на ультиматум спартанцев встречными требованиями, которые, как они знали, не

будут приняты. Перикл и в мирное время не пренебрегал подготовкой к войне, и теперь Афины были хорошо оснащены людьми, деньгами и кораблями.

В июне следующего лета пелопоннесская армия вторглась в Аттику. По совету Перикла сельское население со своим движимым имуществом укрылось в городе, в то время как скот был отправлен в целях безопасности на соседние острова. Вид разоренной на их глазах страны возбудил в афинянах страстное желание выступить навстречу врагу, но, несмотря на народный шум и обличения, Перикл неуклонно придерживался своей оборонительной политики, довольствуясь защитой пригородов Афин кавалерией. Тем временем афинский флот нанес ответный удар по берегам противника. Примерно в то же время, в наказание за ту долю, которую они, как предполагалось, внесли в развязывание войны, все население Эгины было изгнано со своего острова, чтобы освободить место для афинских колонистов. Эта мера, предпринятая по указанию Перикла, в некоторой степени ослабила напряжение в перенаселенной столице и обеспечила сильный форпост на стороне Пелопоннеса. Осенью, после того как пелопоннесская армия была вынуждена из-за нехватки провизии покинуть Аттику и распасться, Перикл ввел всю имевшуюся в наличии афинскую армию на территорию Мегары и опустошил ее.

У афинян существовал обычай, что в конце кампании кости павших в битве хоронили с общественными почестями в прекрасном пригороде Керамикуса, Вестминстере Афин, и к огромной толпе скорбящих и зрителей, собравшихся у могилы, обратился гражданин, выбранный за его характер и способности, чтобы отдать последнюю дань благодарной страны ее ушедшим храбрецам. В данном случае выбор пал на Перикла. Однажды раньше, в конце Самосской войны, ему выпало выполнить подобный долг. Речь, которую он произнес, как сообщил нам Фукидид, является одним из благороднейших памятников древности. Это действительно символ веры Афин и всей Греции. В своем аристократическом республиканизме, признающем одновременно равные юридические права и неравные внутренние достоинства индивидов, он одинаково отличается от монархического духа средневековой и современной Европы с ее искусственными классовыми различиями и от того реакционного коммунизма, который проповедует естественное, а также юридическое равенство людей. В своем откровенном восхищении искусством, литературой и всеми общественными празднествами, которые очеловечивают и веселят жизнь, она так же далека от угрюмого аскетизма и дикого разврата Востока, как серьезность и мужественная простота ее стиля далека от причудливой роскоши восточной риторики. Наконец, в словах утешения и увещевания, обращенных к скорбящим, речь — если воспользоваться описанием Терлуоллом другого великого достижения афинского ораторского искусства — “ дышит духом той высокой философии, которая, усвоенная в школах или из жизни, утешала благороднейших представителей нашего рода в тюрьмах, на эшафотах и при любых преследованиях неблагоприятной судьбы”.

Следующим летом стойкость афинян подверглась еще более суровому испытанию, когда к ужасам войны (пелопоннесцы снова вторглись в Аттику) добавились ужасы чумы, посеявшей хаос в перенаселенном городе. Сам Перикл избежал этого бедствия, но многие из его родственников и лучших друзей, среди них его сестра и двое сыновей Ксантипп и Парал, были убиты. Со старшим из своих сыновей, Ксантиппом, ничемным молодым человеком, отец был в плохих отношениях, но смерть его оставшегося в живых сына, случившаяся с интервалом в несколько дней, глубоко потрясла его, и когда он пришел возложить венок к трупу, хотя из всех

сил старался сохранять свое обычное спокойствие, он не выдержал и впервые в своей общественной жизни разразился рыданиями. Но ни личное горе, ни общественное бедствие ни на мгновение не поколебали высокого мужества и решимости, с которыми он продолжал до последнего противостоять твердым фронтом как внешним врагам, так и трусам внутри. Отказываясь, как и прежде, рисковать битвой в Аттике, которую он позволил пелопоннесцам опустошать по своему усмотрению, он лично повел мощный флот против Пелопоннеса, опустошил побережье и разрушил город Прасий в Лаконии. Но афиняне были сильно обескуражены; они потребовали мира, а когда Спарта отклонила их иск, они выместили свое недовольство на Перикле, как зачинщике войны, наложив на него штраф. Однако вскоре они раскаялись в своем порыве раздражения и искупили его, переизбрав его генералом и снова передав правительство в его руки. Кроме того, они позволили ему признать законным своего сына от Аспазии, чтобы его дом не остался без наследника. Он пережил это примирение около года, но его имя больше не упоминается в связи с общественными делами. Осенью 429 года он умер. Мы вполне можем поверить, что философия, которая была развлечением его счастливых дней, поддерживала и утешала его в пасмурный вечер его жизни. Для его кроткой натуры было своеобразным утешением размышлять о том, что он никогда не доводил политические разногласия до пролития крови. Действительно, его необычайная, почти отеческая нежность к жизни каждого афинского гражданина подтверждается различными его высказываниями. На смертном одре, когда окружавшие его друзья рассказывали о его долгой биографии, пробуждаясь от летаргии, в которую он впал, он напомнил им о своем самом справедливом титуле, заслуживающем чести: "Ни один афинянин, - сказал он, - никогда не надевал черное из-за меня".

Он был похоронен среди прославленных усопших в Керамикусе, и в последующие годы Формио, Фрасибул и Хабрий спали рядом с ним. Внешне он был грациозен и хорошо сложен, если не считать необычной высоты головы, которую поэты-комики не уставали высмеивать. На его бюстах, которыми мы располагаем, его правильные черты лица с прямым греческим носом и полными губами все еще сохраняют выражение олимпийского покоя.

КОНЕЦ

Напечатано R. & R. Clark, Limited, Эдинбург.

Примечание переписчика

Дефисы, используемые в сложных словах, которые занимают строки или разрывы страниц в исходном тексте, сохраняются или удаляются в зависимости от преобладания примеров в других местах. Несколько слов ("белая полоса", "берег реки", "морские водоросли" и "водное русло") указаны посередине строки как с переносом, так и без него и приведены здесь печатными буквами.

Ошибки, которые, скорее всего, были допущены принтером, исправлены и отмечены здесь. Ссылки даны на страницу и строку в оригинале. Наряду с резолюциями следует отметить следующие вопросы.

49.13	самые мрачные трагедии в истории Греции[.]	Добавлено.
64.15	переносят несчастья своей страны с благородством.	Добавлено.
286.30	занят кукурузными полями, виноградниками и оливковыми рощами[.]	Добавлено.